

ИСТОРИЯ КАЗАЧЕСТВА

АЗОВСКОЕ СИДЕНИЕ

А.В. ВЕНКОВ

АЗОВСКАЯ ЭПОПЕЯ.

Глава 1. Донские казаки, Москва и Азов в «Смутное время».

Город Азов и его окрестности на протяжении веков, если не тысячелетий, были северным форпостом Средиземноморского бассейна. По мере того, как в Восточном Средиземноморье менялся хозяин, менялась власть и в Азове, а вместе с властью исподволь менялось и население. В ХУП веке, который нас интересует, в Азове правили турки. Население города состояло из мусульман, но были и православные. И конечно же были вездесущие греки и армяне.

Азовские укрепления состояли из трех отдельных цитаделей, каждая из них имела свои собственные ворота, через которые они сообщались друг с другом. Город был каменный (кладка на глине). Охраняли его 11 бапчен. Со стороны суши укрепления состояли из обыкновенных черных земляных валов. Эта часть города, как и весь внешний обвод, тянувшийся на 600 сажень, назывался Топрак-кале. Цитадель, где стояли янычары, жил янычарский ага и возвышалась мечеть, построенная султаном Баязидом, называлась Таш-кале. И цитадель, где находилась резиденция азовского бега (Азак-беги), называлась Орта-кале.

Со стороны Дона стены высились на 10 сажень. Ров вокруг города был «кладен камнем», высотой – 1,5 сажени, шириной – 4 сажени.

Богатое Восточное Средиземноморье всегда торговало, воевало и разбойничало. И в Азове – то же самое. Был это важный торговый центр (в том числе и людьми азовцы приторговывали), стоял в нем сильный турецкий гарнизон. И еще одна особенность – Азов служил пристанищем для многочисленного разбойного сообщества, от которого стонали южные границы Московского государства. Называли этих разбойников на Москве «азовскими казаками» или просто «азовцами».

И еще одно сообщество процветало в ХУП веке около Азова выше по Дону. Были это вольные донские казаки. Занимались эти казаки охотой, рыбной ловлей, разбоями и грабежами. Как мухи на мед тянулись они к богатому Азову, к азовским и черноморским торговым морским путям.

Знали, что в Азове и в самом Царьграде делается. Знали, кто куда продан и кто продал. Сообщали московскому царю: «а нам, Государь, сказывают те люди, которые у нас прикормлены для твоего государева дела и для всяких вестей». Прикормлены эти люди были до самого Стамбула, и имели казаки «ежедневные вести из заморья во Азов, а из Азова к нам на Дон».

Как появились вольные донские казаки, вопрос сложный и спорный. Если и жили здесь испокон веков православные, то после монгольской орды и нашествия Тимура остались их на Дону к ХУI веку жалкие крохи.

Но с середины ХУI века начался сюда очередной наплыв из русских земель. Иван III, а за ним и Иван IУ стали русских людей прикреплять.

Мужиков к земле, а дворян – к службе. При Иване У1 Грозном и вовсе муторно стало. Искоренял царь боярские роды со всей челядью. И побежали боярские военные дружины от опалы и смертной казни в разные стороны. Многие нанимались на службу в иные земли, а кто и на Дон «сбрел», где очень быстро образовалось военное сообщество.

Мужиков здесь было мало. Редкий мужик от земли уйдет. А если и приходили и пытались пахать, то военное сообщество их сразу убивало. «Нам, - говаривали казаки, - потная работа не в обычай». Давным давно, при римских императорах, известны такие сообщества, в которых сотоварищи считали, что незачем пот проливать, если кровью взять можно.

А поскольку жили на грани выживания, ходили под смертной казнью и под татарскими стрелами, и заступиться некому, на себя да на товарища вся надежда, дисциплина в таких сообществах была железной.

Шли на Дон люди отчаянные, беспредельные, неуживчивые, по большей части те, кого сейчас называют «дезертирами». Распирали их сила и воля, и готовы они были на подвиги великие ради славы бессмертной или на злодеяния ужасные, чтоб запомнили навеки. Приходили весельчаки, любители пошить-погулять, способные в шутку человека убить, и сами они могли сдохнуть с хохотом просто так, ни за что. Чтоб при внутренней безграничной свободе не разнесли они Главное Войско по бревнышку, держали их старожилые казаки в ежовых рукавицах. Хочешь на Дону в люди выйти, походи в чухрах, в младших товарищах.

Приходили на Дон и вовсе пропащие, но такие здесь долго не выживали. Только стянут они по старой памяти чего-нибудь у кого-нибудь из своих, сразу их хватают – «Нет, брат, тут тебе не Москва» - сажают в мешок, подкладывают камней, чтоб не всплыл, и кидают бьющийся, невнятно кричащий куль в воду. Потом с шуточками и прибауточками смотрят, как пузыри булькают – это, значит, бессмертная душа сквозь воду и рогожу на свет божий пробивается...

Начало ХУП века было страшным. Семнадцать самозванцев вместе и поочередно распатывали основы Московского государства, и во всех этих неправдах казаки были если не заводчики, то участники. На Москве тогда казаков развелось великое множество. Всякий, кто работать не хотел, а намеревался на шее у ближнего посидеть, объявлял себя вольным казаком. Собирались такие люди по обычаю в станицы и шли к разным «великим государям», которых расплодилось много на русской земле, и те самозванцы жаловали их службою, земли на кормление давали, а иногда и деньгами жаловали. Многие такие казаки и на Дону никогда не бывали. Боялись таких на Москве хуже нечистого духа. Тот лишь душу забирает, а эти всё заберут.

Настоящие донские казаки тоже в эту кашу иногда совались. Но после похода царевича Димитрия, которого посадили они на Москве царем и который оказался Гришкою-расстригою, войско больше на Дону по городкам сидело. Каждый новый царь им жалование посылал – откупался, чтоб они в эту сумятицу не вмешивались.

7 января 1613 года открылся в Москве Земский Собор. Стали русские люди царя выбирать.

Претендентов было много. Издали требовал признать его законным русским царем молодой польский королевич Владислав, чьи войска только что отогнали от русской столицы. Шведы предлагали герцога Карла Филиппа. Сам спаситель Москвы, князь Пожарский, хотел стать царем и раздал людям, чтоб кричали за него, страшные деньги – 20 тысяч рублей.

Князь Дмитрий Трубецкой, казачий вождь, заранее остановился на дворе Бориса Годунова и устраивал там пиры для казаков, «моля их, чтоб были ему на России царем и от них бы, казаков, похвален же был». Казаки на тех пирах пили и шумели и втихаря над Трубецким смеялись.

Помимо этих знатных воевод претендовали на русский престол один из Шуйских, князь Иван Голицын, князь Пронский, кабардинец князь Черкасский и другие достойные вельможи.

Еще одна партия была в те дни на Москве при большой силе. Иван Никитич Романов, Борис Салтыков да князь Борис Лыков подговаривали московских простых людей и казаков крикнуть царем юного Михаила Романова, сына «тушинского» патриарха Филарета.

Славен был Филарет среди вольных казаков тем, что пострадал от злодея Годунова, и он же, будучи в святом сане, окормлял все разбойное казачье войско в Тушинском лагере. А ныне то казачье войско сидело на Москве и выбирало царя.

И Трубецкой, и Пожарский, и Черкасский да еще и Мстиславский с Куракиным уперлись против молодого Михаила Романова намертво.

7 февраля объявили на Соборе перерыв на две недели. Ждали, что казаки разъедутся на службу или разбредутся воровать, чтоб без их давления посадить на Москве царем кого надо.

И тогда казаки сказали свое слово.

21 февраля многие вольные казаки осадили дворы Трубецкого и Пожарского, ворвались в Кремль на Земский Собор, и ругали там бояр, что не выбирают царя, чтоб самим властвовать. Бояре им стали говорить – вот восемь достойнейших, среди них будем выбирать. Но казаки закричали, что выбирать не надо, что царь Федор Иоаннович, умирая, «благословил посох свой» Федору Никитичу Романову, но поскольку Федор Никитич от мирской жизни отошел и обрелся ныне в ангельском образе да еще и у ляхов в застенках, то выкрикнуть царем надо сына его – Михаила Федоровича.

Хитрейший Иван Никитич Романов стал говорить: «Тот князь, Михаил Федорович, еще млад и не в полном разуме». На что казаки, как и договорились, ответили ему: «Но ты, Иван Никитич, стар, в полном разуме, а ему, государю, ты по плоти дядюшка прирожденный и ты ему крепкий подпор будешь».

В общем – заставили присягнуть Михаилу Романову.

Писали через полтора века историки, что настоял на этом некий «славного Дону атаман», а кто – Бог весть. На Утвержденной грамоте казачьих подписей нет. Добившись своего, многие казаки поразъехались, а

многие ушли на войну с литовскими и шведскими людьми к Смоленску, Путивлю и Новгороду, за что обещали им бояре от имени нового царя великое жалование, «смотря по службе».

За границу полетели вести, что царек новый не крепок, что казаки выбрали «этого ребенка», чтобы манипулировать им, а большая часть населения казаков не любит и боится. И в Польше Сапега говорил в сердцах сидевшему в плену Филарету: «Посадили сына твоего на Московское государство одни казаки донцы».

Сам молодой царь из-за «великих грабежей» не хотел ехать в Москву. Еле его уговорили.

На Дон, где обжились в низовых и в верхних городках старожилые казаки, сведения из Москвы приходили отрывочные, поскольку между Доном и Москвой в Рязани и в Воронеже стояли люди Ивашки Заруцкого. С Заруцким была известная Маринка и царевич Иван Дмитриевич, которого новая московская власть называла «воренком». И были слухи, что прячется у Заруцкого сам царь Димитрий.

По Хопру и по Медведице казаки шатались и многие Заруцкому верили. На Низу же никогда и никому не верили и от Заруцкого, не видя от него какой-либо прибыли, держались в стороне. Так же спокойно приняли здесь польских королевских послов и, ничего не обещая, переправили к ногайцам.

К лету на Москве немного поутихло, в конце июня под Воронежем князь Одоевский разбил Заруцкого, тот бежал на Астрахань, и в июле Михаила Федоровича венчали на царство.

Воровство на том не прекратилось. У юного царя и его бояр от обилия бед руки опускались. Помимо обычных разбоев и грабежей, разъедавших страну, окружили Московию с трех сторон враги. В Астрахани – Заруцкий, на севере – шведы, а на западе польский король отобрал Северскую и Смоленскую земли и требовал отдать его сыну Владиславу царство на Москве.

В одиночку выбраться трудно, иногда казалось, что невозможно. Нужны были союзники.

Наиболее подходящим кандидатом в союзники казалась московским властям Турция.

Как и Россия, Турция переживала не лучшие времена и тоже нуждалась в союзниках. С 1603 года, еще до того, как в России началась смута, Турция ввязалась в неудачную войну с Ираном и к 1613 году успела потерять Дагестан, Азербайджан, Восточную Грузию, Северную Армению и часть Курдистана. А это никак не меньше, чем Смоленская и Новгородская земли.

Пока турки дрались с персами в Закавказье, с севера в бок Османской империи, как собаки злые, вцепились запорожские казаки, которые во главе с Сагайдачным разоряли черноморское побережье беспощадными набегами.

Доставали турок и с Дона лихие люди, но здешние ребята все это время больше на московских землях промышляли. Запорожцы же успевали

повсюду, и теперь, помирившись с персами, имели турки к запорожцам, подданным польской короны, большие претензии. И это московским людям, конечно же, было на руку.

Казалось бы, сам Бог сводит Россию и Турцию в союз против польского короля. Но меж двумя этими странами лежали Крым, Азов и земля донских казаков.

Донские казаки, которых турки считали подданными русского царя, вместе с запорожцами все время донимали турецкие и крымские берега разбойными набегами, азовцы, говоря современным политическим языком, им «адекватно отвечали». А крымские татары, подданные турецкого султана, с 1607 года, как при втором Лжедмитрии смута вошла в полную силу, на Русь приходили надолго и, как писали очевидцы, «жили без выхода». За десять лет тысяч сто христианских душ увели в неволю. Войск против них не посылалось, отбивались сами жители. Все это очень препятствовало русско-турецкому союзу.

От татар и от азовцев Москва ничего хорошего не ждала. Дай Бог донских казаков уговорить и на свою сторону перетянуть.

Как установилось на Москве новое правление, обратилась Москва к донским казакам.

В июне приехали на Дон из Москвы 45 казаков с тремя атаманами, рассказали, что посадили они на Москве нового царя, учредили там же Казачий приказ, и теперь собирает в нем Матвей Сомов, старый знакомец, еще по Тушинскому лагерю казакам известный, атаманов и казаков на литовских людей и на шведов. Атаманам дает жалованье по 7 рублей, есаулам – по 6, вольным казакам – по 5 и еще кормовые. А Ивашка де Заруцкий – вор, ему польский король обещал Новгород, Псков или Смоленск, царевич при Заруцком не настоящий, а настоящего царя Дмитрия видели люди в Персии у шаха.

Прослышав, что на Москве вольным казакам дают службу и жалование, донцы сразу же отправили туда свое посольство – атамана Стародубова с товарищами. Историк Василий Сухоруков пишет, что «атамана Стародубова приняли с честью, на приезде и отпуске дозволили видеть царские очи и угощали царским столом; во все время при дворе и у бояр ласкали и щедро одаривали как атамана, так и всю его станицу».

Вместе с этими возвращающимися казаками прибыли на Дон Соловой Протасьев и дьяк Михайло Данилов с жалованьем.

Историк Соловьев коротко и ясно описал начало этих сношений: «Посланы были грамоты и к донским казакам вместе с царским жалованием, сукнами, селитрою, свинцом, зельем и запасами; духовенство во имя православия увещевало донцов, чтоб немедленно шли в Северскую землю против литовских людей, за что получают благословение от Бога и славу от людей. Донцы приняли с честью московских посланников, извещавших об избрании нового царя, обрадовались царскому имени, в звоны звонили, молебны пели, из наряда стреляли, били батогами нещадно одного из своих, который объявил, что калужский вор жив, обещали служить и прямить

Михаилу точно так как его предшественникам, но отказались идти в северскую землю на литовцев»¹.

Протасьев и Данилов, видимо, особо не настаивали. Главное для них было – до Турции добраться. И дальше Соловьев пишет: «Желая мира с турками, правительство требовало от донцов, чтобы они прекратили свои поиски под Азовом; казаки обещали быть в мире с азовцами, до тех пор только, пока русские послы возвратятся из Константинополя, и требовали от царя жалования, денег, сукна, запасов, чтоб было чем им прикрыться и одеться во время мира с Азовом... Царь должен был согласиться и на это условие, обещал и больше, послав на Дон знамя... «И вам бы с тем знаменем, - говорилось в царской грамоте, - против наших недругов стоять, на них ходить и, прося у Бога милости, над ними промышлять, сколько милосердный Бог помощи подаст; и нам, великому государю, поначалу и по своему обещанию службу свою и речение совершали бы, а наше царское слово иначе к вам не будет»².

Как говорится, скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается. Знамя царское было только на следующий год. Да и о первом приезде царских посланцев на Дон можно рассказать много интересного.

Грамота на Дон от Духовного Московского собора писалась 18 июня, но из-за Ивашкиного Заруцкого воровства до Воронежа посольство добралось уже осенью. Да еще потратили время на то, что по московской скудости жалование для казаков собирали по дороге – в Коломне, в Переславле Рязанском и в самом Воронеже. Помимо захваченного из Москвы сукна, пороха и свинца, набрали по этим городам восемьдесят ведер вина «да сухарей и круп и толокна 180 четьи».

Из Воронежа на низ погребли 22 сентября, а вперед послали атамана Григория Долгова и есаула Василия Панка, про жалование сказать, чтоб встречали. Но атаман с есаулом вернулись и предупредили, что «на Хопре казаки воруют, прямят Маринке и сыну ее».

Мимо Хопра и Медведицы посольский караван греб наспех и с большим бережением, но Бог миловал, пронесло.

Уже ниже Хопра, когда гребли между Пятиизбянским городком и Нижним Курман Яром, некий казак Семейка по кличке Еболда стал говорить, что царь Димитрий жив, а атаман Гаврила Стародубов, соскучившись без настоящего дела, сказал о тех речах Соловьеву Протасьеву.

За московскими людьми по тем временам замечалась одна особенность – землю недругам раздавали целыми волостями, но за слово, сказанное невпопад, могли убить. И Протасьев вцепился в Еболду как клещами – собрал атаманов и стал Семейку при свидетелях расспрашивать. И Семейка сказал, «что де однолично вор жив». «И я, государь, велел атаману Андрею Трухинскому того Семейку дати на поруку, что ему стати на низу к большому войску», - доносил Протасьев.

---

¹ Соловьев Т.5. С. 20.

² Там же. С.20-21.

20 октября караван с жалованием пришел в нижние юрты.

«И атаманы, государь, и казаки, - сообщал Протасьев, - всех нижних юртов нас, холопей твоих, встретили и для твоего царского величества стреляли из наряду и из всего мелкого ружья, и мы, холопи твои, твою царскую грамоту, что с нами послана от тебя, государя, атаманам и казакам, Смаге Степанову с товарищи и всему Войску, чли, и твое государево жалование... отдали все сполна... И атаманы, государь, и казаки и все Войско, видя к себе твою царскую неизреченную милость, с сердечными слезами возрадовались и обещались тебе, государю царю и великому князю Михаилу Федоровичу всея Руси, служить и прямить во всем, как прежним великим государям...».

Показывая Соломову свою верность, рассказали атаманы и казаки, что приезжали к ним от Заруцкого и от Маринки астраханские жильцы Кара и Гришка Стародубец и уговаривали к Заруцкому пристать, но донцы «того Кару да Грипку позорили и с Маринкою, и мало не побили их до смерти».

Обрадованный Соловой Протасьев тотчас выставил перед атаманами и казаками Семейку Еболду и рассказал про Семейкино воровство. «И атаманы, государь, и казаки и все Войско тотчас Семейку про то расспрашивали и, сыскав его воровство, приговорили посадить в воду; и как его поволокли к воде, и прислали ко мне, холопу твоему, Соловку, атаманы, чтобы для твоего царского здоровья того Семейку у Войска от воды отнять и за его воровство бить батоги; и тот, государь, вор бит батоги нещадно».

Затем Соловой просил атаманов и казаков азовцев не задирать, пока посольство из Царыграда не вернется, а воевали б они в ту пору ногаев и крымских татар. И казаки на то согласились.

А насчет Астрахани и Заруцкого казаки сказали, что «только де государь пошлет к Астрахани бояр и воевод и ратных людей, и мы де все пойдем под Астрахань».

Царское посольство 26 октября проехало в Азов и далее в Турцию договариваться о союзе, а на Москве дела тянулись старым порядком.

Под Смоленском и под Новгородом шла война. Тысячи две казаков, шумевших вокруг Москвы, ушли на Новгород. Там, недалеко от Новгорода, под Вологдой казачьи атаманы даже землю получили. Филат Межаков, Дружина Романов по прозвищу Вострая Баба и Афанасий Коломна настоящими помещиками стали. Под Смоленск ушли казаки, оставшие под Воронежем от Заруцкого и ставшие под царские знамена. Станицы Андрея Гринева, Кручины Внукова и Петра Терского ушли в гарнизон Путивля. Человек с 400 казаков стояли гарнизоном в Новгороде-Северском.

На Дону мало народу оставалось. В низовьях насчитывалось 1888 казаков при 7 атаманах, да выше Раздор станиц 17 было. И царская грамота многим из них не приглянулась. Но были они люди осторожные (неосторожные в это время не на Дону сидели, а на Москве разбойничали) и царю отписку по обычаю отписали, хотя и не могли за этой отпиской скрыть усмешки снисходительной, может даже издевательской.

В отписке этой семь низовых атаманов – «Смашка Степанов, да Епишка Радилов, да Митька Кобанов, да Семенец Уколов, да Дементейко Ерофеев, да Михалко Трупченин, да Иванко Нос» - и казаки и все Войско от низу и до верху кланялись «до лица земли» и били челом о новом жаловании.

Перечислили они кропотливо, что уже получили – 22 пуда селитры, 22 пуда свинцу, 4 пуда серы, 55 ведер вина, 180 четвертей всякого запаса (сухарей, круп и толокна), 11 поставов сукна английского и гамбургского – и заявили, что вообще-то маловато: «и нам, холопом твоим, твоей милости запаса по зерну, да по пулке свинцу, да по вершку сукна».

Заодно пожаловались на данковского воеводу, который нарушил царский указ и на Дон с Протасьевым запаса ни зернышка не прислал.

И вообще – куда 25 ведер вина делись?

Соловой Протасьев из Воронежа на Дон повез 80 ведер, а донцы получили 55.

Мы так полагаем, что Гаврила Стародубов и Андрей Трухинский «раскрутили» все же Солового Протасьева и ежедневно по ведру зеленого вина употребляли. Плыли от Воронежа 28 дней, дня три, пока мимо Хопра и Медведицы неслись, возможно, и воздержались, не злоупотребляли. Вот вам и 25 ведер.

Но донцы таких расчетов не вели, поскольку выпитого вина не вернешь. Писали они о другом.

«Да ты же, государь царь и великий князь Михайло Федорович всеа России, пишешь во своей царской грамоте, чтобы мы тебе, государю, служили польскую службу, на крымской и на ногайской стороне по шляхам разъезжали, и по перевозам лежали да и с азовскими людьми тюшманиться (ссориться) нам не велел и велел мирным быти для своего царского и земского строения...». Тут они, наверняка, усмехались, как люди, услышавшие заведомую глупость.

Главная добыча была у них от Азова и от морских походов. По шляхам разъезжать и с татарами и ногайцами задираться – это по необходимости. Да и татары с ногайцами на низовые юрты особо не лезли, разве что по турецкому приказу. Знали, что с донских казаков много не обломится – своего нет, а чужое, грабленное, уже пропито. И поймеют они в случае удачи с донских низовых казаков, как с того куршивого поросенка – визгу много, а шерсти мало.

Дальше в грамоте казаки и атаманы открыто юродствовали: «И мы, холопи твои государевы, вседушно рады божью волю и твою царскую творити во всем до исхода души своея, и осели есьми ныне по юртишкам для тебя, самодержавного государя, ни под Азов, ни на море уже не бывати, ни на перевозки, ни в походы не ходити. Православный царь государь! Пожалуй нас, холопей своих, своим царским великим жалованием денежным, и сукном, и селитрою, и свинцом, и запасом, чем мы нужны, чтобы мы, холопи твои, служа с травы да с воды, наги и босы, и голодны не были».

И далее, показывая всю глупость царского указа, лишаящего их возможности жить по обычаю, пригрозили они, между прочим, что сели по

юртам не только на зиму, но и на будущее лето: «а мы, холопи твои царские, сели уже на всю зиму и на лето по своим юртам, а у нас, холопей твоих, то и лучший зипун был по вся дни под Азов да на море ходити, а ныне, государь, и перевозки не наши, коли со Азовом мирными быти: ты, государь, в том волен...». То есть, воля ваша, азовцев задирать не будем и по юртам разойдемся, но имейте в виду – граница открыта.

Впрочем, служба есть служба. Как писал Н.А. Мининков, «при существовавшем на Дону жизненном укладе в ХУІ в. вынужденный мир с Азовом был для казаков хуже войны, и, поскольку он вызывался интересами правительства, казаки приравнивали его к службе».

И кто-то, обойденный на Москве наградами, вставил в грамоту: «А мы, холопи твои прироженные, много лет ожидали будущих благ, а на кроволитие есьми нигде не дерзнули...».

Что касается похода против поляков, то ответили низовые атаманы и казаки как бы между прочим: «и мы, холопи твои, нынешнее лето пепши и бесконны; а се, государь, зима предлежит, а медлили за твоим царским послом, для твоего государева дела и земского, отправадили его под Азов и отдали честно турецкого царя людям, по чину и по подобию посольскому».

Вот такую отписку, «любя и верячи», отправили донцы на Москву, и повезли ее 5 ноября атаман Игнат Давыдов сын Бедрищев да с ним казак Назар Могилев.

Против Заруцкого, хотя и обещали, тоже низовые атаманы и казаки не пошли. Приезжали к ним с грамотой дети боярские Тюнин и Морев и елецкий служилый атаман Венюков, звали на Ивашку Заруцкого. Донцы не пошли, но и Заруцкому не помогли. Наоборот, прописали волжским, терским и яицким казакам «о покое и тишине». С.М. Соловьев отмечал, что написали «в очень неопределенных выражениях, вероятно, потому, что казаки имели о покое и тишине неясное понятие». Грамота была составлена явно под запорожским влиянием и призывала к единению всего «рыцарства».

Донцы сообщали о полученном жаловании и писали, «чтобы господь бог гнев свой отвратил и на милосердие преложил, чтоб покой и тишину вы восприяли и в соединении были душами и сердцами своими, и ему, государю, служили и прямили, а бездельникам не потакали; заднее забывайте, на переднее возвращайтесь, ожидайте, государи, будущих благ, а ведаете и сами святого бога писание: тысячи лет, яко день един, а день един, яко тысячи лет. А мы, господа, к вам много писывали прежде о любви, да от вас к нам ни единой строки нет, а мы и атаманов больших у вас не знаем; а вы, господа наши, на нас не дивитесь».

В 1614 году казаки под Новгородом были шведами разбиты и «учали пуще прежнего воровать». Записал очевидец: «Лета 7123-го казаки, вольные люди, в Русской земле многие грады и села пожгли и крестьян жгли и мучили». Насилу их уговорили послужить еще и отдали под начало атаману Михаилу Баловневу.

Одно утешение для власти – Заруцкого с Маринкой и «воренком» из Астрахани выдавили и на Яике в июне схватили.

«Воренка» - мальчонку лет четырех – в Москве безжалостно повесили. От кого его Маринка прижила, неизвестно. Может, от жида Богданки, являвшего себя царем Димитрием, может, от кого из польских рыцарей, а может – от самого Заруцкого. Но конец младенцу был один. Заруцкого же не то на кол посадили, не то четвертовали. Маринка от горя в тюрьме умерла, а может, и ее удавили. Так вот самозванство искореняли.

При всех этих делах власти московские, видимо, радовались, что низовые донские юрты к ворам не пристали. Но удерживать донцов, постоянно подкармливая, средств не было. И играло московское правительство, как говорят теперь, на патриотических чувствах – прислало на Дон с Игнатом Бедрицевым упомянутое знамя.

Знамя, как считал С.Г. Сватиков, было «своего рода инвеститура». Высылая его, предлагал царь Дону оформить отношения вассалитета. Причем, присяги со стороны войска не требовалось, и свобода за войском оставалась невиданная.

Более того, с установлением этих отношений менялся статус всего войска. Раньше Московское государство сносилось с казаками через Разряд, орган, набирающий людей на службу, сносилось с каждым атаманом, который приводил с собой на службу станицу. Теперь, когда вассалом предложили стать всему сообществу, менялась и форма сношений. Правда, официально оформили это чуть позже.

Кроме того, собрали последние деньги и послали на Дон весною дворянина Ивана Лукьяновича Опухтина с жалованием и с ласковыми грамотами, где Войско Донское титуловалось отныне «Великим Войском Донским».

Опухтин приехал 15 июня в юрт Смаги Чертенского и на круге спрашивал атаманов и казаков от имени царя об их казачьем здоровье. И казаки пали все на землю от такой милости и говорили: «Дай, Господи, чтоб государь царь и великий князь Михайло Федорович всеа Руси здоров был и счастен и многолетен на своих великих государствах!». А выслушав царские грамоты, велели попам петь молебны о царском здоровье и стреляли из пушек, пицалей и мелкого ружья. И царское жалование, как рассказывал Опухтин, «взяли с великою радостью».

Потом перед Опухтиным разыграли уже знакомый спектакль.

Рассказывал Опухтин на Москве: «И вынесли де государево знамя, что к ним прислано с атаманом с Игнатом Бедрицевым, и учинили около знамени круг, а под знаменем де лежит человек осужден на смерть». Узнал Иван Опухтин, что два казака в пьяном виде говорили, «что атаманы и казаки за посмеих вертятся, а от Ивашки им Заруцкого не избыти, быть под его рукою». И одного болтуна донцы якобы уже повесили, а другого, который лежал перед Иваном Опухтиным под знаменем, собираются убить прямо сейчас. «И многие де казаки ему, Ивану, били челом, чтобы де Иван того молодца для царского величества имени у них отпросил, а он де виноват без хитрости, не умышлением, сопьяна».

А атаманы Опухтину тихо на ухо говорили, что Соловой Протасьев так же одного виновного у них «отпросил», и что есть тут многие казаки с Волги и с Яика, и надо бы их государскою милостью обнадежить.

Опухтин все понял и стал говорить, что царь их ни в чем не винит и прикрыл все грехи своей природной милостью, а виноватого казака просил пощадить ради царского величества имени. Атаманы и казаки радостно «все завопили», славили царя, и виновного казака не казнили. Атаман же Епиха Радилов сказал помилованному добронапутственное слово: «Пора придти в познание: сами знаем, сколько крови пролилось в Московском государстве от нашего воровства и смутных слов, что вмещали в простых людей; мы уже по горло ходим в крови христианской; теперь Бог дал нам государя милостивого, и вам бы, собакам, перестать от воровства, а не перестанете, то Бог всех вас побьет, где бы вы ни были».

Просидел Опухтин на Дону с месяц и больше, все дожидаясь вестей от Протасьева, не явится ли из Царьграда. 26 июля снарядили его казаки обратно в Москву, с ним же поехал атаман Гриша Долгошея.

Прописали с Опухтиным, что жалование получили. А прислал им царь тысячу рублей, сукно, порох, свинец, селитру, серу, хлебный запас и вино. Дошло все сполна. Но Опухтина якобы подьячие обвесили, и казаки недостающие деньги – 4 рубля и 20 алтын с копейкою – взяли у самого Опухтина.

Еще написали, что, согласно царской грамоте, по шляхам они ездят, а по перевозам на Дону и на Мертвом Донце лежать возможности нет, поскольку с азовцами по царской воле замирение, а азовцы те перевозки у донцов отбили. Вообще азовцы мириться не собирались и за прошедшую зиму и весну у донцов с тысячу лошадей отогнали, отбили сто коров и самих казаков человек тридцать в Азов силой увели. «А мы, холопи твои государевы, не смеем своего изъяну отомстити для тебя, великого государя».

Что касается посольства в Турции, то казаки имели якобы ежедневные вести, что «здоров Соловой Протасьев в Цареграде, и царь де его вельми любит и жалует, паче всех послов иных государств; а отпуску де ему чают поздно под зиму, с последним караваном, которые суда зимуют в Азове, и турецкий де чеуш с ним будет».

Москва ждала послов из Турции с великим нетерпением. И Опухтин, отъезжая, видимо, просил донцов сразу же сообщать, если появятся про послов какие новости. Потому что, не успел Опухтин до Москвы добраться, а вослед ему 19 сентября поскакал атаман Карп Иванов со слухом, что отпуск послам будет вскоре при последнем караване.

Тогда же в сентябре официально оформили сношения с донцами по их новому статусу.

Донской историк Василий Сухоруков писал: «В сие же время государь озаботился прочным устройением сношений с Доном: при прежних государях переписка с донскими казаками производилась большею частью по Разряду. В сентябре 1614 года великий князь указал заведовать делами

сими Посольскому приказу, который управлял сношениями со всеми иностранными народами».

Меж тем пришло в Москву известие, что Соловой Протасьев и дьяк Михайло Данилов из Стамбула отпущены с великой честью и везут к русскому царю от султана Ахмата посла чеуша Алея. Прописали о том донские казаки 1 октября и послали с отпискою атамана Вострою Иглу и казака Ларю Чернышева, что турецкий караван уже в Кафе. А воеводам по украинным городам донцы прописали, чтоб готовили суда везти послов и чеуша в Москву.

Новости были серьезные, и доставили их Вострая Игла с Ларионом Чернышевым в Москву всего за 8 дней.

Казакам на Дон из Москвы с теми же гонцами послали подробные инструкции, чтоб они это посольство в Азове встретили и в Москву проводили. А из Москвы навстречу посольству направлен был дворянин Иванис Григорьевич Одадуров, который должен был остановиться в Воронеже и ждать вестей, а как послы придут в Азов, ехал бы в казачьи юрты их встречать.

Вести послы из Турции везли важнейшие. Великий визирь якобы говорил им: «Султан хочет быть с великим государем в братстве, дружбе и любви, хочет стоять на литовского короля, послал приказ крымскому царю идти на Литву от Белгорода (Акермана) да из Царя-города посылает 10000 ратных людей с волохами и молдаванами на Литву, а на Черном море у Днепровского устья велел поставить от днепровских черкас два города и казаков с Днепра сбить...». И якобы еще визирь говорил, что под солнцем два великих государя: в христианских странах ваш великий государь, а в мусульманских Ахмет султан, и против них кому устоять?

Но обо всех этих «любительных» речах Москва узнала поздно, поскольку послы в Азов прибыли поздно осенью и вынуждены были в Черкасском городке зазимовать.

В этом сообщении много для нас непонятного и интересного.

Василий Сухоруков пишет: «Они прибыли в Азов в позднюю осень и потому должны были зимовать в казачьих юртах, по невозможности зимним путем пройти в Россию. Живя в Черкасском городке (где ныне Старочеркасск), они были совершенно довольны почестями и угождением казаков».

Еще одна деталь: жившие в Черкасском городке запорожцы подозревали, что посланцы везут с собой большую казну, и некоторые из этих запорожцев сбежали в Сечь, чтобы найти там себе товарищей и ограбить посланцев в дороге.

Обе эти новости были сообщены в Москву из Воронежа Одадуриным и получены на Москве 6 января 1615 года.

Возникает ряд вопросов. Во-первых, если возникла опасность от запорожцев, почему послов оставили зимовать в Черкасском (практически – запорожском) городке? Во-вторых, неужели не было возможности довести послов санным путем хотя бы до Главного Войска, до Раздор? В-третьих, что

значит «невозможность зимним путем пройти в Россию»? Холодно? Нет дороги? Но нам известны случаи зимних набегов татар на русские земли, а кроме того есть самый удобный зимний путь – по руслу замерзших рек.

И еще одна новость – сообщали потом донские казаки: «Донские атаманы Смага Степанов и Епиха Радилов и казаки с азовскими людьми воюются с тех мест, как взяли Соловова Протасьева; а по его отъезд с азовцы не помирились». И Сухоруков подтверждает: «Еще в то время, когда Протасьев с турецким чеушем зимовали в Черкасском городке, они (азовцы) беспрестанно делали на их (казацки) юрты воровские набеги».

Теперь понятно. Казаки и атаманы запугали послов запорожскими разбойниками, задержали у себя в самом нижнем и самом опасном Черкасском городке и всю зиму прикрывались посольством от набегов азовских разбойников. Турецкому послу оказывались всевозможные почести и постоянно указывалось на недостойное поведение азовского сброда. И так до весны.

А с весны навалились на русскую землю новые беды.

В войске казачьем под Новгородом устроили перебор – кого на службе оставить и деньги платить, а кого в шею гнать и прежним владельцам вернуть. Войско, 30 станиц, тысяч пять, а то и больше, взбунтовалось и пошло на Москву. Шведский король Густав-Адольф, пользуясь этим, осадил Псков.

Да под Брянском объявился известный воин Александр Лисовский, рыцарь герба «Колочий Ёж», и пришлось собирать дворян и слать их с князем Пожарским выбивать одного Лисовского с русской земли. Долго Пожарский за этим всадником гонялся, но заболел и слег в Калуге, а Лисовский, покуролесив по московским землям, невредим ушел в Литву «после своего изумительного в военных летописях круга и надолго памятного в Московском государстве... С тою же чудесною быстротою действовали на отдаленном севере казаки малороссийские: такой войны, говорит летописец, от начала мира не бывало; не понимали русские люди, куда и как пробирались черкасы».

Да под Смоленском казаки соскучились воевать и стали разбегаться, кто на Дон, а кто к тому же Лисовскому. От семитысячного войска осталось две тысячи с половиной.

И под Москвой ребята атамана Баловнева говорили – если государь их не пожалует, то пойдут к Лисовскому в Северскую землю.

Еле-еле московские люди управились. Атамана Баловнева с ближними людьми заманили в июле в Москву якобы за жалованием и там обманом схватили, а войско казачье, оставшееся без главы, посекали и разогнали. Потом, в августе, и Баловнева с тридцатью шестью товарищами повесили.

Боялись казаков, а без них не могли. И потому многих разбежавшихся из-под Москвы казаков опять собрали и службу им дали. Набралось таких счастливцев 3256. Но многие ребята, над кем веревка завиднелась, сволоклись на Дон и рассказали про московскую измену.

Тут уж и Дон зашатался – «Мы тут от азовцев тершим, а они там...». И ударило Войско Донское на азовцев. Разорили казаки азовские предместья, разогнали рыболовов, отогнали стада и, выйдя на море, погромили несколько судов турецких. «Азовцы, - пишет Василий Сухоруков, - взаимно воровали и грабили, сколько удавалось им; и в таких упражнениях прошло лето 1615 года».

Турции тоже не повезло. Дважды за год запорожцы Сагайдачного, прихватив с собой кое-кого из донцов, выходили в Черное море и пожгли турецкие городки прямо вокруг Стамбула, и вроде бы сам султан из окон своего дворца видел дымы пожаров.

А кроме того обещали запорожцы взять Азов, что перерезало бы главный путь из Москвы в Константинополь.

После всех этих событий русско-турецкий союз становился настоятельной необходимостью.

В августе 1615 года отправилось из Москвы в Константинополь новое посольство – Петр Мансуров и дьяк Самсонов. Ехали они уговаривать султана, чтоб велел крымскому хану идти на Литву. Хотели пугать султана, что король польский беспрестанно сыпается с цесарем, папою, королем шведским и другими государями, «умышляя всякое лихо на Россию и Турцию». Послы также должны были жаловаться на набег азовцев на русские уkraine.

Чтобы послам пробраться в Турцию через выпедший из уговора Дон, послали московские власти в сентябре атаманам и казакам грамоту с пожалованием беспоплиной торговли по всем украинным городам и с разрешением ездить в русские города в гости к родственникам. Писали также, чтоб помирились донцы с азовцами, и донцы как бы сквозь зубы обещали. Дескать, приедут послы, тогда помиримся и в Азов проводим. С послами же направили из Москвы в низовые юрты жалование.

Посольство, сопровождаемое из Москвы многочисленными донскими атаманами, как обычно, запоздало. Пришли в Воронеж 1 ноября, а река стала 26 октября, и водным путем до низовых юртов было уже не добраться. Турецкий посол Алей, не доезжая ни Азова, ни казачьих юртов, зазимовал на Воронеже. Это, может, его и спасло, а то попал бы на Черном море в лапы Сагайдачному.

Мансуров и Самсонов стали из Воронежа в грамоте донским казакам выговаривать: «Вы с азовцами до сих пор не в миру, вам бы с азовцами сослаться и одноконечно помириться». Да объявили бы в Азове, что посольство едет, чтоб приготовили там для посольства корабль.

Но донцы с азовцами так и не помирились. Осенью набегали азовцы и за малым не отбили у донцов три городка. Да зимой подступали азовские разбойники ночью тайно к лучшему казачьему городку и после жестокого боя бежали с уроном.

Всю осень и всю зиму носились гонцы с Дона в Запорожье и обратно. Узнавали донцы: придут по весне запорожцы Азов брать или не придут? Как бы Москва из-за этого Азова два братских войска не стравила... Запорожцы

донцов успокаивали: вы, мол, войны не бойтесь, мы не ради польского короля, мы даже можем царя с королем помирить, заставим короля уйти из Смоленска. Шлите, мол, к нам на Запороги кого из атаманов или казака доброго, вместе будем между царем и королем посредничать. Но при всех этих миролюбивых «инициативах» стояли запорожцы на своем: Азов брать будем. «А говорят де черкасы, что им однолично сее весны приходити к Азову, имати Азова», -сообщали в Москву с окраин...

В первых числах мая 1616 года посольство Мансурова прибыло в нижние юрты и было встречено с честью. Казаки начали переговоры о мире.

Обычно азовцы соглашались и в качестве подарка (или отступного) давали донцам котлы, сети и соль. Теперь же казаки сверх обычая потребовали выдать им троих казаков, сидевших в Азове в плену. Азовцы отказали, заявили, что это ново и не по правилам. Мир не состоялся.

Посольство, торопясь, проехало в Азов, хотя замирения и не было. Ехали, как к волку в пасть, потому что рядом, на Миусе, донцы с запорожцами в складчину собирали ватагу идти за зипунами.

Азовский папа Али-бей говорил Мансурову с досадой: «Добро было бы вам донских казаков с азовцами помирить. Казаки азовцам теперь чинят тесноту и вред большой, стали они нам хуже жидов. А если вы казаков с азовцами не помирите, то мы всем городом отпишем султану, и вам к нему приехать не к чести».

9 июня азовские люди привезли с Мертвого Донца пленников, донского атамана Матвея Лисишникова и более 20 человек казаков.

Атамана страшно пытали, резали ремни из хребта. Другим тоже не слабо доставалось. С пытки казаки сказали, что царь прислал к ним с Мансуровым на Дон жалование, деньги, сукна, хлебные и воинские запасы.

После этих вестей азовцы атамана повесили на том самом корабле, который был приготовлен для посланников.

Посланники объявили папе, что они не поедут на том корабле, на котором был повешен «воровской мужик». Папа, человек государственный, все прекрасно понимая, ответил: «Здесь живут воры же, вольные люди, такие же, что на Дону казаки. Взяли они воровских казаков и повесили на корабле не по моему приказу, а самовольством. А корабль я вам дам другой».

Наконец, 14 июня донские казаки – атаман Смага Чертенский с товарищами – прислали в Азов троих атаманов – Василия Черного, Гаврилу Стародуба и Василька Болдыря, - которые и заключили перемирие с азовцами. Привели азовских лучших людей к перти и сами азовцам крест целовали, что не будут воевать, пока царские послы обратно из Царьграда не вернутся. Потом разменялись аманатами. Но и после этого Али-бей, проверяя крепость казачьего слова, посланников царских пять недель в Азове держал и, наконец, отправил их в Константинополь, куда и прибыли они 23 июля.

В Константинополе ждал послов почетный прием. Великий визирь сказал им: «Вы у меня гости добрые, пришли к нам с делом добрым и любительным, и государь наш велел вам честь воздавать свыше всех послов

великих государей и ставит себя государя вашего великим и неложным другом и приятелем».

Но и здесь казаки не замедлили помешать делу. Вскоре визирь прислал сказать посланникам, что донские казаки после отбытия послов в Константинополь двенадцать дней приступали к Азову, погромили на Миусе много кораблей и теперь на 70 стругах идут на город Кафу. «И вы, посланники, пришли к государю нашему не для доброго дела, с обманом», - передали посланникам слова визиря.

Посланники запели старую песню, что на Дону живут воры, беглые люди боярские, что, мол, утекая из Московского государства от смертной казни, живут они на Дону, переходя с места на место, разбойничьим обычаем.

На эти речи визирев посланец возразил: «Вы говорите, что на Дону живут воры, а для чего же ваш государь теперь с вами прислал к ним денежное жалование, сукна, серу, свинец и запасы? Визирь вам велел сказать: если донские казаки какое дурно на море или под Кафою учинят, то вам здесь добра не будет, можно вас здесь за вашу неправду казнить смертью. Пишите к казакам, чтоб они от своего воровства отстали».

Посланники отвечали: «Присланы мы для больших общих дел. Когда мы будем у визиря и об общих больших делах переговорим, тогда и о донских казаках договоримся».

Но визирь долго не посылал за царскими посланниками, так как вскоре пришли еще одни вести, что донские казаки приходили на многих стругах, города Трапезунд и Синоп взяли, выжгли, людей многих побили и в плен забрали.

Отрезанные в Константинополе от внешнего мира и от родины посланцы не знали, что действительно после их отплытия из Азова под этим городом началась война. Азовцы погромили передовой донской острожок, набрали пленных и после на городской площади казнили 50 человек.

Такой казачьей неосмотрительности есть объяснение. Обычно донцы проверяли на деле пришедших к ним беглецов и селили меж собой и азовцами. И теперь, видимо, припавших разместили в передовой городке, и те, развращенные безнаказанными разбоями на великорусских землях, сразу же попали в цепкие лапы азовских вольных людей.

Однако это был повод, и донцы опустошили азовские посады, стали громить турецкие суда в заливе и жечь поморские деревни. Азовский папа немедленно сообщил в Константинополь, свалил всю вину на казаков, что вот мол азовцы вторично мира просили и 1000 золотых давали, а донцы деньги взяли, но мира и поныне нет.

Что касается Синопа и Трапезунда, то пожгли там только посады, и жгли их не одни донцы.

Царские посланники, ничего этого не зная и утомившись ждать, обратились к казначею, зятю визиря, подарили ему сорок соболей, чтоб похлопотал за них перед визирем.

Визирь прислал сказать им, чтоб ни о чем не печалились, и вскоре, действительно, пригласил на беседу.

Начало разговора было неприятным. «Не известить мне государю своему о казачьем воровстве нельзя, но как скоро я ему об этом объявлю, то вам добра не будет, говорю вам прямо, - сказал визирь. — Да государь же наш велит в вашу землю послать татар войною, и государю вашему какая от этого прибыль будет?».

Посланцы царские опять говорили: «На Дону живут воры, которые и Московскому государю много зла наделали, первые к Гришке Отрепьеву и польским людям пристали, а после многих воров называли государскими детьми. Царское величество с Дону их сослать велит для дружбы к султану». Впрочем, последнее обещание звучало не совсем уверенно.

Со своей стороны посланцы тоже высказали претензии: «То не диво, что воры, беглые люди воруют; но азовские люди — не казаки, живут в городе, а каждый год приходят на государя нашего украины».

Визирь возразил: «Но ведь крымцы на ваши украины не ходят».

Посланники отвечали: «Мы говорим не о крымцах. Говорим, чтоб султан унял азовцев».

Визирь замолчал. Видимо, как царь казаков, так и султан азовцев унять был не в силах, а может, и не хотел. Перемолчав, визирь снова к казакам вернулся: «Скажите мне, сколько ратных людей вас провожало до Азова и сколько под вами и под ратными людьми было стругов, и теперь эти ратные люди и струги где? До нас дошел слух, что этих ратных людей и струги вы все оставили у казаков на Дону, и на этих ваших стругах теперь казаки на море воруют, корабли громят и деревни пустошат».

Посланники отвечали, что на Дону ни ратных людей, ни стругов не осталось.

Визирь сказал на это: «Если государь ваш теперь казаков не смирит, то наш государь может и своим войском их смирить, только между государями дружбы не будет, и вам здесь будет задержание. Но полно говорить об этом деле, станем говорить о добрых делах».

Царские посланники к добрым делам перешли без заминки и визирю без обиняков заявили: «Если ты на польского короля войско поплешь вскоре, все великого государя нашего дела переделаешь и нас отпустишь скоро с добрым делом, то мы тебе бьем челом — семь сороков соболей добрых».

Визирь обрадовался и обещал, что войско поплет и титул московского государя полностью будет писать.

Посланники его еще порадовали, сказали, что на Москве задержаны персидский и австрийский посланники, потому что цесарь, шах персидский и король польский друг с другом ссылаются.

Но приятные отношения, подкрепленные соболями, были непродолжительны.

Вскоре визирь объявил, что султан посылает войско на Литву, но чтоб посланники поручились, что донские казаки во время этого похода не причинят вреда турецким областям.

Посланники поручиться отказались, поскольку таких полномочий не имели. Пусть, дескать, от султана в Москву посол едет и о казаках договаривается.

Визирь стал пугать, что лучше б посланники поручились, иначе султан на короля войско не пошлет, зато пошлет на казаков. «Наши ратные люди всех казаков побьют, юрты их разорят, и вашему государю то не к чести будет».

Посланники отвечали: «Хотя бы турецкие люди донских казаков до одного человека побили, то наш великий государь вашему за то не постойт: наш великий государь сам о том помышляет, чтоб казаков на Дону не было и чтоб от их воровства между обоими государями дружбе помешки не было».

Визирь не верил: «Вы называете донских казаков ворами и разбойниками; за что же ваш государь послал им запасы многие? И они с этими запасами по морю ходят беспрестанно и нашему государю многие убытки делают».

Посланники говорили, что запасы шлют на Дон, так как казаки дерутся с ногайцами и отбивают у них русский полон, и заявляли ответные претензии: «На Дону живут воры разбойничьим обычаем, переходят с места на место; а вашего государя азовские люди живут в городе и на нашей украине разбойничают!». И визирь вынужден был отвечать, что султан велит унять азовских людей.

Вот в таком ключе обычно и шли переговоры.

Чтобы переложить всю вину на тех же поляков, московские послы обычно указывали, что большую часть разбойничающих на море составляют «черкасы» - польские подданные. И это было истинной правдой. Запорожские черкасы были в то время посильнее донцов и выход по Днепру имели прямо в Черное море.

Поляки же, не развязавшись с московскими делами, не хотели преждевременно рвать отношения с турками и со своей стороны твердили визирю и другим нужным людям, что на Черном море разбойничают не запорожские, а донские казаки.

На самом же деле гуляли по Черному морю и те и другие. А что касается распросов визиря, то вызваны они были тем, что пока русское посольство сидело в Константинополе, Сагайдачный с запорожцами и приставшими донцами разбил у Днепровского Лимана турецкую эскадру, прорвался в Черное море и действительно пожег и пограбил многие города на побережье. И это бы ничего и послам на руку, но когда турки послали на «неверных» новый флот и тот флот перекрыл устье Днепра, чтоб перехватить казаков вместе с добычей, гулебщики ушли через Керченский пролив в Азовское море и на Дон. Визирь, видимо, не верил, что морские разбойники могут вытворять такое, не будучи в сговоре с московскими властями, потому и допытывался у русских послов, где царские струги и где царское войско.

Московские власти, узнав о всех этих приключениях, послали на Дон дворянина Еремея Кисленского с наказом, чтоб казаки помирились с азовцами, а к султану из Москвы послали гонцов через Крым с грамотой, что грабят на море запорожцы, а донцы заворовались и царских указов не слушают, потому мол и через Крым ссылаемся.

Турки, не развязавшиеся до конца с Ираном и из-за донского казачьего воровства не уверенные в поведении Москвы, на два фронта воевать не рисковали. Чтоб оправдать риск, говорили, чтоб русский царь отдал им Казань и Астрахань. Русские на такое, конечно же, пойти не могли.

Меж тем с поляками у русского государства все еще шла война. В 1616 году поляки против Москвы большого войска не собрали. «Ждали, - как пишет Соловьев, - нападения на Польшу турок, раздраженных казацкими набегами...».

Турецкий флот, не дождавшись возвращения запорожцев в Днепровском Лимане, действительно поднялся по Днепру и погромил пустую Сечь. Но запорожцев это мало тронуло, они в это время сухим путем возвращались с добычей с Дона, а многие и вовсе остались на Дону в предвкушении новых совместных набегов.

Как бы там ни было, в сентябре польский сейм все же принял решение о новом походе на Москву, чтоб возвратить королевичу Владиславу русский царский престол. И тут, как пишет Соловьев, «встременулись казаки, почуяв войну и смуту: донцы прислали к Владиславу атамана Бориса Юмина и есаула Афанасия Гаврилова объявить, что хотят ему правдою служить и прямить. Владислав 26 ноября 1616 года отвечал им, чтоб совершили, как начали»³. Да из Новгорода Северского к «великому князю Владиславу Жигимонтовичу» отъехали три станицы, среди которых мелькали ребята из шаяк Заруцкого. Владислав их всех жаловал, напоминал о стеснении казачьих вольностей при «Михалке Филаретове сыне» и о том, как изменой побили людей Баловнева.

Русские, ожидая нового польского похода, пошли на мир со шведами, отдали им по Столбовскому миру Карелу, Копорье, Орешек, Ям, Иван-город и устье Наровы. Теперь надо было еще заручиться поддержкой Турции. Но турки уперлись из-за казачьих набегов.

Владислав в 1617 году в поход выступил, но двигался медленно. Смоленск поляки все же от русских отстояли. 6 мая русские ушли от города. Рассказывали потом, что «з голоду ели кобылятину и собаки и стали бедны же без службы и без всех животов».

На Дону из-за Владислава началась смута, и атамана Смагу Чертенского, сторонника Москвы, «выбили из круга».

Московские власти при всех этих шатаниях жалование задержали в Воронеже, а на Дон послали проведать воронежских служилых казаков – кто донцов на смуту подбивает, не черкасы ли, не от польского ли короля.

К турецкому же султану послали грамоту, что донцы изменили, и обещали, что, как справятся с польским королем, разберутся и с донцами. «... А как оже, даст бог, с недругом нашим, с польским Жигимонтом королем, мы, великий государь, твоею помочью управимся и с тое стороны нам недруга не будет, и мы, великий государь, на тех воров пошлем рать свою и с Дону их велим сбить, а которые достанутся живы, и тех велим казнити смертию, по их винам кто чего достоин».

Владислав же послал на Дон грамоту и звал «з Дону и со всех рек и речек» к себе на службу, обещая вольность, поместья и денежные оклады. И многие ребята с Дону явились к Владиславу, где разрядный дьяк Василий Янов приводил их к крестному целованию, и кричали, что пойдут на Москву и посекут злых бояр: «Полно-де нас воеводы по городам и в острожках метали!». Но в целом Дон ни Владислава, ни Михаила не поддержал.

Здесь, пользуясь общей сумятицей, бросились на море за зипунами.

Еще до Пасхи выпли в море 700 донских казаков и погромили 7 турецких каторг и зипун добрый взяли. Султан Ахмет выслал на них еще 7 каторг с лучшими папами и с войском, но казаки и те каторги разбили, одного папу убили, а другого живым привезли на Дон. Доносили в Москву знающие люди: «И ныне тот папа сидит на Дону у казаков скован и ждет по себе окупу; а для окупу послали казаки в Царьгород того же папы двух человек, а окупу за него да за двух его человек сговорили взять 30400 золотых; и папа де о том от себя к жене своей и ко племени с людьми своими писал, а велел за себя окуп привести в Азов к осени».

Взбешенные турки задержали русских послов. Но азовцы вроде бы согласились на мир, видимо, надеялись получить за посредничество при передачи пленного папы. И из Москвы срочно выслали дворянина Несмеяна Чаплина на Дон уговаривать донцов, чтоб отдали папу без выкупа. Еще должен был Чаплин перед папой извиниться и валить всю вину на подстрекателей-запорожцев, подданных польского короля.

Уговорил Несмеян Чаплин донских казаков отдать папу без выкупа или нет – Бог весть. Но вернулся Чаплин на Москву только на следующий год.

У турок же в том году умер султан Ахмед 1, и на престол вступил слабоумный брат покойного – Мустафа 1, так что за всеми этими изменениями им было не до помощи русскому царю.

Владислав же дошел до Вязьмы и там зазимовал. Всю зиму некоторые казаки ездили от московских людей к Владиславу и обратно, поскольку у Владислава с деньгами тоже было не густо.

На Дону ж жили по прежнему. Доходили слухи из Азова от верных людей, что московские люди проговорились – будет после польской войны московский поход на Дон, сбить казаков с Дону и казнить по их винам. На Дону таким речам не верили. Знали, что туркам московские люди это часто обещали, а как вздумали ногайцы московским людям о том же говорить, мол сведите казаков с Дону, московские люди ногайцам ответили: «Вы ерунды не

говорите, отдайте полон и учините шерть на кургане, а если не исправитесь, его царское величество велит на Дон атаманов и казаков еще прибавить».

На другой год, 1618-й, поздно, аж 5 июня Владислав выступил из Вязьмы и подошел к Можайску. Бои пошли затяжные, с обеих сторон люди гибли и страдали от голода. На Москве сразу вспомнили про донцов и послали к ним на Дон дворянина Юрия Богданова с грамотой. В грамоте писалось, что 14 июня от дворянина Чаплина узнал царь о верной службе донцов и наградит их жалованием выше прежнего, но случилось вот такое горе, явился на русские земли недруг и разоритель король Жигимонт, и пусть донские казаки приплот войско тысяч с пять конных и пепих.

Донцы грамоту 3 сентября получили (жалование с Богдановым задержалось в Воронеже), но с высылкой войска пока медлили.

Отвлекло их одно обстоятельство, с точки зрения донцов гораздо более важное, чем все московские дела. Турки явились под Азовом, привезли с собой московских послов, Мансурова и Самсонова, и, прикрываясь этими послами, стали засыпать Мертвый Донец, а на речке Каланче ставить башню. Оставался казакам выход в море прямо под стенами Азова.

Строительство турки должны были закончить к зиме, тогда и посольство из Азова на Дон обещали отпустить.

Под Москвой у Можайска бои продолжались. Наемники, что были у Владислава, требовали денег. И в московском войске многие дворяне стали съезжать по домам. Казалось, что война затухает.

И тут Сагайдачный с 20 тысячами запорожских казаков вторгся в Россию с юга на помощь Владиславу. Шел он степью и захватил русское посольство, направлявшееся в Крым, которое везло на 10 тысяч «мягкой казны». А кроме того взял Сагайдачный Ливны, Елец и Данков. Пожарский заболел, «ратные люди остановились и не хотели идти против неприятеля с больным воеводою; казаки воспользовались этим случаем и стали воровать». У них пошла рознь с дворянами, они ушли во Владимирский уезд, вотчину князя Мстиславского, «и оттуда много мест запустошили»⁴.

Больного Пожарского сменил князь Волконский и хотел остановить запорожцев на Оке, как обычно останавливали татар. Но 6 сентября, сговорившись, поляки и запорожцы ударили одновременно: поляки от Можайска, а запорожцы (7 тысяч старых казаков и 3 тысячи слуг) полезли через Оку. Волконский с боем отступил к Коломне, и там от него, прихватив с собой служилых татар и астраханских стрельцов, ушли последние казаки.

Москва стала садиться в осаду.

В самом городе было беспокойно. Ратные люди – ярославец Иван Туренев, смоленец Яков Тухачевский и нижегородец Афанасий Жедринский – «приходяху на бояр з большим шумом и указываху чево сами не знаху».

Войск в столице было мало, да и те сразу же ударили челом о жаловании; еще и комета сверху нависла, так что люди стали впадать в страх.

Казаки, покинувшие войско Волконского стали лагерем в Вязниках. К ним из Москвы приезжали, звали на службу, а они выговаривали себе привилегии, чтоб никого из казаков обратно со службы не выкинули, кем бы он раньше не был, и жалованье себе просили вровень с дворянами, 5 рублей им было мало.

Пока шли переговоры, поляки 2 октября решились на штурм, но были отбиты. 20 октября начались с ними переговоры.

Только съехались московские представители с поляками, из Москвы сообщили, что часть войска взбунтовалась и пошла из города, и вся Боярская дума ходила беглецов уговаривать, чтоб вернулись.

Пока шли переговоры, пополз слух, что царевич Иван Дмитриевич жив, на Москве де удавили другого младенца, а настоящего казаки спрятали и скоро явят его. Польская делегация открыто грозила, что устроит московским людям еще одного самозванца.

Оглядывались московские представители на лагерь в Вязниках. Вот оно, готовое войско для новой смуты. И на Дону зашевелились казаки. Пригласили их на свою голову, а к кому они под Москвой пристанут, одному Богу известно.

Чтобы не потерять последнего, 1 декабря заключили московские люди в селе Деулино с поляками перемирие на четырнадцать с половиной лет, отдали Смоленск, Чернигов и Новгород-Северский.

И тут явились две тысячи донцов во главе с Гаврилой Стародубовым и с отпиской к царю: «Служить тебе готовы: вот передовой отряд, а большое войско собирается». «Но прежде, нежели сей отряд достигнул до Москвы, - пишет Василий Сухоруков, - прекратилась война с Польшею...». Действительно, на казачьей отписке стоит помета, что получена она 6 января 1619 года, через месяц с небольшим после заключения перемирия.

Москва же еще до появления донцов под ее стенами, убоялась, видимо, прихода новых вооруженных людей, и 30 декабря пошла на Дон грамота, чтоб войско оставалось в юртах своих. Мол, дорога ложка к обеду...

Прибывшим же под Москву дали жалование.

После всех этих событий, после потрясений, начавшихся с годуновских времен, притихло Московское государство, лежало, больное и беспомощное, как похмельный богатырь после загула и жестокого мордобоя.

Владислав с войском ушел, оттяпав для Речи Посполитой многие земли, придвинув границу к самой Вязьме. И Сагайдачный ушел. У Калуги пленных распустил (но не всех). Как обычно после таких дел, сокрушался он, что ошибся – не надо бы ему на Москву ходить, христианскую кровь проливать. Ездил даже к иерусалимскому патриарху, просил отпустить грех разлития христианской крови. И другие запорожцы говорили, что ошиблись, нечистый попутал. Один их полк – Ждана Конши – даже на службу у русского царя остался. Бесчисленные наемники отправились в Европу, где как раз началась жестокая и кровопролитная война, названная впоследствии Тридцатилетней, и где ожидали их фортуна и добыча.

В общем, все были благостны и довольны, кроме самих московских людей.

Поглядывая на них, на их прищур запоминающий, стали постепенно разбегаться вольные казаки из многочисленных шаяк от греха подальше.

Что это были за люди – «показаченное московское население» - видно из таблицы, составленной А.Л. Станиславским на примере казаков атамана Баловнева. Из 94 захваченных царскими войсками в июле 1615 года оказалось: холопов – 33, крестьян – 24, дворян – 11, посадских людей (горожан) – 9, приборных людей – 8 (5 стрельцов, 2 городских казака, 1 сторож Хлебного дворца), монастырских слуг – 4, служилых иноземцев – 3, служилых татар – 1, гулящих людей – 1.

Некоторые из них опять в холопы вернулись, но теперь, имея большой опыт войны и разбоя, сами стали при князьях и боярах за подобными себе горемыками надсматривать. Многие пошли служить «по прибору» - полторы тысячи верстанных и две тысячи неверстанных казаков получили скоро поместья и дворы в Московском государстве. А большинство отпетых, кто к мирной жизни приобщиться не мог, продолжали нищенствовать и разбойничать или сволоклись на реки и речки. Очень многие пришли на Дон.

Глава 2. Внешняя политика и казачьи набеги.

Ясно было, что новая война с Польшей неминуема. Владислав от своих прав на московский престол не отказался, поляки Михаила царем не признали. Граница польская к самой Москве подступала...

Вернулся из Польши, из плена, старец Филарет, царский батюшка, поддержал сына, возглавил русскую православную церковь. Исполдволь, невзирая на все перенесенное, стали на поляков войско собирать.

В 1620 году в феврале как раз в субботу на масляной приехали в Москву запорожцы на службу проситься – Петр Одинец с товарищами. Зашли они в город пеши, и в то время стояли в городе стрельцы в чистом платье без пицалей – встречали.

Рассказали запорожцы, что ходили на крымцев, вели бой у Перекопа, а теперь просят на службу от имени Сагайдачного.

21 апреля послали из Москвы Сагайдачному грамоту, чтоб служил и жалование «легкое» - 300 рублей. В грамоте между прочим прописали: «А на крымские улусы ныне вас не посылаем». Крымский царь Джан-Бек-Гирей на нас якобы не нападает, а мы на него не будем. Царя запорожцы так и не увидели, но московские люди просили их в том «не оскорблятьца», так как царь в пост молится, ездит по святым местам.

Посольство это Москве и в радость и не в радость. Иметь против польского короля запорожское войско – чего же лучше. А с другой стороны, вечно за них перед турками и татарами отвечать...

И хитрые поляки в октябре стали пугать Москву – жив малолетний Иван Дмитриевич, и запорожцы его поддерживают...

На Сечи запорожцы вместо Сагайдачного поставили гетманом Бородавку, а тот пока по-старому придерживался польского короля.

Той же осенью турки и шведы начали войну с поляками, ситуация для Москвы сложилась очень благоприятная. Теперь турки и шведы стали русских в союз вовлекать. Но силы у московских людей были еще не те, да и союза прочного с турками и татарами не получалось.

Донцы, вопреки всем запретам, продолжали набеги под Азов, на Крым и на море. Великое Войско Донское увеличилось, и добычи требовалось больше. Турки и татары при первом удобном случае лицемерно жаловались Москве на казачий «беспредел». Московские власти так же лицемерно обещали казаков ловить и казнить смертию.

Зимою на 1621 год азовцы разорили один казачий городок ниже Манычи, взяли припасы и человек 100 в плен в Азов увели.

Донцы послали с Низу людей по всем рекам и речкам, чтоб сходились вольные люди на Дон и с Дона шли на Азов промысливать, взять бы его и разорить, как азовцы донской городок разорили.

Собрались многие люди, и запорожцев подошло человек 400. Но азовцев достать не могли, укрылись те за стенами. Тогда запорожские атаманы Сулима, Шило и Яцкой предложили не торчать под азовскими валами, а идти на море. Собравшиеся на Дону вольные ребята, 1300 человек во главе с атаманом Василием Шалыгиным, примкнули к спаянным дружным запорожцам, и за три дня до Пасхи отправились в набег на Черное море. Большую часть этой экспедиции (да, видимо, и разоренного донского городка) составляли люди новые – и участников много, и потери, как увидим, огромные.

Уйдя «за Черное море», казаки стали приступать «к городу к Ризе и к пашиному двору и тут им учинилась шкота великая, на приступе побили многих людей». Уходя обратно, они попали в шторм, много стругов разбилось и людей утонуло, и тут их «накрыли» 27 турецких каторг. Большинство гулебщиков было перебито, утоплено и взято в плен. Обратно из похода вернулось 300 донцов и всего 30 запорожцев.

Так же неудачен был набег на ногайские Казыевы улусы. Из 400 конных казаков, возвратилось едва 100 человек.

Видимо, «сбредшие» на Дон вольные люди пробовали себя на разных поприщах...

Невзирая на все эти конфликты, из Константинополя в Москву был направлен посол Фома Кантакузин, встречать которого да заодно отвезти казакам жалование на Дон послали дворянина Семена Опухтина.

В ожидании турецкого посла Опухтин видел возвращение с моря казаков после неудачного похода за зипунами, и услышал от вернувшихся, что турки на 15 лет помирились с персами. Тут низовые казаки и многие верховые, ходившие обычно воровать на Волгу и зеленое Хвалынское море, а ныне оказавшиеся в Главном Войске, призадумались, как бы султан, пах да царь вместе не взяли их с Дона свести. Опухтин такого не предполагал, но и успокаивать донцов не стал. А то совсем страх потеряли.

Да при том же Опухтине явились в верхние донские городки из России беглых и разбойников человек 500, но, узнав, что под Азовом и на Черном море в этом году не обломилось, пошли дальше воровать – на Волгу и на Яик.

И еще чуть было измены не случилось. От запорожского атамана Бородавки явились на Дон атаман Соколка и два запорожца. Прислал де польский король Запорожскому Войску грамоту идти на турецкого султана и обещал платить по 30 рублей на человека. Вот запорожцы из лучших чувств и приглашали донцов идти на султана вместе.

От суммы дух захватывало. Но как-то перемоглись донские атаманы и казаки, сказали Соколке, что людей у них мало, тысяч 7, большое войско – на море в походе (тех же турок грабят), до возвращения решить ничего нельзя. В общем, перетерпели, пока Опухтин в Войске сидел и турецкого посла ждал. Но как встретил московский дворянин посла и увез, в первую же ночь человек 200 донцов отправились в Запороги, польстившись на большие деньги.

В августе доставил Опухтин Кантакузина в Москву.

Хлопотали о посылке Фомы Кантакузина в Москву византийский патриарх Кирилл, голландский посланник и некоторые турецкие вельможи. Подобрали специально человека греческой веры, зятя Молдавского правителя, чтоб на Москве было к его словам больше доверия. Привез он царю две грамоты, от султана Османа и от визиря Гуссейна, «что пришло время подпоясаться воинским храбрым поясом, и чтоб царь такого времени не пропускал». А если русские вступят с поляками в войну, то обещали вернуть русским Смоленск. О том же патриарх Кирилл писал Филарету.

Сам Фома Кантакузин Филарету рассказал, что султан двинет на Римского цесаря, чтоб тот полякам не помогал, своих ставленников из Венгрии, Семиградья, Валахии и Молдавии, а сам султан пойдет на поляков, и война будет идти 10 лет.

Филарет против поляков был настроен решительно – «неправды их и московского разорения забыть нам нельзя», - но перемирие подписали на 14 лет, и пообещал он так: «Хотя бы в малом чем польский король мир нарушил, то сын мой для султановой любви пошлет на него рать, и людям ратным велено быть наготове...».

Однако очень уж удачно все складывалось, и собрали на Москве 12 октября Собор, куда пригласили и донских казаков с атаманом. Собор же решил снова воевать с поляками.

Нужен был повод, и через три дня после Собора послали в Польшу гонца Борнякова с грамотой, чтоб паны правильно царский титул писали, иначе мол будем мстить.

Но пока вот так собирались, поляки и запорожцы под Хотинем разбили турок и заключили с ними перемирие, а в Ливонии заключили перемирие со шведами.

Московским же людям направили паны ответную грамоту (привез ее Борняков 2 февраля 1622 года), где писали разные нехорошие слова про всех, начиная с матушки царя Ивана Васильевича Грозного.

Оскорбленный великий государь послал людей по городам собирать войско, «но грамоты о выступлении в поход не приходили», – записал С.М. Соловьев.

Куда ж теперь лезть в одиночку! Сильны поляки, задорны. Помнили московские ратные люди атаку польской кавалерии под деревней Клушино. Не дай Бог еще раз такое увидеть! Нет, рано нам с поляками воевать.

На Дону же, прознав про польскую силу, турецкую слабость и московскую нерасторопность, направились вольные люди при первой возможности в море за зипунами. За две недели до Великого дня, в начале апреля, вышли в море больше тысячи казаков, и старых и новопришлых. Да вслед за ними в мае, после Николина дня, двинулась еще одна партия – запорожский атаман Шилю, сотни три черкасов и местных ребят с тысячу. Запорожцам поляки по условиям перемирия запретили по Днепру в море выходить, так они на Дон пришли...

Погуляли вольные ребята прямо под стенами Стамбула. Султан в ярости грозился визирю голову за нерадение отрубить. Но это, видимо, была его последняя угроза. В Стамбуле восстали янычары. В начале мая султана Османа убили и посадили на престол его слабоумного дядю Мустафу. Этого несчастного один раз уже свержали, но не убили, оставили, видно, про запас. Визирь все равно не уцелел, убили его вслед за султаном.

Татары, которым турки запрещали нападать на русские земли, теперь почуяли слабину. Две тысячи их явилось на охрану Азова, но Азов охранять не стали. Наоборот, стравили азовцев с казаками. В начале июня прислали они в Войско сказать, чтоб явились донцы на Окупной яр мир обговорить и пленных обменять. Донцы, человек 30, поехали. Татары их подпустили и всех перебили, после чего, захватив с собой желающих азовцев, отправились на русские земли за полоном.

Все Великое Войско Донское всколыхнулось. Понеслись гонцы в верхние городки, чтоб перехватили татар на Казанской переправе. Сам войсковой атаман Исай Мартемьянов отправился на Мертвый Донец с шестью сотнями ждать татар и азовцев на верхнем перевозе. Тут с моря пришли гулебчики с богатой добычей, те, что первыми в начале апреля уходили, и тоже подключились к вспыхнувшей под Азовом войне.

И посольство Фомы Кантакузина, ведущее сложную антикатолическую интригу, и московские власти, прозевавшие удобный случай поквитаться с поляками, не хотели разрыва отношений России и Турции из-за казачьих зипунов. Летом из Москвы вместе с Кантакузиным поехали в Стамбул царские послы Иван Кондырев и дьяк Тихон Бормасов, прихватившие с собой жалование для казаков.

Ехало посольство на Дон с большой опаской. Охраны с ними, набранной по городам, было человек 800. Еще у Воронежа атаман Епифан Радилов, ехавший с посольством, стал послам высказывать: «Призывали

меня в Москве к боярам, и бояре приходили на меня с шумом, меня и Войско все лаяли и позорили; а наше Войско – люди вольные, в неволю не служат, и вы, посланники, на Дон идите к началу, как Войско изволит, так над вами и сделают». Перепуганные послы дали знать в Москву: «Ждем себе задержания многого на Дону».

У Клецкого городка 2 июля узнали послы, что на Низу сидят пришедшие с моря гулебщики, разорившие Трапезонт, и с ними черкас человек 200. Ох, измена! Велено ж было черкас на Дону не принимать... А ниже, у городка Паншина, увидели послы человек 50 волжских казаков с атаманом Богданом Чернушкиным. Щеголяли те в рубашках тавтяных, в кафтанах бархатных и камчатных. А были они до этого на Хвалынском море и громили персидские суда.

Епиха Радилов взял их всех с собой на Низ. Стали посланники ему говорить, чтоб он таких воров к себе не принимал, а Епиха глубокомысленно ответил: «Если их не принимать, то они познают чужую землю».

Посланники засомневались – Войско ли это союзное, царю верное, или вертеп разбойничий? – и стали выше речки Чира в сомнении, плыть или не плыть им в низовые городки.

Войсковой атаман Исай Мартемьянов, узнав про те сомнения, прислал им нарочного с отпиской: приезжайте, на Дону и на Донце от черкас безопасно.

Двинулось посольство дальше и за день пути от Монастырского городка остановилось и послало вперед Епиху Радилова предупредить – едет мол посольство с жалованием и турецкого посла везет, пусть Войско их встречает с почестями по обычаю.

Епиха вернулся и сказал, что встретил десяток знакомых ребят, и те говорили, что Исай Мартемьянов три дня как ушел на море, в Монастырском городке пусто, и встречать послов некому.

Оскорбленные послы послали Епиху в Монастырский городок вторично. Тот вернулся и привез с собой 15 казаков из Монастырского. Те подтвердили – в Монастырском точно пусто, пусть послы не прогневаются, встречать их некому.

12 июля посланники прибыли в полупустой Монастырский городок и расположились двумя станами: вот турецкое посольство, вот – русское.

На другой день все ребята Епихи Радилова и последние казаки из городка проплыли мимо посланников на 5 стругах и отправились на море к Исаю Мартемьянову.

Глядя на это, турецкие посланники стали выговаривать приставам: «Как шли мы из Азова в Москву, и казаков в Войске было много, и встреча нам была великая. А ныне в Войске казаков нет, пошли все на море, и встречи нам никакой не было. И русские послы своих провожатых на море же отпустили...». А русские послы, проклиная в душе казачье воровство, послали толмача сказать Фоме Кантакузину, что это Войско пошло отгромить у татар полон, который те из России ведут.

В тот же день отписали они Исаю Мартемьянову, что пришли в Монастырский городок с жалованием, пусть он сообщит, где стоит, долго ли будет в походе, кому жалование передать и долго ли их, послов, на Дону задержат.

19 июля в Монастырский городок явился с моря казак Тихон Чулков и передал от атамана послам, чтоб ждали и жалование никому пока не передавали. А мы де стоим в морском устье и ждем турецкий караван, чтоб не пропустить его в Азов.

Послы стали говорить, что так нельзя, мы мол в Москву обо всем напишем, у нас уже станица готова. А Тихон Чулков им сказал: «Вы так не делайте. Без ведома Войска ничего не пишите. Вот войсковой есаул стоит. Если вы без нашего ведома отписку пошлете, а он это допустит, то мы его утопим. Пожалейте человека...».

Ждали послы все же недолго. На следующий день пришли с моря казаки, человек 800, и Исай Мартемьянов с ними. Оставили они небольшой караул в устье, а сами явились за жалованием. Сразу же собрали круг и за Кондыревым послали.

Кондырев передал казакам царские грамоты, сказал про жалование и про то, чтоб с азовцами помирились и их, послов русских и турецких, в Азов с честью проводили. А жалование потом бы разделили, но без огласки, чтоб русским послам в Турции из-за жалования никакого задержания не было.

Казаки отвечали, что государеву жалованию они рады, но с азовцами у них сейчас война и, не управившись с азовцами, они помириться не могут. Так что пусть посланники ждут.

Спор был прерван появлением казака, прибывшего с устья, который объявил: показались турецкие корабли.

Исай Мартемьянов поручил принять жалование Тихону Чулкову и Василию Чернову, а сам стал отдавать распоряжения к выходу в море.

Чулков велел казакам выгружать царское жалование их судов на площадь у часовни, а сами суда выволочь на берег. Казаки потащили сукно, хлебные и пушечные запасы, бочонки с вином и деньги.

Посланники велели сказать им, чтоб они запасы устроили где-нибудь в другом месте, а не на площади, чтоб турецкие люди про запасы не знали, да и судов бы казаки к себе не брали. Казаки отвечали, что кроме площади запасы положить негде, а судов они прежде никогда с Дону не отпускали.

На следующий день казаки на 50 стругах, набившись по 30-40 человек, во главе с Исаем Мартемьяновым поплы в море перехватывать турецкий караван. Вместе с ними отправились разбойничать приезжие люди из Белгорода, Курска, Оскола, Путивля, Ливен, Ельца и московские торговые люди, приехавшие на Дон с товарами вместе с послами.

Поход длился пять дней. Казаки сошлись с турецким караваном, захватили корабль и две кояги и 26 июля вернулись в Монастырский городок, привезя с собой три захваченные пушки, «да погромной рухляди, сафьянов, дорогов, киндяков, бязей, луков немало». Шли они мимо стана

турецкого посла, стреляли из ружей и показывали из стругов всю награбленную рухлядь.

Выждав, когда поутихнет радость, посланники стали говорить казакам, чтобы те помирились с азовцами. Казаки отвечали: «Если азовцы приплот к нам, то, может быть, и помиримся, а сами не пошлем, ссылайтесь с ними вы мимо нас».

Посланники отправили в Азов некоего сына боярского объявить о своем приезде. Но азовские люди приходили к нему с великим шумом: «Пусть посланники придут в Азов, мы с ними управимся!».

Но азовские начальники дали знать московским послам, что прежние послы, идя в Царьград, замиряли казаков с азовцами; так не хотят ли казаки помириться и теперь?

Опять стали Кондырев и Бормасов казаков уламывать. Те признались, что ждут с моря ушедших еще в мае товарищей, а пока те не вернутся, мира с Азовом не будет и посланников туда не выпустят. Из дальнейших расспросов выяснилось, что с 1000 казаков еще где-то скитаются по морю, и чтоб выяснить — где, брали недавно донцы в Азове языка, может, быть в Азове больше известно. Сведения были неутешительные: у какой-то жидовской деревни в полдня пути до Стамбула вступили казаки с турками в переговоры, турки якобы за большие деньги полон хотели выкупить, три дня договаривались, потом турки исподтишка напали и всех казаков побили. Но были вести и другие, что половина казаков все же ушла.

Узнав про все это, положили атаманы и казаки ждать возвращения своих с моря до Семенова дня (до 1 сентября).

Однако гулебщики вернулись раньше — 8 августа. Пришло их с атаманом Шилю на 25 стругах человек 700, рассказали, что действительно побили у них турки человек 400.

Стали посланники атаманам и казакам говорить: «Ну, теперь-то отпустите нас в Азов?». Атаманы, подумав, сказали: «Отпустим и с азовцами помиримся, но не надолго, а только до тех пор, пока вы до Царьграда не доберетесь».

Делать нечего, поехали царские посланники в Азов и на таких условиях. До речки Каланчи провожала их московская стража и два донских атамана, Радилов и Мартемьянов, с четырьмя сотнями казаков. На Каланче ждали посланников азовцы на 30 стругах. Там их и передали.

И в Азове, и в Кафе, и дальше до самого Царьграда ругали московских посланников жертвы казачьих набегов и турецкие начальники, посланники же открепчивались и по обычаю уверяли турок, что если вперед казаки станут ходить на море, то государь ради дружбы с султаном за них стоять не будет.

Кафинский папа Кондыреву на это сказал: «Донских казаков каждый год наши люди побивают многих, а все их не убывает, сколько бы их в один год не побили, на другой год еще больше того с Руси прибудет; если б прибылых людей на Дон с Руси не было, то мы давно бы уже управились с казаками и с Дона их сбили».

До предместий турецкой столицы посланники добрались только 12 октября, по дороге видели они следы разорения и безлюдье – приморские жители попрятались, напуганные казачьим набегом.

В Константинополе посланники застали смуту. Только что здесь был триумф Реджеб-паши, который привел с моря 18 казачьих стругов и 500 пленных казаков и был допущен султану руку целовать. Что это были за люди, «500 пленных казаков»? Видимо, беглые из московских земель, которые увязались за донцами и запорожцами на море. Они, видимо, и тот трехдневный торг устроили вопреки обычаям набегов, а теперь отдались в турецкие руки. Настоящие казаки и черкасы в таком количестве в плен никогда не попадали. А эти привыкли на Москве – повяжут их, а потом опять в войско набирают...

Триумф был опечален известиями, что в Багдаде восстали жители, недовольные сменой султана, и порезали янычар. Константинопольские янычары волновались и хотели идти на Багдад.

Кроме того, янычары явились на посольский двор с жалобой, что казаки погромили их корабль с товарами, и требовали, чтоб посланники заплатили за убытки.

Посланники их не велели пускать, тогда янычары стали ругаться: «Даром мы вам этого не спустим, приходите все с обманом, а не с правдою, казаков на море посылаете, корабли громить велите, здесь в Царьграде невольников крадете; и за это станем у вас резать нос и уши». После чего янычары ворвались в посольские комнаты, искали невольников, но никого не нашли и ушли с бранью.

Посланники пошли жаловаться визирю, но тот сказал: «Теперь мне не до послов, хотят меня переменить».

Новый визирь, Гуссейн, стал вымогать у посланников соболей и ругался, что мало дают. Наконец, отпустил посланников в Москву и велел передать, что султан Мустафа помирился с польским королем и хочет быть в мире с московским царем, а азовцам нападать на московские земли запретит. Если же Польша нарушит договор, и запорожцы выйдут в море хоть одним стругом, то султан начнет с королем войну и даст знать о том царю.

На Москве тоже были встревожены раздорами между казаками и турками и, опасаясь лишиться в борьбе с поляками последнего ненадежного союзника – османов, - направили весной 1623 года на Дон с жалованием князя Белосельского, чтобы тот уговорил казаков заключить с азовцами мир, черкас с Дона гнать и на море не ходить.

Донцы князя встретили с честью, выслушали, жалование приняли (жалование – так себе, кроме хлебного и пушечного запаса денег всего одна тысяча рублей) и с честью же проводили. После чего с тысячу ребят сразу же отправились в море.

В это время как раз возвращались из Константинополя царские послы Кондырев и Бормасов и претерпели из-за казачьих разбоев новые обиды и притеснения. Первый раз их остановили в Кафе – из Азова пришли вести, что донские казаки вышли в море. Посланников задержали, и кафинский народ

грозились их убить. Но вести не подтвердились, и посланники отплыли из Кафы. Зато когда они подошли к Керчи (было это 24 июля), туда же явились на 30 стругах донцы, стали против города и взяли какую-то комягу. Керченские люди стащили посланников с корабля, повели в город и с угрозами засадили в башню.

Кондырев послал сказать казакам, чтобы шли обратно на Дон, иначе их, посланников, убьют. Казаки отвечали, что им без добычи назад на Дон не хаживать, и пошли мимо Керчи в Черное море, на Кафу (в Кафе, наверное, досадовали, что рано русских пословпустили).

Посланников из Керчи выпустили, но переправили на другой берег пролива и велели ехать степью по черкесской стороне.

Тут под городом Темрюком их прихватили местные черкесы с криком, что донские казаки, проходя мимо Темрюка, погромили комяги, взяли в плен сына таманского паши и вернули его за выкуп в 2000 золотых: пусть посланники вернут эти деньги, иначе их убьют.

Турецкий посланник и азовский воевода, сопровождавшие русских посланников, вступились, но черкесы мигом поворотили турок назад в Кафу, а Кондырева и Бормасова оставили в Темрюке и посадили в башню.

Турки дали подарки кому надо и все же уговорили темрюкских людей, чтобы русских послов выпустили.

Поехали дальше степью на Азов и нарвались тут на ногаев. Те захватили в плен брата дьяка Бормасова и кричали, что весной приходили на их улусы донские казаки, побрали жен их и детей, лошадей и животину. Если казаки отдадут полон, то и ногаи пленников отпустят. Насилу азовский воевода и турецкий посланник уговорили их отпустить младшего Бормасова.

Наконец, в самом Азове, только успели посланники расположиться на посольском дворе, новая напасть приключилась. Ворвались азовские люди, одни хотели посланников убить, другие – отрезать им носы и уши и так отпустить на Дон. Оказалось, что донские казаки стоят в донском устье и ждут караван из Кафы, чтоб разграбить.

Посланники написали на Дон, чтоб казаки помирились с азовцами и свели свои струги с устья Дона, иначе их, посланников, убьют в Азове.

Казаки и азовцы долго уговаривались об условиях, наконец, помирились, и посланников выпустили из Азова. На дворе уже стоял сентябрь.

На речке Каланче встретил горемык атаман Исая Мартемьянов с пятью сотнями казаков, одни на стругах, другие – конные. Привезли их в ближайший городок и стали палить из пушек и ружей.

Настрелявшись, казаки сказали послам, что судов у них мало, всего 8, всех посланников, русских и турецких, вверх по Дону на них вывезти невозможно.

Проторговавшись две недели, посланники заняли у тех же казаков денег, наняли еще 10 стругов и в сопровождении Исаи Мартемьянова, Епихи Радилова и достаточного числа лучших казаков отправились 6 октября из Монастырского городка в Черкасский...

И еще. По данным Василия Сухорукова, когда азовцы передавали казакам послов, то затеяли ссору и убили у казаков двоих ребят. Казаки смолчали, чтоб показать турецкому послу, кто виновник всех стычек и раздоров.

После отъезда послов казаки были склонны поддерживать мир с Азовом. Причин для войны пока не было, на море донцы нагнали много и теперь хотели отдохнуть.

Азовцы в декабре, собравшись вместе с татарами и ногайцами, под руководством какого-то турка Асан-бея налетели на Манычский городок. А было их всего человек 620.

Но манычские казаки были настороже, налет отбили, перебили много татар и гнали их, выйдя из Манычского городка, до речки Аксай.

А на следующий год, 1624-й, еще за полторы недели до Пасхи, невзирая на московские запреты, вышли в море 55 стругов с донскими казаками...

Для турок тот год был особенно тяжелым. Еще когда Кондырев и Бормасов перебирались из Азова в низовые казачьи городки, янычары свергли слабоумного султана Мустафу и посадили нового – Мурада. Как часто бывает в таких случаях, война с Персией вспыхнула с новой силой, паша Багдада отложился. И новый крымский хан Магомет-Гирей решил от Турции отложиться и задружить с персидским пахом. Доплю до того, что крымчаки русских и турецких послов побили.

В 1624 году турки стали срочно менять одного крымского хана на другого – старого, которого сами же недавно сместили. В Крыму и вообще на Черном море началась страшная заваруха.

Донцы, пользуясь случаем, во главе с Демьяном Черкашенином погромили город Старый Крым, а затем вместе с запорожцами явились на Босфоре, под стенами Царыграда, и в считанные часы обобрали и пожгли близлежащие деревни.

После всего этого запорожцы и примкнувшие к ним немногие донцы вмешались в начавшуюся в Крыму войну между турками и татарами и вместе с татарами вышибли с полуострова янычар, приплывших сажать на престол старого хана Джанибек-Гирея.

В общем, ситуация для России и для Турции стала очень тревожной. Крым выходил из-под контроля. Одна надежда оставалась – запорожцы, усилившись, могли задраться с поляками и тем свести к нулю все польские усилия на юге.

Дальше – больше. Зимой на Сечи появился некий самозванец - дядя правящего турецкого султана, но греческой веры и имя ему – Александр. Бежал он якобы во младенчестве из Турции с матерью своей Еленой, которая происходила из рода византийских императоров Комнинов, жил во Франции, в Италии, в Польше, в Германии, а теперь, прознав от «лисовчиков» о запорожском низовом рыцарстве, прибыл в Сечь и стал собирать войско отбивать у племянника оттоманский престол.

Потянулись к оному Александру со всех сторон рыцари и искатели приключений. И от Войска Донского приезжали казаки и по рукам били, что помогут Александру сесть в Царьграде султаном или императором.

На Руси после смутных времен всякое самозванство рассматривалось как зло, а когда казаки идут с самозванцем разорять союзное государство, то тут вообще изменой пахнет. Так что забеспокоились на Москве. Жалование на Дон в 1625 году не выслали, а воеводам украинских городов велели казакам свинца и пороха не продавать, да и самих казаков, смотря по обстоятельствам, побивать и вглубь страны не пускать.

Но донцы московское беспокойство презрели и весной вышли в море, чтоб, соединившись с запорожцами, отвоевывать для самозванца турецкий престол.

Вышло их более двух тысяч человек, повел сам Исая Мартемьянов. У Змеиного Острова соединились они с запорожцами и двумя флотилиями двинулись на Трапезунд, где раньше была резиденция предков Александра. Оттуда он собирался Царьград воевать.

Запорожцев было больше и двигались они медленнее. Донцы оторвались и вышли к городу первыми. Чтoб не потерять преимущество внезапности, Исая Мартемьянов приказал высаживаться и брать город.

В жестоком бою казаки взошли на стены Трапезунда. Янычары отошли в верхний город, в цитадель, и сели там намертво.

Четыре дня донцы и подоспевшие запорожцы осаждали городской замок, но безуспешно. Александр не рискнул начинать военные действия с трапезундского плацдарма – и замок был в руках янычар, и население разбегалось и прятало припасы, до смерти напуганное казаками.

Казаки отошли от города в море, стали решать, что делать дальше, но переругались и передрались. В горячке кто-то убил лучшего донского атамана Исая Мартемьянова.

Мстить за атамана донцы не стали – не время и не место. Но откололись от запорожцев и пошли на север, домой. И вовремя. Пока казачьи струги пенили Черное море, азовские люди учинили набег на опустевшие донские городки и пять городков пожгли.

Поставить новые избы и окружить их набитым землей плетнем большого труда не составляло. Но терпеть азовские неправды было невозможно. Четыре с половиной тысячи казаков – те, что вернулись из-под Трапезунда, и те, что оставались дома, - двинулись на Азов и, как сообщала потом посольская станица в Москве, «приступали к городу дважды и башню было наугольную взяли, и на город люди взошли, и в те де поры башня завалилась и им помешала; а атамана их Елиху Радилова ранили, и азовцы их в то время от города отбили. А на завтрее де того дни приступали к башне, что на Каланче, и тое башню взяли и наряд 9 пушек поимали, а людей, которые на той башне сидели, побили, а башню раскопали всю до основания и камень в воду потопили, и иные пушки поимали разбиты, и они тое медь послали по убогим монастырям: на Воронеж, на Шацкой, на Лебедянь и к

святым Горам, на колокола, а все де тое меди послали 117 пуд; а были из тех монастырьков им о том челобитчики, что им взять негде».

Когда же в Москве спросили, для чего они на Азов напали и башню на Коланче разбили, казаки ответили: «А ходили де они к Азову с приступом и на Коланче башню взяли для того, как атаманы и казаки были на море, и в те поры без них азовцы выжгли на Дону пять городков и людей, которые были на кораблях, побили, и им то стало досадно, да и для того, что на Коланче поставили башню и ход у них на море помешали, а ныне они ход на море опростали».

«Опростав ход», 1300 казаков на 27 струтах снова рванули в море, обещав вернуться на Покров. Они вновь объединились с черкасами, которых за это время турки сильно потрепали под Карахарманом, и вместе опять пожгли Трапезунд, Синоп и Самсун. Но тут они нарвались на турецкие войска, вернувшиеся из-под Багдада, и понесли потери – 500 донцов и 800 запорожцев погибли в сражении.

Оставшиеся в живых метнулись через море и погромили многие крымские деревни вокруг Гезлева.

Русские посланники в Крыму Скуратов и Постников доносили в Москву, что казаки, «сложась с черкасы, крымские улусы воюют, и в полон людей емлют, и сего же де лета приходили под Козлев, и многие деревни воевали, и в полон многих людей поимали, а у иных де женок брюха пороли».

Затем посланникам, которые и так сидели в Крыму, как на углях, пришлось расплачиваться за другой казачий набег. Донцы вкупе с астраханскими татарами пришли под Перекоп и отогнали у крымчаков табун в триста коней. «И за то де велел царь (крымский хан – А.В.) у них, у посланников, лошади поимать все и послать к себе в поход, а их де велел царь и с казною отвести в жидовский городок в Калу, а там де им быть по указу, а изговоря де, лошади все у них поимал, а взял всех 91 лошадь».

Заперев посланников в Чуфут-кале, взбешенные татары настойчиво требовали, чтобы русский царь запретил казакам набегать или свел казаков с Дону.

И московские власти вдруг татар послушались и донскую легкую станицу атамана Алексея Старова повязали и сослали на Бело-озеро, где отсидели казаки два года.

А явилась станица Алексея Старова рассказать, что ожидают казаки татарского похода из Крыма на Астрахань и на Дон, и пожаловаться, что припасов нет, и жалования в этом году к ним на Дон не прислано.

Странно, что прежнюю посольскую станицу Федора Ханенева, которая все еще сидела в Москве, не тронули, а наоборот – послали на Дон с грамотой, в которой перечислялись казачьи вины. Вот, дескать, как вас при Борисе Годунове прижимали, а мы вас стали миловать, а пользы от вас никакой, против поляков не помогли, зато из-за ваших разбоев может начаться война с Крымом и Турцией. Алексея же Старова задержали, пока объяснительную не напишете, «для чего вы нашего государского повеления

не слушаете, на море под турецкие города войною ходите». Как исправитесь, обещали московские люди, дадим вам жалование, а ныне «нам вам за такие ваши грубости жалование давать не за что и в города ни в которые вас пускать и с запасы ни с какими из городов к вам ездить не велим, и то вам будет от себя, а не от нашего гнева».

Вообще-то брать посольство в заложники – давать повод к войне. И почему московские власти пошли на такой шаг – загадка. Ведь знали прекрасно, что из-за десятка сосланных товарищей Войско Донское морских походов не прекратит. Вот задержка жалования и запрет торговать – куда важнее, но и это не поможет, как и раньше не помогало.

Видимо, дело в личности самого Алексея Старова.

В.Н. Королев в своей книге о морских походах казаков приводит расспросные речи самозванца Александра, когда его после неудавшегося морского похода расспрашивали в Мценске на русской границе. Александр рассказал, что пред походом были в Запорогах триста донских казаков, «и те донские казаки с ним виделись и говорили ему: будет запорожские казаки с ним пойдут на турсково, и они, донские казаки, пойдут с ним все. А атаман в те поры у них был, Алексеем зовут, молодец добр, а чей совет, тово не помнит. И слово свое ему на том дали, и по рукам с ним били»⁵.

Заключение договора – и слово дали и по рукам били – о союзе с самозванцем против турок от имени Войска Донского, получающего жалование от Москвы, конечно же, рассматривалось московскими властями, как акт измены. И изменник сам приехал в руки. Правда, Александр говорил все эти речи уже после того, как Алексея Старова с товарищами взяли под стражу. Но у Москвы, видимо, были и другие источники.

А вскоре и сам самозванец явился в Россию и стал просить помощи против Турции – пропустили бы его Доном на Черное море, а он бы взбунтовал против турок Болгарию. Так что вина Алексея Старова сгладилась и голова его уцелела.

Донское же Войско набег на море продолжало, хотя и пообещало царю, что «на море ходить и судов громить, и турецкого салтана городов и мест воевать» не станут. В 1626 году вновь ходили донцы и зимовавшие на Дону черкасы на Черное море, но «ничего не добыли, а иных... казаков и черкас турецкие люди, пришед на каторгах, побили».

И с азовцами вновь сцепились. Доносили астраханские воеводы в Посольский приказ, что «на весне донских казаков и черкас с две тысячи человек ходили под Азов, и к Азову приступали, и около Азова города пожгли, и отводные башни разломали, и был у них с азовцы под городом бой, и, бився, пришли назад в свои городки».

А за разбой и грабежи и за нарушение царских заповедей наказали те же донцы своих собратьев из верхних городков.

Верхние городки от низовых во многом отличались. И людей здесь московских больше, и стычки с татарами и ногайцами чаще. Низовцы на

ногайцев и крымчаков обычно сами набегали, те ж их старались не трогать, мимо обойти - на Руси и добычи больше и опасности меньше. Проторенные крымские и ногайские дороги за добычей на Русь лежали в стороне от низовых городков, но задевали верхние. Так что с весны казакам в верхних городках забот – успевай поворачиваться: сначала от крымчаков и ногайцев по островам отсидеться, а потом полон, ведомый с России, назад отгромить.

Да и городки верхние – на заведомо московской земле и от русских городов близко. Если что – московские власти за них за первых возьмутся.

Но в море за зипунами и с верхних городков казаки хаживали. Иногда вместе со всем Войском, но часто из-за недовольства низовцами, самовольными щеголями, - вместе с волжскими разбойниками на Каспий.

Теперь, когда отношения с Москвой зависли и непонятно было, чем еще они закончатся, хитрейший Епиха Радилов стал все Войско, и с верховьев и с низовьев, вместе сколачивать. Вызвали с верхних городков ребят, что обычно на Волге воровали, и на Яру в Монастырском урочище на круге по приговору били их ослопьями и грабили. Так же били и грабили всех торговых людей, кто их порохом и свинцом ссуживал и кто у них ясырь покупал. Наказав, предупредили, на Волгу больше не ходите, а то вообще утопим.

На вопросы удивленные, а как же дальше жить, ответили: «С нами ходить будете...».

Вот так: с одной стороны – жест доброй воли, наказали царских ослушников; с другой – все Войско крепче в кулак взяли.

Вскоре пришлось Москве снова снимать с донцов опалу. В 1627 году, в разгар войны между шведами и поляками, послали турки в Москву своего посла, того же Фому Кантакузина с идеей союза Турции, Трансильвании, Швеции и России против Польши. За год до этого шведы московским властям союз против поляков предлагали, но Москва пока воздержалась. Теперь снова приехал Фома Кантакузин.

«Опальные казаки, - пишет Василий Сухоруков, - обрадовались, известясь о прибытии Кантакузина в Азов, встретили и проводили до Украины с честью; ждали возвращения его из Москвы и милостивой грамоты и не обманулись в надежде». 11 декабря 1627 года Кантакузин прибыл в Москву.

В Москве посол передал царю письмо от Мурада 1У: «вам бы попомнить прежнюю дружбу и любовь и быть с нами в сердечной дружбе и в любви и в послушании, как были предки ваши; о прямой своей сердечной дружбе к нам отпишете и послов своих к нам с грамотой посылайте без урыва, и если вам нужна будет какая помощь, то мы вам станем помогать».

Патриарху Филарету Кантакузин, научившийся говорить по-русски без толмача, объявил, что султан Мурад хочет иметь в лице царя Михаила Федоровича брата, а чтоб патриарх Филарет был им как отец, и тогда никто их братской любви не сможет разорвать.

Цель этой братской любви – война против Польши. Кроме того, Кантакузин предупредил, что в Москве кто-то тайно ссылается с поляками,

поскольку содержание прежних русско-турецких переговоров стало им известно, и просил унять донских казаков, чтоб не ходили на турецкие земли. «Филарет Никитич отвечал обычною речью, что на Дону живут воры и государя не слушают».

После окончания протокольных речей Филарет стал расспрашивать посла, как давно царствует новый султан, сколько ему лет, «и какой был веры, так же и паши какой были веры». Каетакузин отвечал, что султан царствует четвертый год, а лет ему семнадцать, «был греческой веры, потому что мать его была за попом, очень смышлена, и султан ее слушается. Визирь Гассан-папа греческой веры был, султан его слушает и жалуется, другой визирь, Резен-папа, также греческой веры»⁶.

Вот так перед патриархом Филаретом замаячил союз, основанный на скрываемом турками православии, и возможность руками мусульман побить ненавистное католичество.

С Кантакузина взяли запись, что турецкий султан и русский царь будут в дружбе, любви и братстве навеки, что султан поможет ратями своими царю против поляков и не велит крымчакам, ногайцам и азовцам ходить войной на Московское государство.

В 1628 году Кантакузина отправили обратно, с ним ехали русские послы, дворянин Яковлев и дьяк Евдокимов, везли султану грамоту, что казаки на море не ходят и ходить не будут, а заодно и жалование донцам – 2000 рублей, сукна и другие запасы.

Прибыв на Дон, в низовые городки, посольство узнало, что казаки, как и обычно, ушли на море грабить и повел их атаман Иван Каторжный, а с Азовом – размирье.

Послы потребовали, чтоб донцы помирились с Азовом и «свели своих товарищей с моря». Донцы ответили: «Помирился, турецких судов, сел и деревень громить не станем, если от азовцев задору не будет, если на государевы украины азовцы перестанут ходить, государевы города разорять, отцов наших, матерей, братью, сестер, жен и детей в полон брать и продавать; если же азовцы задерут, то волен Бог да государь, а мы терпеть не станем, будем за отцов своих, матерей, братью и сестер стоять»⁷.

На вопрос же: «А чем, любопытно, ваши ребята на море занимаются?» казаки, не отводя глаз, отвечали: «И в том волен Бог да государь, что наши казаки с нужды и бедности пошли на море зипунов добывать, стругов с 30, до вашего приезда, не зная государева нынешнего указа и жалованья, а нам послать за ними нельзя и сыскать их негде, они в одном месте не стоят»⁸.

Действительно, 8 июня, когда русские послы разводили руками перед Фомой Кантакузиным, казаки обрушились на побережье Босфора и многие села и деревни обобрали и пожгли.

⁶ Соловьев С.М. Сочинения. Кн.5. С.196.

⁷ Там же. С.196-197.

⁸ Там же. С.197.

Иван Каторжный все же очень скоро вернулся и «объявил, что турки погромили его под Трапезунтом». Может быть, хотел этой вестью турецкому послу приятное сделать. Но Москва впоследствии, больше, чем через год, казакам все равно выговаривала: «...И то все турецкий посол и капычеи и турчентя, которые с ними, видели, как вы с моря пришли и полон с собою привезли; и за тем послам нашим и турецкому послу на Дону было долгое мешканье».

13 июля послов все же переправили в Азов.

Очень уж обнадеживающие перспективы в русско-турецком союзе открывались. Не стоило омрачать союз из-за казачьих и азовских разбоев, и 20 августа из Азова русские послы и Фома Кантакузин сообщили в Москву, что на Дону послов встретили и проводили до Азова честно. А жалованию де казаки обрадовались и за царское и патриаршее здоровье «молили бога, и пели молебны з звоном, и учинили стрельбу». После чего на Дон из Москвы 2 сентября пошла грамота, что мы вас «похваляем», только впредь на море не ходите и не ссорьте нас с султаном.

Из Азова послы отправились в Константинополь, где тоже были встречены ласково.

Но вскоре пришли в Константинополь вести, что казаки вновь напали на Крым и выжгли два города – Карасу и Минкуп. Действительно, пользуясь крымской междоусобицей, донцы несколько раз нападали на владения турецкого ставленника Джанибек-Гирея, причем один раз удар был особенно болезненным, когда Джанибек-Гирей пошел воевать против своих родственников – Магомет-Гирея и Шан-Гирея, имевших союзный договор с запорожцами.

Кроме того, турки стали собирать войско на Багдад, и, чтобы объяснить срыв совместного похода на Польшу, свалили все на казаков. Визирь сказал русским послам, отпуская их: «Ступайте поздорову, хотя бы вас и не следовало так отпускать за ваших людей, казаков уймите и государю своему известите, чтоб их унял, а не уймет, то доброго дела не будет».

Союз истинных православных и ренегатов против Польши рушился, и русский царь с патриархом пригрозили казакам в грамоте от 2 июля 1629 года опалой и отлучением от церкви.

Потом, 6 октября, сам патриарх подробно расписал казакам их вины, что указ царя и патриарха они «поставили ни во что» и продолжают набеги на турок и дружественных Турции татар, что хотят «своим воровством и лакомством» навести на христиан кровь и разорение и что от их воровства слово, данное царем и патриархом султану и хану, «стало инако и неверно». Филарет заявил казакам, что они – «злодеи, враги креста Христова», и требовал прислать имена воров, которые ходили на море и на крымские улусы (самых воров прислать патриарх требовать не решился), а кроме того требовал вернуть туркам и татарам все, что награбили.

Одно утешало, что схваченные в море турками и в Крыму татарами казаки под пытками честно говорили, что «приходили собою без царского величества повеления».

Стоит ли говорить, что грамоту царя, «черненную» патриархом, донцы проигнорировали?

1630 год был для всей европейской политики очень значимым. Великий политик и злостный интриган кардинал Ришелье стремился втянуть Швецию и Турцию в войну с Австрией, а Россию в войну с Польшей. Мешали русская нерешительность и то, что турки воевали с Ираном. В мае 1630 года Фома Кантакузин и французский представитель Руссель прибыли в Москву.

Фома Кантакузин, прибывший в Москву в третий раз, объявил, что султан уже послал свою рать на днепровских казаков, и просил, чтобы русские тоже выступили на польского короля и направили войско против Персии; «наконец просил унять донских казаков»⁹.

Впрочем, Кантакузин сам знал бессмысленность последней просьбы, поскольку сам же объяснял турецким военачальникам, что «царскому величеству на донских казаков ратных людей послать немочно, потому что на Дону места крепкие и лесные, и как на них послать ратных людей, и они разбегутся врознь или пойдут к недругу, и учинить над ними никакова наказания немочно»¹⁰.

Турецкие военачальники, истинные имперцы, предлагали взять донских казаков на жалование и вообще переселить их на берега Средиземного моря.

Выслушав жалобы Кантакузина и предложения турецких адмиралов, а также учитывая невероятные ругательства и жестокости против русских посланников со стороны пострадавших от казачьих набегов крымских татар, московские власти решили на донцов надавить. Атамана Наума Васильева, который с 70-ю казаками, сопровождая послов, явился в Москву, схватили, казаков из его станицы перековали, пометали по острогам помирать голодной смертью, а кого и казнили.

В июле Кантакузин отправился обратно. Вместе с ним ехали русский посол Андрей Совин и дьяк Михайло Алфимов.

Совин вез донцам и бывшему на то время атаману Ивану Дмитриеву, как писал Василий Сухоруков, «опальную грамоту, заключающую в себе и клятву патриаршую, и отлучение всего Войска от православные церкви». А если донцы хотят искупить свои вины, говорилось в грамоте, то чтобы выступали на польского короля вместе с войском турецкого сардара, который давно уже ждал на Узе, чтоб начать наступление на днепровских казаков.

План втянуть донцов в эту войну был обречен изначально.

Войско Донское Москвы не боялось (это даже турки видели), прикрывалось ею как дырявой крышей. Перед турками и даже перед татарами московские дипломаты выставляли донцов разбойниками, заслуживающими смертной казни. Вот такое «крышевание». Из Москвы казакам можно было получить свинец и порох, а по окраинным городам

⁹ Соловьев С.М. Указ. соч. Кн.5. С.197.

¹⁰ Королев В.Н. Указ. соч. С.545.

Московского государства - беспошлинно торговать. Это действительно имело вес. Ради этого можно было и поюродствовать – попеть, поплакать от умиления и из ружей пострелять. А вот денежное московское жалование было смехотворно, с трудом набиралось по 25 копеек в год на человека. И теперь Москва хотела послать донцов на запорожцев...

Если разобраться, то Войско Запорожское имело на донцов больше влияния, чем вся Россия. Казачье сообщество на Украине численностью в 4-5 раз превосходило Донское Войско и было достаточно сплочено и боеспособно, чтобы потрясать морскую мощь Османской империи и открыто противостоять ослабленной «рокошами» Польше. В союзе с многочисленными запорожцами донцы могли добыть на море бесконечно больше, чем получить от России (или той же Турции). А в случае открытого противостояния запорожцы имели достаточно сил, чтобы сбить донцов с низовий Дона.

Естественно, донцы держались за союз с Запорожьем и почитали запорожцев за старших братьев. Отказ от возмездия за смерть лучшего донского атамана, убитого запорожцами в 1625 году, уже говорит о многом.

И в 1630 году, когда турки стали собирать войска для удара по Польше и непосредственно по днепровским казакам, запорожцы отреагировали немедленно. Еще 16 марта на Дон явились 500 человек черкас и стали подбивать донцов идти на море за добычей. Елиха Радилов велел атаманам и казакам собираться, и собралось желающих 1000 человек. 5 апреля, видимо, как только донцы встретили из Азова и отправили в Москву турецкого посла Кантакузина, полторы тысячи гулебщиков на 28 стругах вышли в море. Таким образом, запорожцы сразу же противопоставили донцов своим врагам и возможным союзникам Москвы – туркам.

27 августа, когда донские гулебщики были еще в море, в низовые донские городки прибыли из Москвы русские и турецкие послы. 28 августа собрался круг.

Царская грамота, как писал Василий Сухоруков, была принята казаками «с благоговением». Выслушав ее содержание, то есть – отлучение бедолаг-донцов от православной церкви и наложение на них государственной грозной опалы, последние «велели петь благодарственный молебен и звонить в колокола за здравие государя и патриарха, в знак всеподданнической покорности».

Что касается похода на Польшу вместе с турками, то казаки ответили: «Исстари при прежних государях не бывало, чтобы нас, казаков, на службу в чужие земли одних без государевых воевод посылали; кроме московского государя, чужим государям мы, атаманы и казаки, никогда не служивали; а турским людям никто так не грубен, как мы, донские казаки, и у нас с турскими людьми какому быть соединению? Мы им сами грубнее литовских людей. Если государи укажут нам идти на польского короля без турецких

пашей с своими государевыми воеводами, то мы на государственную службу идти все готовы»¹¹.

На упреки посла, зачем казаки ходят в море, донцы нагло ответили: «На море ходят черкасы запорожские, а мы, донские казаки, на море не ходим, пишут на нас, затевая, азовцы по недружбе, а хотя бы мы и ходили на море, то нам прокормиться другим нечем, государственного жалованья нам не присылавано давно и теперь не прислано».

Далее начинается самое странное. С.М. Соловьев, основываясь на отписках послов, дает следующую картину: «В провожатых у послов был воевода Иван Карамышев; из Москвы и из Валух на Дон пришли вести, что этот Карамышев сам напросился на Дон казаков побивать и вешать; по этим вестям казаки бросились с пищалями и рогатинами к воеводе, прибили его до крови, выволокли из струга и повели к себе в круг. Послы вступились в дело, говорили казакам, чтоб они не убивали воеводу, не верили затейным речам, а писали бы об этом в Москву к государям. Казаки отвечали бранью и угрозами. «Нам дело не до вас, - кричали они послам, - ступайте к себе в стан, пока и над вами того же не сделаем». Карамышева втащили в круг, били саблями, кололи рогатинами, поволокли за ноги к Дону и бросили живого в реку, но послов отпустили спокойно в Азов»¹².

Василий Сухоруков писал, что Карамышев, «может быть, исполняя волю цареву, вероятно, убеждал казаков не противиться велениям монарха», а затем «стал угрожать им казнию, говоря, что он будет их вешать, сажать в воду и бить кнутьями, а имущество и жилища их жечь». Публикаторы текста Сухорукова (Королев В.Н. и Коршиков Н.С.) считают, что сам Карамышев читал казакам и опальную грамоту.

Согласно Сухорукову, казаки якобы стали требовать у Карамышева царскую грамоту или наказ, дающий ему такие полномочия, «но Карамышев в том отказал и отозвался неимением. Меж тем казаки разведали, что он имел сношения с крымцами и ногайцами будто бы для того, дабы с помощью сих непримиримых их врагов показать на опыте то, чем прежде угрожал им (обстоятельство едва ли справедливое)».

Свою версию Сухоруков берет из «объяснительной», которую донцы немного позже послали в Москву.

Н.А. Смирнов считал, что это агенты Фомы Кантакузина «спровоцировали убийство воеводы Карамышева, посланного с 50 стрельцами на Дон сопровождать турецкое посольство»¹³, чтобы тем самым посорить Москву с донскими казаками.

Масла в огонь подливает то, что впоследствии, через несколько лет, русские послы в Турции, обвиняя донских казаков в самовольстве, говорили, что царь действительно посылал воеводу Карамышева наказывать казаков за их походы на море¹⁴.

¹¹ Соловьев С.М. Указ. соч. С.198.

¹² Там же.

¹³ Смирнов Н.А. Россия и Турция в XVI-XVII вв. М.1946. Т.2. С. 26.

¹⁴ Соловьев С.М. Указ. соч. С. 202.

Попробуем разобраться с помощью обычной логики.

Царское правительство, посылая Карамышева карать донцов за своеволие, дало бы ему войско побольше, чем 50 стрельцов. Сам Карамышев, обычный начальник почетного конвоя при послах, вряд ли был самоубийцей, чтобы грозить виселицами и утоплением на круге всему Войску Донскому. Естественно, мы имеем дело с провокацией.

Вести из Москвы и Валук, что Карамышев сам напросился карать казаков, и вести, что он имел сношения с крымцами и ногайцами (в чем усомнился Сухоруков), явно провокационные. На сношения с крымцами и ногайцами у Карамышева, если бы он и имел какие-то полномочия, просто не было времени. Суть провокационных вестей одна – Москва послала карателя, который будет уничтожать донцов с помощью крымцев и ногайцев. Угроза с трех сторон – от Москвы, от Крыма и от ногайцев, а с турками донцы и так воюют. Одна сила не названа, на одного союзника можно надеяться – на Войско Запорожское...

18 сентября донцы замирились с азовцами и 22 сентября переправили в Азов царское посольство вместе с Кантакузиным.

Но после отбытия посольств, по свидетельству юртовского астраханского татарина, прибывшего с Дона, съехались казаки с моря и из городков всем войском и шумели на атамана Волокиту Фролова: «Ты-де у нас отпустил послов! Все равно уже мы заворовали; побить было всех, а как они будут назад из Царя-города, то мы их и тогда побьем, все равно наша служба государю не во что, выдает нас в руки недругам нашим, турецким людям; хотя с Москвы пришлют на нас и сто тысяч, то мы не боимся, даром нас не возьмут, сберемся в один городок и помрем все вместе, а если государь сошлется с турецким и крымским царями и придут на нас ратные люди со всех сторон, то мы отойдем к черкасам на Запороги, они нас не выдадут». И торговые люди из украинских городов, приезжая на Дон, слышали, как казаки говорили про послов: «Ушли-де они у нас, сюда едучи, но не уйдут, назад едучи, непременно всех их побьем»¹⁵.

Так что провокация на Дону готовилась масштабная. Но, видимо, из-за противодействия разных группировок, (а они, несомненно, существовали среди низовых казаков и помимо запорожского «лобби»), донцы ограничились ни в чем не повинным Карамышевым, который в худшем случае был просто несдержан на язык.

Видимо, тогда же и на том же круге, 6 октября 1630 года, была написана донцами и отправлена в Москву повинная отписка, которая, между прочим, содержала не только покаянные нотки, но и нравоучительные.

Написали казаки, что они от божьей милости не отступники и царю «не изменники и не лакомцы», а служат с травы да с воды, то есть – бескорыстно. А истинную православную христианскую веру, в которой предки их и сами они породились и выросли, они помнят и крепко держат и вперед за нее против любого недруга хотят стоять «крепко и неподвижно». И

за царя умирают, «вся любимая света сего отставя и телеса свои презрев». Именно будучи православными христианами, по религиозным так сказать соображениям, отказываются они теперь идти на помощь туркам, «потому что наша истинная православная христианская вера турчанам неприятна» и давно они хотят ее попрасть и разорить.

Далее казаки стали приводить доводы мало понятные приземленным московским людям. «А другая статья, мы тебе, государю, послужим с турскими людьми над Литвою хотя и поисканье учиним, а слава будет турецкого Мурат салтана и турецких людей, а не твоя, государева, и не нас, холопей твоих, служба прославится; за то нам, холопьям твоим, к турецким людям мимо твоего царского величества на службу не хаживать».

Вот так, твердо и уверенно, заговорили они о своей казачьей славе, поставив ее наравне со славой царя.

Но дальше опять стали врать и выкручиваться, поскольку перешли к объяснениям, за что убили Карамышева. Свалили на бедного, что он хотел их бить и разорять и для этого связывался с крымцами и ногайцами. Спрашивали, дескать, они у Карамышева, а есть ли у него царский наказ или грамота, чтоб казаков карать. Если б была такая грамота, то они б сами свои головы на дровосеку положили. Но у Карамышева такой грамоты не было, и казаки, видя его, Карамышева, «над собою злоухищренье, от горести душ своих, за великую его неправду, того Ивана Карамышева обезглавили». В общем, убили за измену и превышение власти. Ложь заведомая...

Но потом, когда речь зашла о будущих взаимоотношениях Москвы и Дона, голос казачий опять окреп. «...И будет мы тебе, государю, и всей земле не надобны, и мы тебе, государю, не супротивники: Дон реку от низу и до верху и реки запольные все тебе, государю, до самых украинских городов крымским и ногайским людям распространим, все очистим, с Дону с реки и со всех запольных рек все, холопи твои, сойдем по твоему государеву указу».

Написав эту повинную отписку, в которой претензий и правочений было больше, чем раскаяния, собрали казаки двух ребят, Дениса Парфенова и Кирея Степанова, - «Езжайте, пострадайте за общество». И поехали они как на плаху.

Но когда эта отписка дошла до Москвы, напряженность между Доном и Москвой, абсолютно недопустимая в условиях совместной войны России и Турции против Польши, утратила свою остроту. Война опять не состоялась. Отвлекли турок персидские дела.

Когда русские посланники достигли Константинополя, польский посол успел заключить мир с турками. Визирь сказал русским послам: «Теперь у нас недруги не одни польские люди, со всех сторон у нас недругов умножилось, и нам теперь не до поляков, управиться нам с ними за их неправды не время». И султан русскому царю в грамоте в очень учтивых выражениях то же самое ответил.

Предупредительные меры запорожцев в целом пропали даром. Да и для Войска низового Запорожского многое в 1630 году поменялось. От морских просторов обратило Войско свои взоры на северо-запад, на Польшу.

И надолго. 4 апреля некий Тарас Федорович с запорожцами ударил на поляков, на Корсунь. Началась череда войн между черкасами и ляхами, измотавшая за полвека оба народа.

Для донцов любое изменение в Войске Запорожском имело важное значение. То, что запорожцы направили все свои силы на поляков, ослабило казачество на Черном море. Одни донцы не имели достаточно людей и стругов, чтобы воспроизводить прежние набеги во всем их размахе.

И значение Азова в жизни Войска Донского изменилось. Раньше донцы, не отвлекаясь, перемахивали азовские преграды и вместе с запорожцами рассекали по морским волнам. Азовские стены после смутного времени они пытались развалить лишь дважды, с досады, отвечая ударом на удар, причем осада Азова в 1625 году, закончившаяся взятием башни на Каланче, длилась всего три дня. Теперь, хотя и не сразу, ослабев на Черном море, донцы должны были качественно поменять свои взаимоотношения с Азовом.

Но не все сразу делается, не все сразу меняется. Пока что русские послы в Константинополе, на чьих глазах утопили Карамышева, очень боялись возвращаться домой через земли донских казаков.

В 1631 году под Азовом было тихо. Донцы как бы отодвинулись, не мешали азовским разбойникам, а те времени зря не теряли, за два года пригнали вместе с крымчаками с русских окраин тысяч 8 пленных. Под Ливнами в августе 1632 года у Савинской дубравы тысяч двадцать татар побили и в плен угнали 700 ливенцев – городских казаков и детей боярских. Перекрыли те татарам дорогу на московские земли в дубраве между реками Тимом и Кшенью и полдня держались, но не устояли.

К крымчакам присоединились осмелевшие татары Казыева улуса и тоже пригнали полон. Молодых продавали за чашу проса, а старым и обессиленным просто головы секли.

Сами донцы вместе с запорожцами ходили разбойничать на Волгу и Каспийское море. А 200 лихих ребят вместе с запорожцами высадились в Крыму, ограбили деревни, самого хана выгнали из Бахчисарая и только после этого ушли с добычей в Запороги.

Вообще в это время запорожское присутствие и запорожское влияние на Дону особенно заметны. Царицынский воевода князь Волконский сообщал, что среди донцов постоянно возникают слухи, что из Москвы готовится карательный поход на Дон, и донцы тогда угрожают, что на помощь к ним придут 10 тысяч запорожцев и говорят: «А у нас де, у донских казаков, с запорожскими черкасы приговор учинен таков: как приходу откуда чаять каковых воинских людей многих на Дон или в Запороги, и запорожским черкасам на Дону нам, казакам, помогать, а нам, донским казакам, помогать запорожским черкасам, а Дону де нам так без крови не покидывать». Не много и не мало, а перед нами открытый военный союз.

И о походах на море другие источники говорили, что вышли все же в 1631 году полторы тысячи донских казаков в набег на Черное море. Обратного их турки не пустили, и они ушли в Запорожье. 500 человек явились потом на

Дон и везли с собой «полон девок и ребят татарчонков». Говорили, что взяли у Синопа, а атаманом был донской казак Павлин. 1000 донцов осталась в Запорожье. На Украине в это время победители-поляки записывали казаков в реестр, а заодно потребовали, чтоб запорожцы на Черное море не ходили и пожгли все свои струги. «И струги де, государь, у них пожгли все, а донских де стругов запорожские черкасы жечь не дали», - докладывали в Москву нужные люди.

Из-за казачьих набегов на Крым русские послы из Константинополя возвращались опять с шумом и большими скандалами.

Москва, не имея ни сил, ни времени, чтобы разобраться с донскими казаками, молчала. Новые угрозы без подкрепления их конкретными делами были бы только в ущерб делу. Помимо казаков выслали из Валук напрямую через степь к Азову отряд князя Барятинского, чтоб забрать послов.

Однако неутомимые и непреклонные православные греки вновь и вновь сколачивали разваливающийся союз. И Фома Кантакузин в 4-й раз поехал в Москву.

В апреле 1632 года умер польский король Сигизмунд. В Польше наступило междоусобице, смуты, собрался избирательный сейм.

Русские медлили, выбирали, кого поставить во главе 30-тысячного войска идти отбивать Смоленск. Наконец, в августе тронулись на Дорогобуж, взяли его в октябре, взяли еще многие города и затем осадили сам Смоленск.

Еще и война открыто не начиналась, как стали поступать на Москву вести, что крымские татары готовят на русские земли большой поход. Русские забеспокоились, направили в Турцию очередное посольство. Турки обещали, что крымчаки пойдут на Польшу, ни никак не на Россию.

Московские люди туркам тоже особо не верили. Подстраховываясь, пришлось донских казаков прощать. Князя Ивана Дашкова направили с крестоцеловальной записью на Дон, чтоб признали атаманы и казаки свое своеволие и сами на Крым не ходили, чтоб целовали крест, что не хотят другого царя и обязаны воевать со всеми лишь по царскому приказу. Атаманы и казаки крест целовали и некоторые с Дашковым ушли на службу в Москву.

После этого атамана Наума Васильева с товарищами извлекли из заточенья и направили на Дон с грамотой и с жалованием. А многих, что были ранее в опале и сидели по острогам, подвели под патриаршее благословение, приобщив тем самым вновь к православной церкви, показали им царские очи и вместе с ребятами князя Дашкова, пришедшими с Дона, направили на службу опять же под Смоленск.

В конце февраля столкнулись казаки с татарами на крымской стороне, на речке Быстрой, взяли языка, и подтвердил тот, что на святой неделе или чуть раньше надо ждать татарского набега на русские украинные земли. Казак Елизар Змеев прискакал в Воронеж, привез эти вести. И русские послы вместе с тем же Кантакузином, сунувшиеся напрямую из Валук к Азову, напоролась в степи на крымчаков и ногайцев, два дня отбивались и опять вернулись в Валуйки. Пришлось им добираться до Азова опробованной

дорогой через низовые донские городки с новым жалованием. В апреле уже 1633 года отвезли их казаки под Азов, а летом прибыли они в Констатнинополь и потребовали – «Смените крымского хана Джанибек-Гирея».

Визирь отвечал, что Джанибек-Гирею дан наказ идти на польских и литовских людей, а если пойдет он на московские земли, то турки его сменят.

Сами турки готовились воевать спустя рукава. Муртаза-паша, командующий войсками, был против этой войны.

А в апреле, пока русские послы были в дороге, подкрепленные польским золотом татары – царевич с 17 мурзами – хлынули на русские земли.

По крымской стороне Дона было у татар в русские земли и на Москву три пути: Муравский, Изюмский и Кальмиусский. Все они вдоль речек и меж лесов.

Муравский шлях шел от верховий реки Самары, огибал притоки Донца, вклинивался между Курском, Рыльском, Путивлем и Белгородом и у истоков Северского Донца, Псла и Донецкой Сеймицы у Думчег кургана делился на три дороги. Одна сворачивала на восток, к Изюмскому шляху, вторая (Бакаев шлях) – на Рыльск, третья (Пахнуцкий шлях), обходя Курск с севера, - на Брянск.

Изюмский шлях тянулся с верховий Самары до Донца, там у Изюмского кургана, западнее Оскола, была переправа через Донец, а от Донца – далее на север.

Кальмиусский шлях перемахивал через Донец у Айдара и далее шел на север между Осколом и Айдаром.

Русские пытались эти шляхи оседлать, перекрыть путь татарам на север, строили городки, остроги, сторожи специальные, то есть – наблюдательные посты. Особые станицы постоянно выезжали из городов в степь, а иногда и жгли эту степь, чтоб татарам кормить коней нечем было. Вроде бы оберегались. Дворянская московская конница дальше Оки против татар не выходила, и татары через Оку не лезли, не доходили до нее.

Но в смутное время захирела вся эта служба. Там и до Смуты народу много не было. Приборные ратные люди малочисленны, много - из сосланных, бывало, что и смертников туда ссылали в городские казаки. Когда Смута началась, поучаствовали в ней здешние людишки с большой душой, много движений отсюда началось, с южных рубежей Московского государства. А когда улеглось, поуспокоилось, оказалось, что в Воронежском уезде всего 20 тысяч душ.

С 1618 года пытались восстанавливать старую пограничную систему, но Владислав и Сагайдачный помешали. Потом в 1623 году опять стали вокруг городов сторожи ставить, но скорее, чтоб сами украинные города от татарских набегов уберечь. В Белгороде числилось 40 станиц, в Осколе – 20 станиц, 13 сторож, вокруг Воронежа – 18 сторож, вокруг Валук – 10 сторож, из них две дальних, и 2 станицы. Но ни одного нового города на юге не поставили.

В апреле 1633 года прошли татары меж сторож, смели станицы, пограбили Рязанский, Каширский, Коломенский, Зарайский уезды и в июле полезли через Оку к самой Москве. Многие дворяне и дети боярские отъехали в разгар осады от Смоленска поместья свои защищать. Татары боя не выдерживали, не для войны сюда пришли, но чтобы отогнать их, все равно сила нужна немалая.

А в августе под Смоленск явился новый избранный польский король Владислав и сам осадил ослабленное русское войско в его лагере...

Донские казаки во всех этих злоключениях особо не участвовали. Была у них от царя грамота, писанная еще в апреле, чтоб помогли они ратным людям из Казани и Астрахани против Казыева улуса, чтоб шли на соединение с князьями Василием Турениным и Петром Волконским и чтоб Казыев улус с оными князьями до конца разорили и искоренили.

Донцы дело в долгий ящик не откладывали. Отправив русских и турецких послов в Азов и поделив присланное с ними жалование (1000 рублей и 10 поставов сукна — кот наплакал), они немедленно 2 мая размирились с азовцами и сразу же напали на казыевцев, кочующих по речке Ее. Более 700 татар взяли в плен и среди них человек 30 родни татарской знати. Потом напали на татар, кочующих между Донцом и Каланчой. И здесь была добыча — 200 пленных и 2000 коров.

Теперь надо было совместно с русскими воеводами идти разорять казыевские улусы на реке Куме. Сослались с русскими воинскими людьми, но в Астрахани их уже не застали. И известие получили, что Туренина уже нет, а командует князь Петр Волконский.

Вновь послали гонцов к Волконскому, уже на реку Куму, на урочище Каракуголь, что идем на Можарское городище к нему на соединение и будем вскоре. 30 июля гонцы о том Волконского известили. Волконский послал на Дон сына боярского Иваниса Колодничу и написал с ним, чтоб шли на Можарское городище, не мешкая.

Волконский прождал донцов на Можарском городище до 16 августа, не дождался и вместе с войском и верными ногайцами ударил на казыевские улусы. Налет был удачный, улусы разорили, взяли много татар в полон, а русский полон отбили.

Ногайцы отличились, но убоялись недругов своих, Гинбаевых, Урмаметовых и Урусовых детей и Каная князя с братьями и племянниками, и стал их мурза Кейкуват Янмаммет Янмамметов уходить с полоном к Астрахани раньше русских и другой дорогой — на Маньч. Тут его донские казаки с атаманом Иваном Каторжным и встретили на Челбапских вершинах.

Было донских казаков три сотни, да союзных татар сотни две, и выступили они, оказывается с Дона 15 августа.

Донцы этого Кейкувата Янмамметова растрепали по косточкам, отбили татарский полон в полторы тысячи и уже отбитый русский полон, который ногайцы, видимо, хотели в Астрахани отпустить, да еще у самих ногайцев тысячи две лошадей отгромили и другого скота много. Потом собрали круг и решили идти обратно на Дон. А Кейкуват Янмамметов кинулся писать

челобитную царю и жаловаться. И князь Волконский царю написал и подтвердил, что были от донцов гонцы, приехал де 27 августа уже известный Иванис Колоднич и сказал, что донцы близко – в двух днях пути, а 29 августа приехал казак Якушка Назаров и сказал, что Кейкувата Янмаметова погромили, «и после де того погрому был... круг, и, договорясь, пошли назад на Дон».

Донцы же, вернувшись на Дон, написали царю свою грамоту, что встретили они 21 августа, не доходя князя Волконского казыевских татар, и перечислили 8 встреченных якобы мурз по именам, и донцы де их разбили, мурзы сами ушли, а жен их и детей донцы захватили. А захваченные якобы сказали, что шли они к Азову и там хотели переправляться.

Выходит, что били донцы степняков дважды – 21 августа побили казыевцев, а 27-28 августа погромили союзных ногайцев. Но о втором бое донцы не написали, а Волконский и Кейкуват, наоборот, расписали второй бой, но не сообщили о первом.

В Москве же решили, что бой был один – донцы погромили союзных ногайцев, то есть по своему обыкновению «наделали делов».

Но Москве опять было не до донцов. Патриарх Филарет умер. Под Смоленском зимой русские войска капитулировали и отступили бесславно. С поляками начались переговоры о мире. Так что донским казакам за ногайский погром из Москвы только попеняли: «И вы, атаманы и казаки, то учинили негораздо, сами на нашу службу, на наших непослушников притти не порадели и приходом своим замешкали; а которые люди нам служили,... и вы тех нагайского Кейкуват Янмамет мурзу с братьею и с племянники, и улусных его людей нагайских татар, которые были с ним, многих побили и живых поимали;... а к нам писали есте ложно, будто вы, нам служа, погромили Казыев улус...». Но наказывать казаков силы не было, и устало дописали на Москве: «И вам было, атаманам и казакам, видя к себе нашу государскую милость и жалованье, надобно нам, великому государю, служить и о своей службе писати к нам правдою». А пока просили исправиться и вернуть ногайцам отбитых у них людей и скотину, а русский освобожденный полон прислать в русские украинные города или в Москву.

В 1634 году русские вели с поляками переговоры на речке Поляновке. Обнаглевшие поляки требовали, чтобы царя Михаила свергли и посадили на престол кого-нибудь из родственников Владислава, или пусть русские дают Владиславу отступного 100 тысяч рублей ежегодно за московский престол. Предлагали вообще объединить два государства – Россию и Речь Посполитую. Русские упирались, как могли. Наконец, 4 июня подписали с поляками мир, так ничего и не отвоевав. Потом еще год торговались, чтоб вернули поляки те грамоты, где русские Владислава в смутные времена царем признавали, а поляки говорили, что никак их найти не могут. И выкупали еще тело царя Василия Шуйского, в Польше умершего и похороненного.

Турки были очень недовольны, что русские с поляками помирились, но новые московские послы, дворянин Коробьин и дьяк Матвеев, сказали,

что все это из-за крымского хана Джанибек-Гирея, из-за его набегов на русские земли.

Донские казаки в 1634 году под Азовом вели себя тихо, поскольку на радость туркам ходили с яицкими казаками на Каспий. Воевали они под Дербентом, «Бакою» и разорили много деревень в Гилянской земле. «Издобылись гораздо» и продавали многие персидские товары дешевой ценой. А также ходили донцы в тот год в степь на ногайские улусы.

Зато явились под Азов неожиданно-негаданно черкасы. Появились они на 30 стругах после Успенья пресвятой Богородицы, с пушками. Стояли черкасы под Азовом 4 дня и пытались штурмовать, но были отбиты. К черкасам пристали человек 100 донских казаков, но из-под Азова назад в городки не вернулись, а ушли вместе с черкасами, поскольку в Войске была на то время заповедь – с азовцами не воевать, с ними, провожая послов, заключили мир.

Азовцы же во всем обвинили донцов – с их де согласия черкасы приходили, а были бы донцы не согласны, предупредили бы Азов. Подозрения были логичны, поскольку черкасы уходили на стругах (или чайках) от Азова вверх по Дону и от Раздор свернули в Донец. На следующий день после их ухода. 11 августа, полторы тысячи азовских разбойников, пользуясь тем, что донцы были в ногайской степи, напали на три городка – Нижний, Черкасский и Манычский, отогнали табуны, две тысячи голов, и порубили человек 30.

Донцы, вернувшись из похода, пошли под Азов, погромили кочевавших неподалеку казыевских татар, но самому Азову ничего не сделали.

Столкновения эти под Азовом не остались без последствий. 2 ноября, когда русские послы Коробьин и Матвеев уже собирались садиться на корабль, визирь дал им знать, что донцы и черкасы приступали к Азову, били по городу из пушек, во многих местах город попортили и едва не взяли. Послы велели ответить визирю: «Не в первый раз донские казаки без государева ведома, а азовцы без султанова ведома меж собою ссорятся и мирятся». С тем и отбыли.

Но турки это дело так оставить не могли. Если бы на Азов в очередной раз налетели донские казаки, неверные подданные союзного Турции русского царя, то причин для беспокойства не было бы. Но осаждать Азов явились запорожцы, войско гораздо более многочисленное, за которым стоял враждебный Турции польский король. И кафинский папа получил приказ усилить азовский гарнизон...

Вообще с 1634 года, после Поляновского мира, обстановка на Юге сильно изменилась. Заключив мир с поляками, русские на ближайшее время не были заинтересованы в союзе с Турцией, гораздо больше их пугали крымские татары, проникшие в разгар войны с Польшей чуть ли не под стены Москвы.

Турция же начала очередную кампанию против Ирана и требовала, чтобы крымские татары активно в ней участвовали. Татары не хотели. Чтоб

достичь иранских владений, им надо было пройти или обойти Кавказ, а здесь они могли потерять больше, чем приобрести. Турки настаивали и исподволь готовили смену крымского хана.

Почувствовавшие свой вес татары подговаривали ногайцев изменить России и перейти кочевать на крымскую сторону Дона, здесь, на своей территории, они бы быстро прибрали ногайцев к рукам.

Соответственно строилась и политика Москвы. С татарами заигрывали, извинялись за казачьи набеги и даже обещали совместный поход против донских казаков, но не сейчас. А казакам писали, чтоб ногайцев на крымскую сторону Дона не пускали и били их, если России изменят.

Донцов уговаривать не надо. Проследили они, когда ногайцы Большого Ногай, подошли к Дону переправляться, и ночью 26 сентября, подойдя по воде на стругах, напали на их лагерь. Полторы тысячи посекали и 1305 человек в плен пригнали.

Зима, студеная и с глубоким снегом, вообще стала гибельной для ногайцев. В степи со стадами, женами и детьми от донцов не укрыться и не уйти. На Рождество, 25 декабря, напали донские казаки на них у урочища Чубур, тысячи две побили, человек 800 на Дон пригнали, из них человек полтораста взрослых мужчин.

Хотели ногайцы в Крым по льду перейти с Ачаковской косы, но и здесь их донцы настигли и 25 февраля устроили еще одну резню.

Азовские люди вышли с пушками из города спасать остатки ногайцев и встретили донцов на реке Кагальнике, когда те возвращались и полон гнали. День сражались. Но отбились донцы без потерь и в городки вернулись.

В 1635 году жизнь на Дону пошла по накатанной колее, и первыми почувствовали это русские послы, возвращавшиеся из Турции.

В Крыму, где русские послы зазимовали, пришлось им много испытать и выстрадать, поскольку весной 1635 года донцы вместе с запорожцами опять вышли в Черное море.

Впоследствии в грамоте, отправленной в Москву 4 мая, донцы давали свою версию событий. Они же ожидали нападения из Азова и решили отрезать возможные подкрепления, с этой целью выслали в Керченский пролив струги с наказом ждать там шесть недель и не пропускать турецкие корабли к Азову, а потом вернуться на Дон.

Кроме того, они жаловались, что 20 апреля ночью азовцы по наущению турок напали на Казачий остров (территория, как считает Сухоруков, омываемая Доном и Аксаем) и отогнали 500 лошадей. Потом они напали на остров во второй раз 24 апреля, но казаки их уже ждали, человек 100 убили, а 31 взяли в плен, но все равно убили – тех, кого захватывали на Острове, в живых не оставляли для отстрастки.

Из других источников известно, что казаки сами вышли в море 20 апреля, и вышло их 34 струга донцов и запорожцев, а командовали ими Алексей Лом и черкас Сулима. На море к ним присоединились еще 30 стругов запорожцев, да еще 20 стругов были на подходе.

Сойдясь в море, донцы и запорожцы решили идти на Керчь и промышлять под этим городом, а на обратной дороге осадить и взять Азов. И срок осады Азова назначили – на Петров день. И в самом Войске уже начали готовить лестницы – лезть на азовские стены.

Угроза, видимо, показалась азовцам достаточно реальной, и многие жители Азова с женами и детьми стали в том же 1635 году уходить из города и селиться среди казаков.

Морской поход 1635 года стал одним из последних крупных походов, когда объединенные силы донцов и запорожцев достигли Босфора. Впрочем, до Босфора дошли немногие, видимо, разведка. Большая по времени часть предприятия ушла на двухдневную неудачную осаду Керчи, разграбление побережья между Керчью и Кафой, погром Карасу-Базара и Гонию. Потом появились турецкие галеры, и казаки быстро ушли восвояси.

Азов так и не осадил. Запорожцы после похода отправились на Днепр и там Сулима неожиданно взял польскую крепость Кодак, считавшуюся неприступной.

Полторы тысячи немцев – гарнизон Кодака – были внезапно потревожены, 300 черкас подскочили под стены города и сказали, что за ними гонятся татары. Их впустили. Они напали изнутри на ворота и стены, а снаружи подоспела подмога. Одни говорили, что у Сулимы было 800 человек, другие – 3000. Как бы ни было, но город они взяли, чем возобновили поухищенный конфликт с польскими властями.

Весь 1636 год донцы вершили ногайские дела – не давали ногайцам переправиться через Дон и уйти в крымское подданство, а кто переправлялся, тех догоняли и на взморье добивали.

В итоге ногайцы разругались между собой – одни хотели идти на крымскую сторону Дона, другие отчаялись и желали вернуться под Астрахань в русское подданство. Ссора переросла в междоусобицу.

В сентябре Малый Ногай обратился за помощью к донцам против Большого Ногай. Пришлось идти и бить Большой Ногай. Большой Ногай все понял и, заключив мир, решил идти под Астрахань.

Тут встрепнулись крымчаки и явились возвращать ногайцев под свою власть. Пришлось отбивать и крымчаков. Но ногайцы, получив крымскую поддержку, передумали, бросили своих заложников-аманатов, двух подростков 12 и 15 лет, переправились через Дон и 14 ноября вместе с крымчаками ушли в Причерноморскую степь.

Эти в достаточной мере удачные бои и походы лишний раз убедили донских казаков в собственной силе и значимости.

Тогда же пришло новое важное известие из России. Русские стали строить новую мощную засечную черту – отгораживаться от Степи, а вместе с тем и от Дона.

У города Козлова 6 месяцев рыли и насыпали земляной вал и строили два городка, перекрывали Ногайскую дорогу. Между реками Воронеж и Цна стали строить новый город. Осенью дворянин Сухотин и подьячий Юрьев приехали на разведку и высматривали, где перекрыть Муравский, Изюмский

и Кальмиусский шляхи, где валы поперек дороги насыпать, где стены дубовые ставить, где засеки в лесах сделать. Все рассмотрели и расписали. Повезли этот план Боярской Думе на утверждение.

Донцы выезжали и смотрели на новые укрепления: трехсаженные дубья пятивершковой толщины вкопаны в землю на сажень, бойницы в два ряда, башни шестиугольные или квадратные, на подходах надолбы в две и три кобылины. Сделано на совесть.

И с турками русские связи ослабили. В 1636 году специального посольства в Константинополь не посылали. Толмач Буколов отвез султану от царя грамоты, где говорилось: «Вы, брат наш, на нас не сердитесь за мир с Польшею: мы его заключили поневоле, потому что от вас помощь позамешкалась, и от крымского царя была война большая». В общем смысле этого писания слышится торопливая скороговорка: «Извини, брат, так получилось». Кроме того, как обычно, царь отрещивался от казаков и обещал за них не заступаться и просил унять азовцев.

Когда Буколов отбывал из Константинополя, с ним вместе отправился Фома Кантакузин, как пишет Соловьев, «для торговли, но под видом посланника»¹⁶. Поездка эта стала для него последней.

Сама формулировка «для торговли, но под видом посланника» кажется странной. Под дипломатическим прикрытием обычно ездят для выполнения несколько других деликатных поручений. И действительно. «Приехавши на Дон, Фома послал сказать казакам, будто султан прислал к ним жалованье, 4 кафтана; казаки отвечали: «Прежде к великому государю посылаемы были от султана послы и посланники часто, но ничего к нам, казакам, от султана не привозили; ясно, что он, Фома, затевает это сам собою и кафтаны дает нам от себя; у Донского войска государевым жалованием всего много, и эти его подарки нам не нужны». Но кафтаны были привлекательны, и казаки, помедлив немного, взяли их у Кантакузина»¹⁷.

Кантакузин прибыл из Азова на Дон по одним данным в январе, по другим – за две недели до масленицы, то есть в феврале 1637 года якобы по дороге в Москву и, отправив в Москву сообщение, ждал, пока за ним, как за послом, не прибудет пристав. В Россию он ехал в пятый раз, прекрасно знал, что раньше мая или начала лета пристав не прибудет. Почему не зазимовал среди своих, в Азове? Почему остался среди казаков?

Еще вопрос: как четыре кафтана поделить? Ободрать шитье и разделить между всем Войском или оставить кафтаны целыми и носить по очереди?

Скорее всего, перед нами попытка Кантакузина подкупить какую-то часть верхушки донского казачества.

Попытка своевременная. Москва капитулировала под Смоленском, прогибается перед крымчаками, спешно строит на юге укрепленную линию,

¹⁶ Соловьев С.М. Указ. соч. С.203.

¹⁷ Там же.

отгораживается от Степи. Войско Донское, особенно низовые городки, остается без присмотра. Самое время перекупить верхушку и возглавить его.

Но Войско Донское уже пережило период, когда его можно было «перекупить». У Войска были другие планы.

Глава 3. Казаки захватывают Азов.

Сама жизнь ставила перед донскими казаками необходимость выбора. Бесконечно разбойничать невозможно. Сообщество разрастается, становится предельно опасным. Потенциальные жертвы начинают обходить эту опасную зону десятой дорогой. На что же тогда существовать? Как правило, выбрать можно три пути: расширить ареал обитания, регулировать и регулярно сокращать количество членов сообщества, поменять «специализацию». Последнее самое трудное и реже всего встречается. Но мало ли мы знаем структур, которые из криминальных превратились в «охранные» и существуют на вполне легальные доходы? По такому пути, как мы видели, пошли многие русские «вольные казаки» после окончания Смутного времени; в реестр, объявленный польским королем, записалась значительная часть днепровских казаков, причем особенно охотно записывалась верхушка.

Есть еще один путь – криминальную зону превратить в офшорную. А дальше – чем черт не шутит. Мы же знаем, кто и как образовал на семи холмах Вечный Город. А чем донские казаки хуже?

Еще в 1635 году они, как писал Василий Сухоруков, единодушно заговорили: «Если бы государь повелел нам взять Азов, то бы не лилась кровь христианская, православные не изнемогали бы у бусурман в рабстве и нетрудно бы тогда было покорить самый Крым и ногаи; хотя бы не более двух тысяч человек прибавил к нам из украинских городов только для виду, мы Азов город давно бы взяли».

Освободить православных христиан от бусурманского рабства – цель святая.

Сами казаки совершенно спокойно занимались работоторговлей. Но если хочешь славы, приходится делать добрые дела. Положение обязывает.

Впрочем, слава славой, но в основе решения захватить Азов лежало желание получить базу для создания независимого государства наподобие пиратских республик, существовавших тогда по всему миру. Сколько можно жить на жалование? Пора свое дело открывать...

И толмач Буколов, бывший в то время на Дону, слышал, как казаки, отправляясь на осаду Азова, говорили: «Если к нам будет государская милость, позволит в Азов приходить к нам с Руси на житье охочим и вольным всяким людям и запасы всякие к нам привозить, то они Азов не покинут, а станут в нем жить».

Как видим, захват Азова казаками стал близкой к исполнению мечтой. Когда было принято четкое и ясное решение «промышлять Азов», источники умалчивают. По Соловьеву выходит, что казаки решились на это в конце 1636 года, но у них было мало припасов, и они направили в Москву

самого Ивана Каторжного с грамотой. В грамоте говорилось, что в 1636 году казаки жалования не получили, «и мы помираем голодною смертью, наги, босы и голодны, а взять, кроме твоей государской милости, негде. Многие орды на нас похваляются, хотят под наши казачьи городки войною приходить и наши нижние казачьи городки разорить, а у нас свинцу, ядер и зелья нет»¹⁸.

Станица Каторжного – 37 человек – отбыла с Дона 21 ноября и прибыла в Москву 20 декабря 1636 года. С собою привели четырех ногайцев, пойманных по дороге. В Москве рассказали, что по дороге дважды отбивались от татар, на Деркуле и на Айдаре, а в последний раз, 28 ноября, напали на них сто ногайцев, но донцы де их разбили и четверых в плен взяли.

На Москве ногайцев пытали и огнем стращали, выпрашивали, не пойдут ли татары весной на Русь. Ногайцы говорили, что они люди маленькие, ничего не знают, что было их 34 человека и в степи занимались они звероловством, а донцы на них напали и их четверых захватили. Что касается большой политики, то вообще-то им было известно, что у турок война с персами, и турки хотят, чтобы крымские татары приняли в этой войне участие, но крымский хан у султана «в непослушанье», и пойдет ли он на Персию, ногайцы сомневались. Конечно, не за тем крымчаки ногайцев на правый берег Дона переманивали, чтобы потом самим через весь Кавказ на Персию идти. Зато ногайцы знали, что крымские татары собираются на белгородских татар Кантимира, которые «не послушны и дани не дают». В декабре же должны были ногайцы войти в Крым...

Пока Каторжный был в Москве, от азовского «князя» туда же прибыл с грамотой некий азовец Магмет. В грамоте писалось, что султан Мурад послал к царю с грамотами Фому Кантакузина, и тот уже давно находится в Азове.

26 февраля 1637 года Каторжного отпустили из Москвы, дав ему «кормов» на два месяца и грамоту, что как только тронется лед, за Кантакузиным будет выслан приставом дворянин Степан Чириков, который привезет казакам жалование за то, чтобы казаки с азовцами помирились, приняли из Азова Кантакузина и передали Чирикову.

Не успел Каторжный далеко отъехать, как в Москву, преодолевая великие заносы, прибыла 8 марта станица Тимофея Яковлева с сообщением, что донцы приняли Кантакузина из Азова.

Яковлев, как и Каторжный, был отослан обратно на Дон, где уже всю шли приготовления к нападению на Азов.

Иван Родионов в своем «Тихом Доне» подтверждает: «Еще с зимы 1637 года все нижние и верхние донские городки были оповещены войсковыми старейшинами, чтобы все казаки совсем готовые к походу, в полном вооружении и снаряжении по весне явились в главное войско для решения важнейшего и неотложного дела. Даже тех казаков, которые были

от войска в запрещении и винах, войско в виду такого важного дела простило, обязав непременно прибыть на круг.

Несмотря на то, что цель собрания чрезвычайного войскового круга не была объявлена, все до единого донцы знали, зачем их вызывали в главное войско, и все ехали с твердым решением, воевать ненавистный Азов и, во что бы то ни стало, добыть его».

Обстоятельства благоприятствовали донцам. Турки увязли в Иране. Крымский хан Инает-Гирей переманил к себе орды Малого и Большого Ногай, усилился и перестал подчиняться Турции. Более того, в апреле он захватил Кафу и убил кафинского папу и других турецких чиновников. Турки послали на него аккерманского владетеля Кантемира с его Белгородской ордой. Инает-Гирей велел ногайцам перекочевать в Крым, а сам с крымчаками пошел на Кантемира. Вместе с ним в ведома короля отправились пять тысяч черкас, «из грошей», и 600 реестровых.

И еще одна «головная боль» появилась у татар. 25 марта 1637 года две тысячи московских стрельцов стольника Бутурлина прибыли под Оскол, и 15 апреля стали строить острог, преграждая Изюмский шлях, один из традиционных путей в русские земли. За две недели острог был готов и получил название «Яблонов». 9 апреля началось строительство Усередского городца, перекрывающего Кальмиусский шлях. Для крымчаков, промышлявших захватом полона и работоторговлей, это строительство было неприятней и страшней казачьей активности под Азовом.

Весной 1637 года «операция» по захвату Азова началась. «В самом начале весны 1637 года собралось Донское Войско на Монастырском Яру, - пишет Василий Сухоруков. - Те же старейшины, предложив войсковому кругу подвиг доблести и славы, требовали общего мнения и слышали единодушный приговор: «идти посечь бусурман, взять город и утвердить в нем православную веру». По мнению Н.А. Мининкова, круг состоялся 9 апреля. Руководить походом был избран войсковой атаман Михаил Татаринов.

После принятия решения в часовне Монастырского городка пели молебны и клялись во взаимной верности.

На непосредственную организацию ушло еще недели полторы. Как раз начиналась Страстная Неделя, потом после Пасхи надо было разговеться. Но времени зря не теряли. Была послана разведка под Азов за языками.

Пока готовились, подошло подкрепление из Запорожья. 4000 запорожцев шли как раз через земли Войска Донского наниматься на службу к персидскому шаху. После переговоров с донцами 1000 запорожцев осталась на Дону, чтобы участвовать в поиске под Азов.

По другой версии, 1000 конных запорожцев явились на Дон, изначально готовые принять участие в очередном морском походе.

В целом собралось союзное войско в 4400 бойцов.

19 и 20 апреля первые отряды казаков выступили к Азову. 21 апреля, в среду после Пасхи, туда двинулось все войско. Естественно, большая часть донцов «разговлялась» перед походом дня три. И запорожцы, наверное, по

обычаю перед опасным походом пропили все с себя, а на это тоже нужно время. В отписке царю казаки сообщали, что «пошли под Азов апреля в 21 день конные и судами, все без выбору».

Подойдя к Азову, казаки разделились на четыре отряда и обложили город со всех сторон. Особый пятый отряд на судах перекрыл устье Дона, лишив Азов поддержки с моря.

Осаждающие, как пишет Василий Сухоруков, «повели вокруг всего города большие рвы, поделали плетеные туры, насыпали их землею и, защищаясь рвами, подкатили так близко, что могли уже метать камни на неприятелей... более трех недель продолжались эти работы и взаимная перестрелка, бесполезная для одной и невредная для другой стороны». И еще Сухоруков отмечает, что «все сие казалось смешным для гордых магометан».

Судя по этому беглому и короткому описанию, казаки, не встречая никакого сопротивления, прорыли траншеи, позволяющие без потерь подводить прямо к стенам города птурмовые отряды, причем траншеи подвели к стенам на бросок камня и укрепили турами. Фактически они действовали по всем правилам европейского осадного искусства. И странно, что это казалось смешным туркам, сидевшим на азовских стенах. И командовавший обороной Калаш-паша выступает перед нами в неприглядном виде. Видимо, осажденных успокаивало отсутствие у казаков осадных орудий. Как писал тот же Сухоруков, «четыре небольших фальконета составляли всю их артиллерию». В.С. Сидоров, ссылаясь на казачьи отписки в Москву, пишет в своей «Донской казачьей энциклопедии», что у них было 94 орудия, но малого калибра.

В разгар осадных работ прибыла в низовые городки станица Тимофея Яковлева, посланная из Москвы «наспех», опережая Каторжного и дворянина Чирикова, которые везли царское жалование.

Тимофей Яковлев прибыл «на Яр мая в 1 день» и привез царскую грамоту. В грамоте помимо обычного наказа не воевать с Азовом и не ходить на Черное море писалось, что царь указал послать на Дон для приема турецкого посла Фомы Кантакузина дворянина Стефана Чирикова рекою Доном в стругах как только вскроется лед, Чириков должен был в качестве пристава сопровождать Кантакузина до Москвы, а заодно привезти казакам жалование. Тимофей же Яковлев должен был предупредить казаков, чтобы Кантакузина до приезда Чирикова с Дона в Москву не отпускали.

Естественно, среди войсковой верхушки встал вопрос о турецком после.

Осада Азова была начата против царской воли, и казаки думали отговориться, как обычно, что азовцы напали первыми (примерно так они впоследствии и сделали). Но Кантакузин, живший все это время в Монастырском городке, был живой свидетель того, как все происходило на самом деле. Кроме того, его переговоры в Москве могли вызвать совместные московско-турецкие меры против осады Азова и сорвать все предприятие. Так что с прибытием Тимофея Яковлева отношение к Кантакузину сразу изменилось.

Соловьев сообщает, что неделю спустя после выступления войска на Азов, тоже где-то около 1 мая, казаки поймали двух людей Кантакузина в стружку на протоке Аксае и пришли к Кантакузину с выговором, что он людей посылает «самовольством, без их казачья ведома, а войско стоит под Азовом, и они думают, что он, Фома, людей своих посылал в Азов. Кантакузин отвечал, что он людей своих посылал рыбу ловить, но рыболовных сетей у людей его казаки не нашли и дали знать об этом под Азов в Войско».

Через три недели после начала осады Азова Кантакузин проявил себя как настоящий шпион. Казаки писали потом в отписке о всех его шпионских злоумышлениях. «...И видя он, турецкий посол Тома Кантакузин, что мы, холопи твои, стоим, осадя Азов, прочь не идем, и тот турецкий посол Тома Кантакузин написал грамоты к турецкому и крымскому царю для ратных людей на выручку к Азову, а к азовским людям в Азов от себя отписку писал; а послал, государю, свое было отписку от себя в азов с греком, и мы, государь, того грека поймали и на пытке пытали; и тот, государь, с пытки говорил нам, холопом твоим, что послал де меня с тою отпискою турецкий посол к азовским людям, а велел де прокрасться ночью в город, а то де со мною и наказал, чтобы азовские люди в Крым для ратных людей послали своих людей украдкою вскоре и грамоты б азовские люди от себя к царю писали, чтобы из Крыму, и из Темрюка, и с Томани ратных людей на выручку к Азову прислали».

Как видим, турецкий посол в своей отписке (если таковая была) рекомендовал азовцам те меры, которые и без подсказки должен был принять любой здравомыслящий начальник азовского гарнизона – послать людей за помощью. Но отписка была перехвачена.

Что касается грамот «к турецкому и крымскому царю для ратных людей на выручку Азову», то если бы Кантакузин и нашел средство их передать по назначению, то ответной реакции – пока доставят «царям» и пока «цари» пошлют войско – ждать пришлось бы очень долго.

И еще одна деталь. Наличие разветвленной разведывательной сети, которая конечно же была у донцов, предполагает наличие такой же сильной контрразведывательной структуры. Во время военных действий против турок посла враждебной страны должны были сторожить так, что о посылке каких-либо грамот и отписок и думать не приходилось. По крайней мере – о посылке их с людьми из состава самого посольства.

Возможно, Кантакузин успел завербовать и послать с грамотами кого-нибудь из донских казаков, не зря же кафтаны привозил. Но это была палка о двух концах, ибо в случае осложнений завербованные первыми были заинтересованы в убийстве посла, чтобы замести следы. Впрочем, об изменниках среди донцов нам ничего не известно. Донцы не любили выносить сор из войсковой избы.

Как ни крути, а живой турецкий посол Кантакузин в Москве в данное время был гораздо опаснее для казаков, чем Кантакузин в роли шпиона в Монастырском городке. И в Москве умные люди, видимо, о многом

догадывались и послали «наспех» Тимофея Яковлева с наказом передать Кантакузина из рук в руки Чирикову и одного с Дона в Москву не отпускать. Мало ли что по дороге может случиться.

28 мая, за две недели до Петрова поста, прибыли в низовые городки Каторжный и Чириков с жалованием (Н.А. Мининков, ссылаясь на «Воинские повести Древней Руси», пишет, что Каторжный прибыл 28 апреля). Каторжный оставил Чирикова, а сам уехал под Азов.

Сухоруков считает, что казаки взяли у Чирикова жалование: «Чириков отдал казакам жалованье, царские грамоты и требовал посла; но он содержался у казаков как изменник, и они решительно отказались выдать его. Обеспеченные всеми необходимыми запасами, они пировали пред шатрами своими и производили сильную пальбу по городу; азовцы дивились этой перемене, но не переставали смеяться над усилиями казаков. Осада продолжалась без особых важных последствий».

Однако, как явствует из отписки, посланной казаками в Москву, жалование, в том числе ядра, «зелье», серу и селитру, они приняли уже после взятия Азова.

А.Н. Мининков и В.С. Сидоров считают, что казаки все же заранее взяли у Чирикова порох, так как «исхарчили» свой за месяц осады. Возможно, Каторжный и отвез эту часть жалования сразу под Азов.

Где-то до приезда Каторжного казаки пытались штурмовать Азов, но были отбиты с потерями. Погибших отвезли в Монастырский городок и похоронили у часовни. Некий «ахриян» (т.е. ренегат) Асанка из окружения Кантакузина пошутил, что казаков из-под Азова возят каюками, а скоро будут возить бударами. И эту шутку казаки Кантакузину и его окружению потом припомнили.

Однако после прибытия Каторжного, который привез порох, казаки решили брать Азов иным способом – вести подкоп под стену и взорвать ее.

И еще одно событие произошло в ходе осады. Вскоре после прибытия Каторжного, как пишет Сухоруков, со стороны Кагальника пришли вести от разъездов, что на помощь Азову идет многочисленное (тысячи четыре) войско, якобы собранное в Керчи, Темрюке и Тамани «по известиям турецкого посла», и состоит оно из турок и темрюцких черкесов.

Вызывает сомнения, что войско было большим. В Крыму шла война. Турецкий гарнизон в Керчи, если не находился в осаде, то, наверное, ждал нападения татар со стороны Кафы, а таманские и темрюцкие черкесы, служившие не столько туркам, сколько татарам на основе вассальной зависимости, вряд ли в такой ситуации (татаро-турецкое противостояние) собрали быстро большое войско, чтобы на стороне турок идти под Азов.

Навстречу туркам и черкесам из-под Азова «с величайшей скрытностью» выступил отборный казачий отряд, встретил врага на речке Кагальнике в «полдня пути» от Азова и в жестоком, упорном бою разбил и рассеял. Ни один турок или черкес до Азова не добрался.

Казаки тоже потеряли многих и, как считает Сухоруков, решили после этого боя убить турецкого посла. «...Победители, возвратясь в лагерь,

в общем кругу приговорили убить Кантакузина и всех людей, с ним бывших, и исполнили ужасный приговор свой, противный правам народным».

В отписке в Москву, доставленной 30 июля, казаки писали, что убили Кантакузина за попытку послать гонца в Азов. «...Мы, холопи твои, стоим под Азовом, голодною смертию помираем, а их, азовских людей, доставаем, а он, государь, посол греков к азовским людям с вестями посылает, и мы, государь, холопи твои, его, посла, за то с его людьми порубили, и в тех винах наших ты, государь, волен над нами».

Москва, как обычно, в ответной грамоте дала краткое содержание казачьего послания, как она его поняла. Вытекало ли это из самого текста казачьей отписки или дополнительные сведения почерпнули московские дьяки, расспрашивая гонцов, но поняли на Москве убийство Кантакузина так: «...Приговорили всем Войском турецкого посла со всеми людьми побить до смерти с сердца, что многое Войско Донское побито по его, Томиному, письму, что он писал в Азов и в иные места. И сам де он в том винулся, и те де люди все были с ним в одной думе, потому их всех и побили».

С.М. Соловьев дает другую версию обвинений, предъявленных Кантакузину. Якобы в Петрово Заговенье вечером Каторжный возвратился из-под Азова и в понедельник первой недели Петрова поста прислал сказать Кантакузину, что казаки его отпускают к государю и хотят отдать дворянину Стефану Чирикову: так пусть он идет на струги со всеми своими людьми. Фома вышел из куреня, но к нему навстречу вышел другой посол и сказал, что «атаманы приказали звать его в круг, хотят с ним проститься. Фома вошел в круг, казаки стояли все вооруженные; выступили два атамана и начали говорить Фоме: «И прежде ходил ты к великому государю от турецкого султана, накупаясь обманом, в послах много раз, делал между великими государями неправдою, на ссору, и в том великому государю многие убытки и ссору великую учинил, а нас, донских казаков, хвалился разорить и с Дону свести. И теперь, накупаясь, хочешь то же делать; да ты же писал к государю из Азова на атамана Ивана Каторжного, чтоб его повесить в Москве. И за такое воровство донские атаманы и казаки и все войск о приговорили казнить тебя смертью»¹⁹. Как видим, Кантакузина обвинили в том, что ссорил между собой русского царя и турецкого султана (!) и постоянно интриговал против казаков.

Кантакузина убили. Вместе с ним были убиты все его люди, в том числе греческие монахи. Кроме того, хотели убить толмача Буколова, возвращавшегося вместе с миссией Кантакузина из Константинополя, куда он возил грамоту турецкому султану. Но Буколов спрятался в часовне и потом все же добрался до Москвы, где и дал соответствующие показания.

«После сего, - пишет Сухоруков, - решительно приступили к осаде».

Пути назад с убийством Кантакузина были отрезаны. Подошла помощь – от Астрахани прибыл отряд союзных татар. Но главная ставка делалась с прибытием пороха на инженерное искусство.

Некий «немец» или, по версии многих исследователей, мадьяр – Иван Арадов (город Арад находится на румыно-венгерской границе) знал инженерное дело и в течение четырех недель готовил подкоп под стену города в районе Тап-кале, чтобы взорвать ее порохом.

Турки продолжали насмехаться и пророчествовали со стен, что сколько камней в азовской городской стене, столько и голов казачьих ляжет под ней, что сделают вокруг Азова другую стену – из костей казачьих.

Наконец, на 18 июня был назначен штурм. Казаки прощались друг с другом, постились и молились.

Турки, заметив тишину, а затем движение в казачьем лагере, думали, что казаки собираются снять осаду.

В 4 утра бочки с порохом в подкопе были взорваны. Часть стены Тап-кале обрушилась и засыпала ров. Атаман Михаил Татаринов с запорожцами бросился в пролом, донцы со всех сторон полезли по лестницам на стены.

Удар был нанесен в самое сердце обороняющихся – в Тап-кале жил янычарский ага и стояла мечеть.

Внутри города и на его стенах началась жестокая рукопашная схватка. Описывали потом очевидцы – «и в том дыму... бысть сеча великая», хватали де друг друга за руки и ножами резались, и самопальная стрельба шла до вечера. А казаки в том бою показали мужество, какое было лишь у воинов «Александра царя Макидонского». К вечеру город был взят. Население было вырезано за исключением православных греков. Часть гарнизона пыталась пробиться из города, вышла за стены и стала отступать в сторону Кагальника, это была единственная дорога к спасению – укрыться ночью в степи. Казаки преследовали их десять верст и смогли разорвать боевые порядки янычар, рассеять и порубить их.

Еще часть янычар укрепились в башнях. По версии Сухорукова, они сопротивлялись три дня. Сидоров считает, что в одной из башен они защищались три недели и были отпущены, сдавшись на капитуляцию.

В пользу этой версии говорит то, что донцы «пригласили» Чирикова передать им жалованье в Азове только 11 июля, через три недели после штурма города.

В Москву казаки отписали: «...А как Азов взяли, и мы, государь, приказали твоему государеву дворянину быти в Азов с твоим государевым жалованьем». Чириков в Азове передал донцам 2000 рублей денег, 300 четвертей сухарей, 50 четвертей толокна, 50 четвертей круп, 16 бочек вина, 40 поставов сукна, 4000 пупечных ядер. «Зелье», селитра и сера были переданы без счета, поскольку казаки взяли их раньше. Но есть сведения, что привез Чириков 100 пудов пороха, 50 пудов селитры и 100 пудов свинца.

Ход был блестящий! Турецкий посол убит, турецкий город взят, и русский дворянин выплатил казакам царское жалованье в стенах взятого турецкого города. Отныне общие меры русского царя и турецкого султана против казаков были проблематичны.

Сами казаки потеряли 1100 человек. Человек 300 потеряли запорожцы. На конец 1637 года было их в Азове 700 человек от прежней тысячи.

Трофеев было много, известно, что добычу разделили на 4400 паев, но к 15 июля, отпуская Чирикова, казаки еще не успели всего подсчитать и обещали написать о том позже. С Чириковым же отправили 150 человек отбитого русского полона, что должно было подтвердить казачью версию: «А взяли есте Азов для избавы пленных множества христианского народа, потому что азовцы на наши украины ходили беспрестанно».

Опережая Чирикова, поскакала в Москву станица Потапа Петрова с отпиской о всех азовских происшествиях и об убийстве Кантакузина.

Как и в случае с Карамышевым, опасаясь царского гнева за убийство турецкого посла и самовольное взятие Азова, донцы послали в Москву кого не жалко, всего 5 человек. И те налегке доскакали до Москвы за две недели, 30 июля уже были там.

Вообще-то об осаде Азова в Москву сообщали с границы воеводы. 25 июня, когда уже поздно было, послал такую грамоту валуйский воевода Андрей Лазарев, а ему 12 июня сообщил об этом приплывший в Валуйки рекой Осколом черный старец из Святых Гор.

Все равно в Москве были опарашены и казачьей дерзостью, и неожиданным успехом (московские люди Смоленск не взяли, а донцы Азов взяли), и убийством посла. В связи со всеми этими событиями обстановка на юге менялась, и куда дальше повернет, предсказать было невозможно. «...А атаманов и казаков добрых к нам не прислали, - писали впоследствии из Москвы, - кого подлинно спросить, как тому вперед быти; а прислали есте одного атамана Потапа Петрова, а с ним четырех казаков, молодых людей».

Поэтому Потапа Петрова с четырьмя «молодыми» в Москве задержали и стали ждать, когда от Войска Донского придет подробный отчет о всех казачьих прегрешениях.

Вместо подробного отчета из Азова пришла короткая отписка от 3 сентября, переданная с белгородцем Иваном Рязанцевым. Донцы сообщали, что крымцы и татары Большого Ногай двинулись на русские земли и что Войско Донское, ныне перешедшее в Азов, собрало пешие и конные отряды, переправило их на крымскую сторону Дона и послало по татарским следам промышлять над степняками (потом русский посланец на Дон Михнев, вернувшись, «сдаст» казаков, что осенью они на татар не ходили, «крепили в те поры в Азове осаду», но остальные сведения были верны).

Действительно, турки «усмирили» татар, выманили Инает-Гирея в Стамбул, где и удавили, так же поступили и с его врагом Кантемиром. Новый хан Багадыр-Гирей на персов все равно не пошел, а напал на русскую засечную черту, которая стала татарам как бельмо на глазу.

Первые татарские отряды подходили к черте еще в июне, когда осада Азова была в самом разгаре. И это показывает, что свободная дорога в русские земли была пока для татар важнее турецкого города.

Второй раз тысячи татар подошли к Осколу и Яблонову острогу 16 сентября. Окружили и перебили 200 стрельцов, которые ездили из Яблонова в Оскол за хлебом, но от острога были отбиты. После этого татары спешились – дело невиданное – и полезли брать Яблонов острог в пешем строю (очень уж засечная черта им мешала), но снова их русские отбили.

При таких обстоятельствах Москве конфликтовать с донцами было не разумно, и станицу Потапа Петрова из Москвы 20 сентября на Дон отпустили с грамотой. В грамоте этой донцам написали весьма язвительно: «А как были у нас, великого государя, на Москве донские атаманы Иван Каторжный да Тимофей Яковлев с товарищи, и того вашего умышления, что вам под Азовом промыслили без нашего царского повеления и турецкого посла со всеми людьми побить до смерти, ничего не сказывали». То есть Азов взять и посла убить замыслили вы давно, еще до отправления посольства, а нам ничего не сказали.

«... А отпущены на Дон, пожаловав нашим царским жалованием, чтоб турецкого посла с Дону отпустили к нам без задержания и с азовцы бы были в миру...». То есть жалование вам дали, чтоб вы турецкого посла не убивали, а, наоборот, к нам отпустили, и чтоб Азов вы не брали, а жили с азовцами мирно. А вы что наделали?

Далее донцам выговаривали как маленьким неразумным детям: «...И вы то, атаманы и казаки, учинили не делом, что турецкого посла со всеми людьми побили самовольством, а того нигде не ведется, чтобы послов побивать; хотя где и война меж государи бывает, а послы и в те поры свое дело делают, для чего присланы, и их не побивают».

Дальше в грамоте писалось, чтоб донцы прислали новую станицу из «лучших людей», а не из «молодых», с подробным донесением, чего они там в Азове натворили, «и мы, великий государь, велим у них речей их выслушать, как о том вперед быти, и к вам их отпустим, не издержав, и указ наш с ними пришлем». Кроме того донцам наказывали и впредь сообщать о всех татарских и ногайских помыслах и склонять ногайцев перекочевать обратно на ногайскую сторону Дона к Астрахани в московское подданство, а так же требовали прислать в Москву все бумаги убитого Кантакузина. В заключение обещали жалование, «смотря по вашей службе и радению».

Одновременно верные себе московские власти написали султану грамоту, что «казаки взяли Азов воровством, дворянина царского Чирикова держали у себя в великой крепости, никуда не пускали и хотели так же убить». Писалась традиционная формула, что «донские казаки издавна воры, беглые холопы и царского приказания ни в чем не слушают, а рати послать на них нельзя, потому что живут в дальних местах». «И вам бы, брату нашему, на нас досады и нелюбья не держать за то, что казаки посланника вашего убили и Азов взяли: это они сделали без нашего повеления, самовольством, и мы за таких воров никак не стоим, и ссоры за них никакой не хотим, хотя их, воров, всех в один час велите побить; мы с вашим султановым величеством в крепкой братской дружбе и любви быть хотим».

Грамоту эту отправили с Мануилом Петровым, православным греком, присланным из Азова Фомой Кантакузиным еще до всех кровавых событий.

Сам султан царю не ответил, а пришла с тем же греком грамота от каймакана Мусы-паши, чиновника, исполняющего обязанности великого визиря во время его отсутствия. Грамота, как писал Сухоруков, была «весьма незначащая и даже без упреков». Тем самым турки демонстрировали презрение к слабому и неверному соседу. На этом до 1640 года сношения с Турцией прекратились.

Станица Потапа Петрова добиралась до низовых городков два месяца. Все это время с Дона вестей не было. Прибыл, правда, 18 ноября Григорий Шатров с 36 казаками, но направляли его атаманы и казаки с Дона 15 недель назад с отбитым в Азове русским полком в Воронеж. Ничего нового он не знал, а в Москву приехал жалование просить.

Между тем ситуация оставалась тревожной. Багадыр-Гирей, отступая от русских пределов, прислал послов сказать, что набег был по указу султана за то, что донские казаки Азов взяли, а весной будет новый набег сильнее прежнего.

В Москве заволновались. 26 ноября снарядили дворянина Трофима Михнева и отправили его на Дон за вестями. Михнев добирался с большими приключениями, взял в Воронеже проводника и охрану, но на Донце у речки Каменной все равно нарвался на татар, которые, как писал Михнев, «учали нас, холопей твоих, гонять». От татар еле ушли, бросив трех лошадей с выюками.

Но еще до прибытия Михнева на Дон из Азова в Москву 3 декабря была послана представительная делегация с подробным описанием всех азовских событий.

Глава 4. Казаки в Азове.

Взятие Азова и перенос туда столицы не принесли сразу ожидаемых результатов. Город был разрушен, разграблен. Зная, что туркам и татарам в настоящее время не до Азова, донцы расслабились. Побывавший в Азове астраханский татарин рассказывал, что казаки там «живут просто и оплошливо и пьют безпрестани, и караулов де у них по городу и отъезжих застав на которую сторону нет».

После взятия Азова донцы сразу же остались без союзника, так как в сентябре на Украине началось очередное восстание против поляков, и силы запорожцев были отвлечены. Но прежде, чем сразиться с поляками, вольные черкасы под водительством Павлюка захватили и казнили реестровых атаманов и гетмана Кононовича, чем внесли смуту и раскол среди части днепровского казачества.

Сама организация новой жизни в захваченном городе была для казаков, привыкших больше воевать и грабить, делом непривычным. Приходили, правда, осенью в Азов два турецких корабля, выкупили полон (как видим, казаки не всех турок и татар перебили), привезли разный товар и

овощи. Казаки турок «отпустили совсем вцеле. И вперед де они для торгу с товары приезжать к ним в Азов хотели».

Так что город в какой-то мере на время сохранил функции торговли людьми. Но, естественно, турки не могли продавать в рабство и покупать с этой целью единоверцев, а казаки вряд ли предполагали торговлю православными. Видимо, в будущем Азову отводилась роль не центра работорговли, а центра по выкупу и обмену пленных.

Ближе к зиме стало хуже. На Филиппов пост взбунтовался атаман запорожцев Матьяш – «хотел было он владеть и жить особно». Но донцы убили его дубьем и кинули тело в Дон. Выделять в Азове особый запорожский квартал они не желали и о перспективах высказывались ясно: «А будет де они вперед похотят владеть собою, и им де Войском молчать не будут, и с ними управятся».

Кроме прочего, донцы заявили, что вынуждены были кормить отбитых русских пленных, которых в Азове якобы отбили две тысячи. Хотя по другим данным донцы отбили в Азове всего 713 пленных, из которых 563 оказались донскими казаками, а остальных – «русских людей» - отправили в русские земли еще с первым посольством.

Как бы там ни было, непривычные к жизни в чужом голодном и разрушенном городе, казаки стали расходиться из Азова по своим городкам и по речкам. И в отписке в Москву донцы писали: «А се, государь, у нас люди самовольные терпеть в городе голоду и всякие нужи не хотят, идут розна по своим юртам и по речкам».

Некоторые (и такие немногие находились) вообще к татарам перебежали и там рассказали, что «у казаков де межи себя была брань за то, что иные де Азов хотят держать, а иные не хотят; посылали де ко государю дважды, и нам де на Москве отказывают, что до Азова дела нет, и казаки де говорят: и нам де каменья те не надобе, стены де нас не накормят, и суда де у них изготовлены, будто хотят покинуть»²⁰.

Между тем бегущие с Тамани и из Керчи русские пленные предупреждали, что весной надо ждать прихода под Азов турецкого войска. Да донцы и сами понимали, что турки с потерей Азова смириться не могут и при первой возможности попытаются его отобрать.

Видимо, из-за этого у донской верхушки возникли сомнения, смогут ли казаки отстоять весной Азов своими силами, а также мысли – не передать ли город русскому царю?

Насколько искренним было это желание, сказать трудно. Но в отписке от 3 декабря от имени атамана Михаила Татаринова и всего Войска донцы постарались придать взятию Азова характер войны за веру и заявляли довольно патетически, что пошли под Азов «с великой скорби, помня свое крещение и святые божьи церкви», поскольку азовцы, «злохитренныи волки», постоянно разоряли на Руси церкви и угоняли полон, а самих казаков ловили в юртах, на речках и в камышах и уводили в рабство. Поэтому донцы

де и решили взять Азов «и в нем утвердить по прежнему нашу христианскую веру».

В отписке опять обвиняли Кантакузина в шпионаже, писали в качестве доказательства, что людей, посланных им в Азов с письмами, поймали ниже Азова, поскольку они плыли Доном ночью на колодах и их снесло прямо в казачьи таборы. Еще больше досталось толмачу «Асанке», которого обвинили в колдовстве. Он якобы «сверху по Дону на низ в наши таборы нарядные чары деючи пущал». Между прочим напоминали Москве, что в Крыму русского посла Ивана Бегичева убили вообще ни за что. А Кантакузина на Дону – за дело.

Написали, что весной ждут турецкого нашествия, а город оборонять нечем, порох кончился, припасов нет. Стену, разрушенную подкопом и взрывом, заделали, а другие места чинить средств нет.

И самое главное – если город Азов русскому царю «годен», то пусть царь пришлет о том указ.

Отписку эту привез 3 января в Москву атаман Антип Устинов.

Предложение написать «указ» о «годности» Азова для русского царя, наверняка, вызвало в Москве раздумья. Очень уж расплывчатой была формулировка. Ясно, что донцы предлагали Москве взять ответственность за взятие Азова на себя. А что взамен? Как реализуется «годность» Азова для самой России? Сомнение вызывало, пустят ли донцы в Азов русский гарнизон? Не находя ответа в отписках, московские люди постоянно намекали, чтоб прислали из Азова донцы «лучших людей», с кем можно обсудить, что же дальше делать с Азовом.

11 февраля явился с Дона сын боярский Михнев, возивший грамоту. Михнев рассказал, что в Азове казаков вместе с запорожцами будет пять тысяч, имеют они 300 пухек, но пороха и запасов мало, хлеба почти нет, кормятся больше рыбой, и если из Москвы не пришлют жалования и пороха, то в случае осады «в Азове пробыть им не уметь».

Но донцы, по словам Михнева, были настроены решительно, надеялись на запорожцев и говорили, что Азов не сдадут, «хоти де им всем до одного человека помереть». И еще говорили атаманы и казаки Михневу – если город Азов государю годен, пусть государь шлет ратных людей и жалование.

Слова Михнева о присылке в Азов ратных людей дело вроде бы проясняли, но это были слова. В отписках донских этого не было. Где «лучшие люди», с кем обговорить все эти вопросы?

Михнев насчет «лучших людей» объяснил: «А то де у них и лутшие люди, ково они, выбрав Войском, пошлют ко государю; а лутчих де людей у них на Дону нет, все они меж себя ровны».

Выходило, что «лучший» на Дону – Антип Устинов. Обратились опять к нему. Но Устинов заявил, что у него от Войска «словесного никакого приказу нет».

Пришлось ограничиться посылкой на Дон жалования и грамоты. Выслали двести пудов пороха и сто пятьдесят пудов свинца. В грамоте

наказывали присматривать за татарами и идти на их улусы, если те покусятся на русские украинные земли.

28 марта обе станицы, Устинова и Шатрова, отпустили с жалованием на Дон.

В такой непонятной обстановке, когда ближайший союзник по милости донцов мог стать злейшим врагом, стали проводывать московские люди возможность другого союза – с Польшей против татар. В феврале 1638 года послали к королю посольство Проестева и Леонтьева. Поляки отказали – у них с турками и татарами был мир (хотя и носились слухи, что 50 мурз татарских готовятся с запорожцами идти на поляков).

Такое же посольство послали из Москвы в Крым, и послы, Извольский и Зверев, рассказывали татарам, что Москва к азовским делам непричастна. Хан Багадыр-Гирей к азовским делам был равнодушен, требовал только, чтоб русские засечную линию не строили, а что уже построили, чтоб сломали.

К этому времени ситуация на Дону заметно изменилась. Отбывшая с Дона 9 марта и прибывшая в Москву 4 апреля делегация во главе с самим Михаилом Татариновым о поддержке Азова русскими войсками уже не говорила.

Зато бросился в глаза московским дьякам наплыв на Дон запорожцев.

В связи с поражением восстания на Украине запорожцы уходили на восток, кое-кто селился на русских землях по границе, многие шли прямо в Азов, который стал теперь для них идеальным убежищем.

На вопрос московских дьяков, сколько запорожцев теперь на Дону, Михаил Татаринов ответил, что столько же, сколько и донцов – десять тысяч.

Вряд ли за зиму на Дон могло явиться столько черкас, хотя по другим источникам видно, что запорожцы в это время небольшими группами, по 50-100 человек, прибывают в Азов и нижние донские городки почти ежедневно, что 2000 черкас пошли на Дон в великий пост на первой неделе. В марте в Белгород воеводе Петру Дмитриевичу Пожарскому из Москвы, из Разрядного приказа, писали, что если будут запорожцы проситься на Дон или в Азов, то говорить им, что указа на то нет, «только ты на себя то перенимаешь, на Дон их отпустив, потому что они люди вольные». А бумаг им с собой никаких не давать. Еще один источник говорит, что запорожцев весной 1638 года на Дону прибавилось на 2500 человек. А что касается названной Татариновым цифры в 10 000, то это, видимо, было то количество, что ожидали донцы или обещали запорожцы.

Михаил Татаринов подтвердил, что весной ожидают прихода под Азов турок и татар, что в Азове пушек много, а стрелять нечем – пороху нет. И хлеба не было, а «голоду, государь, наша братия терпеть не хотят в Азове».

Естественно, Войску Донскому выделили дополнительно и хлеб и порох. А Михаила Татаринова, бравшего Азов и писавшего ранее, что Азов царю «годен», который, конечно же, был «лучшим» человеком, стали расспрашивать, что донцы собираются делать в случае осады.

Татаринов был уверен, что Азова казаки не сдадут: «А города де Азова им не отдовывать и не покидывать, хотя все они до одного человека помрут, а города Азова не покинут, потому что де они все взяли город Азов кровью, своими головами. И ныне де им всем атаманам и казакам хоть и головами своими же вершить, а Азова не покинуть».

На намеки насчет русского гарнизона в Азове Татаринов ответил, сославшись на волю Войска: «А в помощь де себе о воеводе и о ратных людях с ним, атаманом, и с казаками, от Войска государю бити челом не наказано, и чего де с ними не приказано, и они де того и делать не смеют». Снова просил хлеба, просил пропускать на Дон русских людей с товарами и просил книги для церкви Иоанна Предтечи в Азове.

С тем его и отпустили 22 апреля, снабдив книгами, «чтоб в храмах без пенья не было», и грамотой с наказом промышлять против татар, если они на русские земли полезут.

Весной жизнь на Дону вообще наладилась. Приезжали с запасом торговые люди из Воронежа, из Астрахани, с Терека. Из Кафы турки приезжали. Но с ними торговались у города, за крепостные стены их не пустили. С низовых городков казаки стали опять перебираться в Азов. Весь Нижний туда перебрался, и атаман Денис Парфеньев в Москве говорил, что «на Дону де живут ныне казаки во всех городках, опричь Нижнего городка».

Вышел из Крыма московский человек Сафон Бобырев (разменял его и других пленных кафинский папа в Азове на своего брата) и рассказал, что в Азов сошлись казаки с Яика, с Терека «и со всех речек», и черкасы тоже. Хлеб дешев, мех сухарей – 20 алтын. «Зелейные казны видел он в Азове башня полна наставлена бочек». Соседи казаков боятся. Из Темрюка, Тамани и Керчи жены и дети жителей вывезены в степи и горы.

Как и в настоящую столицу прибыл в Азов с Терека «кизилбашский тезик», увидели персы в донских казаках союзника против турок более надежного и действенного, чем московский царь. А шах персидский выслал в Азов казакам жалованье, но караван с жалованьем «погромили горские черкасы».

В мае вести в Москву с Дона поступали противоречивые. Донцы продолжали пугать Москву турецким и татарским нашествием. Ногайцы якобы им сообщали, что крымчаки вот-вот пойдут на Азов, а ногайцы – на Русь. И из Воронежа была получена отписка от воеводы Мирона Вельяминова. Сообщили ему посланные на Дон служилые люди, что крымский хан от турок помощи не получил, что турки воюют с персами, а вот донцы «сами де готовятца все, хотят идти и приступить под Темрюк; и суды все на воде стоят совсем готовы», ждут только прибытия с жалованием и порохом атаманов Устинова и Шатрова, и намерения у них серьезные, так что темрюкские татары хотят из города уходить. И выходило по этой отписке, что не боятся донцы и прибывшие запорожцы турецкого нашествия, а сами готовят новый удар, хотят взять Темрюк и тем самым еще больше укрепиться на берегах Азовского моря.

Отписка эта была получена 29 мая. А 10 июня прибыла в Москву с Дона станица атамана Дениса Парфенова и опять стала московских людей пугать. Якобы 19 апреля приходил под Азов посол от крымского хана Коземрат Улан ага, с ним два ногайских мурзы и татар человек 400, и требовал через присланных в Азов двух толмачей, чтобы казаки сдали крымскому хану Азов. Донцы посла приглашали самого приехать, но тот не приехал. И донцы ему ответили, что Азова не отдадут – «не дадим с городской стены и камня снять». Вот когда будут казачьи головы валяться, наполнив азовские рвы, как сейчас бусурманские головы валяются, тогда, может и будет Азов татарским. И особо казаки указали, что взяли Азов без царского повеления, что «одни мы, казаки, своими головами взяли Азов город, одни мы ныне в городе и живем».

Татарам это было все едино, и предназначалась, скорее всего, эта фраза для Москвы.

А кроме того сообщали с Дона, что 1 мая был на Молопных водах бой с ногайцами, что все войско татарское в сборе, что турецкий султан хочет сместить хана за то, что тот не сумел захватить Азов, и теперь по 300-400 всадников выступили татары на русские украины, а они, казаки, немедленно вышли на 74 стругах в море, чтоб напасть на крымские берега.

То есть, Войско Донское, объясняло свой выход в море ответной мерой на татарский поход на Русь, за что им, собственно, и обещали платить жалование.

Устинов и Шатров с жалованием и порохом прибыли в Азов 2 мая. 9 мая объединенная казачья флотилия вышла в море.

И тут донские казаки чуть было не поверили в собственную дезинформацию. Выпедшие в море на 75 стругах войско – тысяч пять – то ли думало промысливать под Кафой, то ли брать Темрюк, но на татарском берегу прибежали к ним бегом «земляне русские», два мужика, прожившие в Крыму в неволе лет по двадцать. Беглецы сообщили «морскому войску», что крымский царь с крымчаками, а царевич – с ногайцами, пойдут степью на Азов с крымской стороны, черкесы должны выступить от Темрюка, а сам папа идет с каторгами морем. И все – на Азов.

В «морском войске» этим слухам не поверили, «пошли доведываться сами своими головами и сошлись с каторгами близко Керчи в лимане». Насчитали 60 каторг (по другим данным 44) и шли якобы те каторги на Азов, но в бой с ними казаки не вступили, погода помешала. Буря разметала оба флота. 4 каторги (по другим данным – 6) вообще были разбиты. Но и донцы, рассеянные непогодой, стали спешно пригребать к Азову, где и подняли тревогу.

Пушки расставили на стенах, хлеб, рыбу и мясо припрятали, чтоб хватило год в осаде отсиживаться. Пустили степью по ногайской стороне человек 300 казаков на разведку, да по крымской – человек 300 донских татар. А в верхние городки послали верных казаков, Алексея Дронова и Семена Толстова с грамотой, чтоб помощь слали.

В грамоте той писали, что Азов «всему великому Войску Донскому Бог поручил», и надо теперь казачьей славы не потерять и казачество сохранить, ибо «все земли нашему казачьему житью завидовали». И чтоб ехали все защищать Азов, а кто не поедет, тому грозили отлучением, такому «в Войску и суда не будет». И чтоб ехали все «пенные и непенные» - правые и виноватые, - и с «пенных» вина за оборону Азова будет снята – «а пеня им отдана». А кто останется по общему приговору городки охранять, чтоб собирались с четырех-пяти городков в один городок и жили «с великим бережением», потому что ожидаются на верхние городки десять тысяч татар. А всех припших и торговых с бударами и запасами гнать вниз к Азову.

Словесно же говорили, что хочет Войско успеть, перехватить турок и татар по дороге, не дать им Азов осадить.

Михаил Татаринов узнал обо всех этих страстях, когда подшывал с дополнительным жалованием к Усть-Медведицкому городку. Узнал и погреб «наспех» днем и ночью.

В мае же в Войске выбрали нового атамана, вместо склонившегося в мыслях к Москве Михаила Татаринова поставили Тимофея Яковлева.

К этому времени и тревоги рассеялись. Посланные за языками дополнительные отряды привели пленных, а одного взяли прямо у Тернового городка, и пленные те говорили, что каторги турецкие идут не под Азов, а «на заставу», выход в Черное море перекрыть и казаков туда не пускать. Да приезжали крымские татары выкупать своих пленных и проговорились, что с весны заставляют их воевать с «кизилбашами», главное их войско в дальнем походе, и потому сами они в Крыму боятся донских казаков.

И узнав все это, решило Войско Донское ударить на турецкие каторги...

Отряд теперь выставили поменьше. Запорожцы собрались и ушли воевать с поляками, поскольку в апреле на Украине вспыхнуло новое восстание. Вместе с ними ушли 500 донских казаков во главе с каким-то Муркой из Путивля. Остались донцы без черкасской подмоги, но это их не остановило.

15 июля ушли в море 2000 донцов на 40 стругах топить турецкий флот. Ушли и пропали. Пришел потом один обломавшийся струг, и поведали вернувшиеся казаки, что у Тамани встретили они турецкие каторги и напали на них. Бой был жестокий, к ночи, не решив окончательно дела, ушли турки в открытое море, а казаки по-над берегом в сторону Азова. Но утром вновь устремились флотилии друг на друга, ударили турецкие пушки, поднялся великий дым, и тут у свидетелей, что вернулись, струг обломался, и поплыли они к Азову, не разглядев за дымом, чем все сражение закончилось.

Больше вестей с моря не было. Но турки или татары подбросили новую дезинформацию.

Астраханский воевода князь Волконский службу нес ревностно, разъезды за языками высылал далеко в степь. И вот припшли астраханские воинские люди аж под Азов, неподалеку на ногайской стороне вместе с донскими казаками подстерегли каких-то татар и взяли с бою 17 человек.

Взятые татары рассказали, что крымский хан переправился с войском из Крыма на Тамань и идет теперь ногайской стороною на Азов, а царевич идет туда же крымской стороною Дона. Должны де они быть под Азовом 25 июля, и будут город осаждают – «а хотят де они к Азову приходить валом насыпать землю». Даже тактику будущей осады рассказали татары – будут якобы вал насыпать. Был такой прием: насыпать вал выше крепостной стены и с него артиллерией разнести лежащий как на ладони город.

В подтверждение этих слов 22 июля на Донце столкнулись казаки с крымскими татарами, и подтвердили те, что это авангард крымского царевича.

23 июля спешно отправился из Азова в Москву с отпиской атаман Осип Лосев (прибыл 9 августа).

И из Воронежа воевода Вельяминов в подтверждение прислал копию казачьей грамоты, посланной из Азова в верхние городки. Писали в грамоте низовцы к верховцам, что каторг турецких под Азовом не будет, но идут татары на Азов со всех сторон, улусы их уже на Миусе кочуют, а потому «станем брат за брата, чтобы нам славы своей казачьей не потерять».

Долго в Москве ждали, чем кончится эта вторая за год донская мобилизация всех сил под Азов, ждали еще вестей, чем закончилось морское сражение у берегов Тамани, но, так и не дождавшись, отпустили Осипа Лосева 11 сентября обратно на Дон.

Набегов в 1638 году на русские украины со стороны татар не было. Азов, война турок с персами и засечная линия не давали крымчакам развернуться. Но обострились отношения с поляками.

В августе разбитые поляками черкасы стали приходить на московские земли чуть ли не тысячами.

От короля пришла в Москву грамота, что запорожские черкасы, разгромленные королевскими войсками, тысяч с 20 и больше, из разных городов и мест пошли на московские земли и сели по слободам в степях – под Ливнами, Мценском, Воронежем, Рыльском, Курском и Путивлем и под иными старыми городами царского величества. «До королевского величества дошел слух, что самые большие изменники и заводчики того множества, Яцко Остреница да Андрюшка Гуня, в Азове со многими старшинами засели и живут». Царь их якобы жаловал и на службу посылал, «а надобно было бы, чтоб по суду божию и по указу королевского величества и колы-то те уже подгнили, на которых бы они посажены были»²¹.

В общем, поляки требовали выдачи запорожцев, царь не выдавал. Да и не смог бы.

Между тем на далеком от Москвы Азовском море вершились важные события, повлиявшие на весь ход нашей эпопеи.

Вышедшая 15 июля в море казачья флотилия по разным данным насчитывала от 25 до 40 стругов, а казаков в тех стругах было, если верить разным очевидцам, от 1500 до 2000. Астраханский сын боярский Суслов,

²¹ Соловьев С.М. Указ. соч. С.185.

побывавший в Азове, сообщил со слов казаков, что ушли на море 1703 человека²². Оставили мы их на второй день морского боя у берегов Тамани, когда пороховой дым скрыл все сражение от глаз уходивших в Азов очевидцев. Прямо – конец первой серии.

Чем закончилось сражение, источники точно не говорили. Но после сражения события развивались для донцов трагически.

В Азове казаки считали, что морская буря загнала их собратьев после боя в Адахунский лиман. В Крыму же переводчики рассказали русским послам более пространную историю. Говорили, что казаки хотели взять город Тамань, «а было казаков 30 стругов, а людей было 1600 человек». Дальше еще интереснее: «и подметил де их на море каторжный Пияла князь, и, подметя, послал весть к царю; и царь по той вести пришел к морю на берег к тому месту, где часть казаков на море и каторжный де князь с казаками на море бился, и загнал их в морскую заливу на остров, и к ним приступал...».

То есть, перед нами уже другое сражение, и казаков меньше. Видимо, отбили они тогда в морском бою турок в море и решили осадить Тамань. Но турки далеко не ушли и следили за казаками.

Чтобы послать весть крымскому хану, оказавшемуся, кстати, на таманском берегу Керченского пролива, и дожидаться его, тоже нужно время. А хан действительно, как мы помним со слов языков, взятых астраханцами, переправился через Керченский пролив, чтобы идти ногайской стороной на Азов. Но турки, оказывается, отозвали его на Тамань. И когда крымский хан подошел к берегу, на море, как видно из источника, была лишь часть казаков, остальные, выходит, были на берегу. Возможно, приступили к осаде Тамани.

Ну а когда татары подошли, турки ударили и загнали казачью флотилию в залив, казаки, видимо, закрепились на каком-то острове в этом заливе, и турки стали к ним «приступать», «и куды из заливы проход в море, и то место каторжный князь загородил каторгами».

По казачьей версии перед сражением и турки, и подошедшие татары вели с казаками переговоры. Турки даже устроили торг и мену и продавали казакам табак, а татары предлагали совместный поход на персов. Видимо, и те и другие затягивали время и отвлекали казачье внимание, пока не договорились между собой и не нанесли совместный удар.

Загнав казаков в залив, турки перегородили выход в море каторгами, но этого им показалось мало, и они стали засыпать выход из залива кучами камней. Крымцы со своей стороны перегородили устье Кубани «чегенем»²³.

«...И казаки де, дождався ночи, струги свои на себе переволокли в море и не угодали под Азов уйти, пропшиблись промеж Керчи и Табани и зашли в другом месте в морскую заливу, в Духоню», т.е. Адахунский залив, лиман Кызылташ. Как видим, казаки, перетащив струги через полосу земли, бросились не в сторону Азова, а пошли к югу, фактически вышли в Черное море и здесь решили укрыться в заливе.

²² Мининков Н.А. Указ. соч. С.379.

²³ Там же. С.381.

Но новое пристанище тоже оказалось ловушкой. На входе в этот залив стоял город «Казылдаш» с турецким гарнизоном. Видимо, казаки влетели в залив ночью, а утром разглядели, куда попали. Первыми «потеряли сердце» малочисленные оставшиеся запорожцы. «...А около того города были запорожские черкасы и, видя, что им деться негде, убояся, учали переметываться к царю и к туркам».

Оставшиеся донцы решили пробиваться сухим путем или рассеяться. «...И казаки де, дождався ночи, оружие все пометали в воду, а сами пошли врознь на берег, и иные де ушли к Азову, а иных поймали по лесам и по камышу черкасы и татаровья; и говорят де татаровья, побито де турок и татар, и черкас добре много, давно де такого побою на татар не бывало».

В Азов первыми пришли всего 30 человек, и потом приходили по одному и по двое. По турецким данным, казаков погибло 750 человек, и 250 человек турки захватили в плен. У турок погибло 400 человек и много было переранено. Сколько погибло от «побою» татар, неизвестно.

Потеря тысячи казаков (а это были далеко не худшие воины) ослабила Войско. Закономерным итогом стала первая осада Азова во второй половине 1638 года.

Об этой осаде известно очень мало. Б.В. Лунин и Н.А. Мининков о ней вообще не упоминают. Пишет об этой осаде В.С. Сидоров в своей «Донской казачьей энциклопедии».

В «Донских делах» есть грамота, которую отправили из Москвы на Дон 2 января 1639 года. Из этой грамоты, можно понять, что в Москву приехал сам Тимофей Яковлев. В грамоте были слова: «Писали есте к нам с Дону казаки с атаманом с Тимофеем Яковлевым с товарищи, что вы нам служите, а в приход Крымского царя и царевича и турецких людей в осаде сидели и всякую нужу и голод терпели и что было нашего жалования, денег и хлебных запасов, то все у вас в осаду изопшло»²⁴. То есть, была осада, и казаки, отсидевшись, остались без припасов.

Далее в грамоте обещалось прислать жалованье с Тимофеем Яковлевым, но позже (обычно ждали разлива рек), а пока Тимофей Яковлев оставался в Москве, а 6 казаков должны были доставить эту грамоту с наказом и впредь следить за татарами и промыслять, если те пойдут на русские земли.

И после, примерно через год, в челобитной о жаловании, писанной 21 ноября 1639 года, писали казаки, что 146-м году, то есть до сентября 1638 года, приходили под Азов турки, крымский царь с царевичами, с ногайскими мурзами «и з горскими чергизы», стояли под городом 12 недель, но казаки отсиделись в осаде.

Однако о каких либо сражениях или штурмах не упоминается, видимо, турок было мало, а сами татары против азовских стен были бессильны.

В 1639 году особых важных событий не было. Но к ним готовились. Известно было, что турки в декабре 1638 года взяли Багдад, и теперь персы должны были пойти с султаном на мировую, а у султана появилась, как теперь говорят, реальная возможность по-настоящему разобраться с донскими казаками.

Действительно, как писал Эвлия Челеби, «когда Мурад-хан I У отбил у персов благоустроенный, как рай, Багдад и с победой возвратился к Порогу Благоденствия, кяфиры сильно обеспокоились. Со всех сторон (к султану) стали прибывать послы. Чтобы установить мир, они подносили ему обильные дары и делали богатые подношения». Казаки конечно же забеспокоились.

Весной выкупленные татарами из Азова пленные сообщали, что казаки из Азова «полон весь и всякие запасы вывезли на Дон, а сами в городе остались легким обычаем»²⁵.

Но у турок появилась еще одна нерешенная проблема. Тот же Челеби писал: «Никто не прибыл только от мальтийских рыцарей. Для похода на них была снаряжена тысяча судов и построены два десантных корабля с тремя сотнями пушек». Подготовка такого флота требует времени, и турки, видимо, решили сосредоточить все усилия на мальтийском направлении, а на Черном и Азовском морях пока обороняться.

Весной две небольшие казачьи флотилии - 12 и 32 струга – выходили к берегам Анатолии, но знаменитый Пияле-папа без труда загнал их обратно в Азовское море.

Летом, видимо, донесла казачья «агентурная» разведка, разбросанная по всему Черноморью, что в 1639 году турки на Азов не пойдут. Казаки осмелели и заговорили, что живали де они, атаманы и казаки, «в плетяных городках, и тогда их взять и из городков выпнати было не уметь, а ныне де взяли они Азов и в Азове укрепились, и турецким де ратным людям ничего над ними будет не иметь, только де лишь ратных людей потеряют»²⁶.

На русской границе тоже было тихо, но в степи летом татары все равно спокойно жить не давали. 12 июля ездили с Яблонова в Азов с грамотами служилые люди, сын боярский Анофрий Кожухов и корочанский полковой казак Данила Болдырь. Уже за Донцом у речки Кундрючьей чуть не схватили их татары, еле ушли. В челобитной потом честно указали, что пострадали. У одного татары отбили седло, епанчу и кафтан, у другого – епанчу, котел и шапку. Видно, сели ребята пообедать, а потом пришлось удирать на неоседланной лошади, бросив одежду и котел.

Да и осенью казаки, оберегаясь татар, писали, что через степь «поехать малыми людьми невозможно».

А вот ногайцы, подумав, стали от крымчаков переходить под высокую руку русского царя. 4 августа подошли к Азову с крымской стороны два ногайских мурзы, стали спрашивать, где им дальше жить, а 28 сентября прикочевали к Азову ногайцев тысяч тридцать. Казаков в Азове было в то

²⁵ Мининков Н.А. Указ. соч. С.383.

²⁶ Там же. С.381-382.

время мало, они забеспокоились, как бы эти гости каких дел не натворили. Но ногайцы вели себя смирно, некоторые мурзы вообще в Азов жить приехали. Стали казаки собирать по всему Нижнему Дону струги, перевозить орду через Дон на ногайскую сторону, чтоб согласно царской воле шла она под Астрахань. А тех мурз, что в Азове жили, должны были казаки как послов кормить за свой счет, собирали меж собой им деньги на мясо и вино и, «збирая себя», оскудели. Немало, видно, ногайские мурзы в Азове мяса поели и вина попили, даром что мусульмане.

Наконец, переправилась орда и стала по речку Кагальнику. Однако долго стоять тут ногайцам не пришлось – казаки, опасаясь татарского прихода со стороны Тамани, выжгли всю степь до Кумы, ни лошадям, ни коровам корму не стало. Пришлось ногайцам дальше уходить, к Астрахани.

Но ногайские дела не дали казакам отвлечься от важнейших – турецких.

1 августа пришел к Азову турецкий корабль, но оказалось, что это попавшие в плен в прошлом году казаки отбили у турок каторгу, на которой приковали их гребцами. Выбрали они время, около Тамани порезали спящими торговых людей – владельцев корабля, перебили охрану и, подняв паруса, явились в Азов вместе со всем товаром, который хозяева хотели было переправить из Тамани в Темрюк. Всего так из турецкого рабства вышли 140 человек, были среди них русские, были греки, были местные «арაпы», отданные на галеры за пьянство, но были и 60 казаков, попавших в плен в Адахунском лимане.

Снарядили казаки новые экспедиции с целью взять языка, выведать турецкие планы. Флотилия, вышедшая к крымским берегам была удачной. Меж Керчью и Темрюком отбили донцы 123 человека русских пленных. А ходившая под Царьград вернулась поздно, уже в октябре, из 9 стругов в бурю потеряли два, а языков так и не взяли.

Но и без этих языков стало на Дону известно, что на 1640-й год готовят турки большой поход на Азов.

Как оно было на самом деле, вопрос спорный. Вряд ли турки были готовы на два похода в разных направлениях, поскольку еще не завершили подготовку к десанту на Мальту. Вполне возможно, что большую роль сыграла специально распространяемая дезинформация, на что турки были большие мастера.

Тем не менее, 7 октября отправил Наум Васильев от имени атаманов и казаков с Дона в Москву отписку с атаманом Сидором Елфимовым (прибыл 3 ноября). Сообщалось в той отписке о приходе под Азов ногайцев (и 17 ногайцев направили вместе с Елфимовым в Москву), но главное – об ожидаемом весной турецком походе. Жаловались казаки, что стены Азова местами обвалились, и башни стоят непокрыты, а крыть нечем, средств нет, и своей войсковой казны нет тоже, «да и самим, государь, нам к осадному делу, или не к осадному, тоже есть и носить нечего: всем скудны». И Сидор Елфимов в расспросных речах подтвердил, что с припасами скудно – осьмина ржаной муки стоит 2 рубля.

Вслед за Сидором Елфимовым 16 декабря явился в Москву сам Иван Каторжный с Нефедом Осиповым с подтверждением, что турки помирились с персами и точно ожидаются весною под Азов. Привез он челобитные о жаловании, а в челобитных было прописано: «А теперь, государь, около твоей государевой отчины Азова города в ином месте стены обвалялись, а башни все непокрыты, а обломы, государь, и в башнях мосты все обломились: пройти по городу человеку нельзя, все обломалось». А у казаков де и средств не стало, последнее раздали ногайцам, и мастеров – горододельцев и каменщиков – в Азове нет. Что касается прошлого жалования, что получили они с Тимофеем Яковлевым, то ушло оно на ремонт азовских стен после недавней осады – «и мы, холопы твои, то твое царское жалование издержали на городовую поделку, а иное городовое дело осталось в недоделке: по городу обломы и по башням деревянные мосты погнили и обвалялись, и в приступное, государь, время на башнях боевого ружья поставить нельзя и не на чем».

Видно, прижало донских казаков, что объявили они город Азов царской «отчиной». И мирная жизнь у них в Азове никак не могла наладиться. В чем-то даже хуже стало. Раньше, когда в Азове турки сидели и местные азовские обыватели, брали у них донцы в обмен на мир рыболовные сети и котлы, а теперь, когда стал Азов казачьим, и большая часть населения разбежалась, нить на рыболовные снасти стали в Москве просить...

Подтверждая отписки и речи донских атаманов и казаков, прислал из Воронежа вести воевода Вельяминов.

Ездили де его люди, человек 20, в Азов, прожили там четыре недели и за это время многое проводали. Дня за три до Святого Николая пробрался в Азов бурным осенним морем из Керчи комягою некий Тохтамыш и рассказал, что турки делают большие и малые суда, четыре «борчи», каторги и разные мелкие, чтобы весною идти под Азов. А турецкий султан «бусурманил невольников с каторг», русских людей, литовских и греков, «и хочет де их взять с собою ж под Азов». Еще султан запретил торговать хлебом в Керчи, Кафе и Тамани, чтоб тот хлеб был для войска, которое под Азов собирается.

Проведав все это, поскакали воронежские служилые люди зимним путем к своему воеводе, но выше Чира у речки Черной напротив казачьего городка Вёшки перехватили их человек двести татар. Потеряли воронежцы 20 лошадей и об один конь отошли к крепкому месту, где и засели на три дня. Два дня приступали к ним татары пехи, прикрываясь щитами, на третий, потеряв человек десять убитыми, ушли.

Московские власти под впечатлением услышанного дали казакам 6 тысяч деньгами и остального всего, что просили, и отпустили обе станицы – 62 человека - 18 марта из Москвы на Дон. Дали много. Когда добрались донцы до Воронежа и 30 апреля уже Доном решили грести на Низ, то понадобилось под обе станицы и под царское жалование 17 стругов.

Зимой все же в Азове стало полегче. Вести пришли обнадеживающие. 4 января прибыло в Азов посольство от персидского шаха «Сафея

Сафеевича», человек 40 во главе с Маратканом Шах Мамедовым. С трудом перебралось это посольство через русские заставы на Тереке, а дальше черкесский мурза Муцал дал персам проводников, двух узденей, Еналука и Бута, которые и привели посольство к Азову. Посольство привезло донцам грамоту, в которой шах благодарил донцов и просил прислать в Персию послов от Войска Донского, жалование обещал. А если надо на помощь в Азов войско прислать, то обещали персы тысяч десять, а то и двадцать ратных людей.

Подумали казаки, прикинули. Посольство к шаху послать можно. Но пропустят ли это посольство через Терек русские воеводы без особой царской на то грамоты – вот в чем вопрос. Потому и решили обо всем известить Москву и перса одного туда же отправить. Пусть русские почешутся. Азов ведь можно не только русскому царю, но и персидскому шаху пообещать. Лишь бы помощь от турок дали.

Но и в 1640 году турки под Азовом не появились. В начале года Мурад IУ умер, причем, как писал Челеби, умер, когда был подготовлен поход на Мальту. Азовский поход, видимо, был для Мурада более дальней перспективой.

Донцам о смерти султана сообщили выходившие из Крыма беглые пленные. Еще сообщили, что крымского Нурадина Сафей-Гирея не стало, и теперь когда и на кого у турок и татар «подъем будет» никто не знал.

С этими успокоительными вестями и с персом Миралеем Махмарзаговым прибыла 8 мая в Москву станица атамана Григория Митрофанова Бородина.

На Москве всех выслушали и отпустили 3 июня, пообещав милостиво: «А мы, великий государь, вас пожалуем, смотря по вашей службе».

Со смертью султана Мурада турки об Азове не позабыли.

Преемник Мурада, султан Ибрагим, человек слабый, вверил правление верховному визирю Магмеду-паше. Соседи Турции приободрились. «На этот раз все кяфиры подняли головы, подобно семиглавому дракону, - писал Челеби, - и начали простираť свою власть на области османские. Прежде всего русы, именуемые московитами, стали грабить и разорять области Крыма и Азова». Своевольные янычары, от которых не могла укрыться слабость нового султана, тоже сразу же начали мятежи. Челеби отмечал, что «после кончины султана Мурада начались мятежи в войсках, и они возымели полную власть над великим везиром. А тот был преисполнен желания начать поход в любом направлении, придерживаясь мнения, что «военный поход обламывает нос рабу».

Мы знаем, что после смерти Мурада IУ особо крупных набегов казаков на турецкое побережье не было. Видимо, турецкие власти, измотанные внутренними неладами, просто перешли от наступательной политики к оборонительной и решили не высаживаться на Мальту, а прежде обезопасить Черноморское побережье и восстановить границу на севере.

Магмед-паша отложил поход на Азов на год, но взялся за дело серьезно. Стал налаживать отношения со всеми соседями, чтоб в неподходящий момент с тыла не ударили. Отправились турецкие представители в Вену, в Венецию, к полякам, к персам, в Московское государство.

Московские люди, как и водится, отставали. Вели с польским посланником переговоры о союзе против Турции, но решительных шагов не было. Продолжали ездить к татарам, возили в Крым упоминки, хотя крымчаки русских посланников оскорбляли и царя самодержцем до самого 1644 года не называли.

20 мая прибыл в Азов Иван Каторжный с жалованием, привез 6 тысяч рублей. Казаки эти деньги между собой делить не стали, а направили на укрепление Азова. Вокруг всех трех городов поделали обламы. Обновляли стену вокруг старого города, которая была сложена на глине без извести и под дождем размокала и разваливалась. В самых сомнительных местах, где бывали потоки во время дождя, делали у стены террасы («тарась»), насыпали хрящом шириной сажени три от стены. И были в стенах и башнях «бои нижние, средние и верхние учинень».

Потратив все жалование на военные нужды, остались донцы голы, босы и голодны. Самое время было поднажиться по обычаю – выйти в море, потрясти турецкие корабли, города и приморские села. Собрались добрые молодцы, повел их Гуня Черкашенин.

Как там было в действительности, понять трудно.

Писали потом донцы, что вышли в море 37 «больших морских» стругов. А воевода воронежский сообщал азовские вести, что ходили с Гунькой Черкашениным 23 струга. Как бы там ни было, но в Черное море казакам выйти не удалось. Встретили их турецкие каторги. Донцы писали, что каторг было 80 больших беломорских (то есть со Средиземного моря) «да мелкого суду сто боевых». Воронежский воевода писал, что каторг было 40. С этими каторгами донцы бились три недели, захватили и потопили 5 каторг, но и с каторг пушечным огнем казачьи струги пробили и прибили к берегу, и многие донцы возвращались домой берегом, а, придя в голодный Азов без добычи, стали попросту разбредаться.

Расхождение в том, что воронежский воевода прислал свою отписку 19 июня, и события эти, как получается, могли случиться в конце мая. А атаман Демьян Гаврилов рассказывал, что в поход на море ходили через неделю после Ильина дня, то есть в конце июля. Тот же Гаврилов подтвердил, что стругов было 37, а про каторги наговорил, что их было 400 и 150 малых судов (впрочем, в Москве могли и неправильно записать). Десять каторг якобы казаки потопили, но турки из пушек разбили 30 казачьих стругов и столько же казаков побили и переранили, «а опричь стругов никаких убытков не учинилось». Казаки пешими пришли в Азов, а на уцелевших судах привезли 6 малых пушек, которые брали с собой в поход.

Как бы там ни было, одно сражение было или два, но в итоге все равно было поражение.

Повторное поражение в морском бою примерно на том же месте, что и Адахунское, насторожило донцов. Опять стали они собирать в Азов людей из верхних городков, а кто из Азова уходил – возвращать. Кто ж знает, не явится ль победоносная турецкая флотилия под азовские стены, как два года назад.

13 июля послали донцы 500 конных крымской стороной на разведку. Те столкнулись с татарами, убили двух мурз, но вернулись благополучно. Языки говорили, что татарская орда в сборе стоит у Перекопа. Куда она пойдет, были сомнения. Но известно стало и то, что татары Перекоп укрепляют, боятся русского похода (с чего бы это?).

Время шло, люди из Азова расходились, турки же и татары пока не показывались. 26 августа послали казаки в море 25 стругов к крымским берегам, а 3 сентября еще одну конную партию степью к Перекопу.

Не дожидаясь их возвращения, написали Наум Васильев и казаки 10 сентября отписку в Москву и отослали с Дементием Гавриловым. Писалось в той отписке, что взяли казаки город Азов в вотчину сыну царскому Алексею Михайловичу, а удержать город нечем и нечем. Жалования хлебного в этот год прислано не было, и люди расходятся с голоду. Потому били челом казаки городом Азовом со всеми городовыми постройками и всеми пушками, которых было 296. Напоминали, что служат «не с вотчин, ни с поместий, с воды да с травы», что много они городов брали, да сами не владели, все царю вотчин прибавляли. В общем, если город не возьмешь и жалования не пришлешь, все разбредутся и Азов оставят, «люди у нас самовольный, где кто куда пошел, того не удержишь». Если же примешь город Азов, то нам «поволь по прежним нашим юртам жити, тебе, праведному государю, служить». Так что думай, государь, и делай так, чтоб тебе «поношения и укоризны не было от иноверных поганых языков».

29 сентября Дементий Гаврилов привез эту отписку в Москву и рассказал дополнительно о последних событиях. Турки де помирились с персами на год и хотели после морского боя идти каторгами на Азов, но узнали, что он укреплен и не пошли, остались оберегать Темрюк, Керчь и Тамань. Крымский хан тоже насчет Азова сомневается и туркам сообщил, что в случае войны он не «городоимец», а станет в поле. Ногайцы же стали ненадежны, и потому персидские послы ехать назад из Азова боятся, а собираются добираться круглым путем через Астрахань.

Судя по тону отписки, донцы буквально навязывали Азов, «кланялись» этим городом русскому царю да еще царевича Алексея Михайловича сюда приплели, а иначе обещали бросить и разойтись. И потому, вчитавшись, послал царь боярина Федора Ивановича Шереметева еще раз Дементия Гаврилова расспросить.

Дементий Гаврилов опять стал тень на плетень наводить. Заявил, что «писал негораздо» войсковой дьяк Федор Иванов, бывший человек князя Никиты Ивановича Одоевского, с него, дескать, и спрос. Для кого город брали и готовы ли передать – Гаврилов умолчал, но уверил, что из города

донцы не уйдут. Вы де только жалование пришлите, а до весны мы рыбою прокормимся.

Из дальнейших слов его вытекало, что держать Азов казакам не особо выгодно. Выход в Черное море блокирован, а из России товар дорог и везут мало. Было летом всего две будары с запасом от князя Алексея Ивановича Воротынского из Лебедяни. Воеводы по дорогам берут взятки, и чтоб иметь хоть какой-то доход, торговые люди, добравшись до Азова, цены задирают. А по такой цене в Азове никто товар не берет, не на что – добычи нет. «А была де им добыча, как Азов был за турецкими людьми, и рыбные снасти привозили в Азов из турецких городов, а из русских де городов снастей рыбных не привозят, и рыбы им ловить нечем, потому им стало и нужно».

На вопрос, сколько в Азове народу, Дементий Гаврилов ответил, что в Азове «у них прямого ведома и письма людям не живет, приходят и отходят повольно, а по смете де ныне в Азове всяких людей тысяч с пять, а коль де бывает у них на весну приход прибыльным людям, и у них де в те поры бывает всяких людей и до десяти тысяч и больше».

Да и крепость, выходило, не особо новая и крепкая. Стены «портятся часто, потому что многие места сделаны камень с землею. А которые места и башни делали фрянчики издавна, и те де места крепки».

Разузнав все это, стали на Москве заранее хлебное жалование для Азова готовить – пять тысяч четей муки, сухарей, крупы и толокна.

31 октября 7 казаков из станицы Дементия Гаврилова были посланы на Дон объявить, что весной по первой воде будет хлебное жалование непременно. И грамота была послана, но об Азове и его будущей судьбе не было в той грамоте ни слова. Самого слова «Азов» в ней не было.

Всю зиму, несмотря на снега и метели, под Азовом было беспокойно. 3 января 300 казаков и присягнувшего на верность Азамата мурзу Мансурова послали к Перекопу на разведку.

Не успели те уйти, как явился с другой стороны от Тамани крымский хан. Ходил он с войском в 14 тысяч на черкесского князя Авджидумука в Дужаны, но из-за погоды – «зима была вельми тяжкая, снега и метели были великие» - не дошел и свернул вдоль морского берега к Азову, 6 января обрушился как снег на голову, многих казаков взял на рыбной ловле. Пять дней донцы с татарами бились, отбили их и даже пленных взяли.

Ушли татары на Тамань, а из-под Перекопа пришла донская разведка (многие пещи и переранены) и сообщила, что сошлись донцы в степи с запорожцами и вместе ходили к Перекопу, где и нарвались на 12 татарских мурз. Но Бог дал - отсиделись три дня и три ночи в осаде, отбились. Азамат же мурза раненый был увезен запорожцами.

1 марта явились в Азов три человека от крымского хана с предложением разменять пленных. Но это был только повод. Посланцы хана предложили казакам отдать Азов крымскому хану за деньги.

Казаки хану ответили и сделали так, чтобы ответ их стал известен Москве: «Взяли мы город своим казачьим умышлением, а не его, праведного государя, повелением, взяли своими головами и своей кровью, а головы свои

складывали и кровь проливали за истинную свою православную христианскую веру и за дом святого славного пророка и Предтечу Крестителя Христова Иоанна, а на твое тленно и гибнущее золото и серебро не прельщаемся: будет вам, крымскому и турецкому царям, Азов город надобен, и вы его так же доставайте, как и мы, своими головами и своей кровью».

19 марта пробрался в Азов служилый человек Кожухов с царской грамотой, чтоб служили верно и постоянно вести сообщали. Особо московских людей интересовало, как и когда турок и татар ждут, об Азове ж опять в той грамоте ни слова не было.

Казаки поняли московский интерес правильно. Еще при Кожухове собрали в Азове круг, решили за Азов «стоять крепко» и разослали от имени круга по всем городкам грамоту, чтоб ехали казаки со всех городков и речек в Азов в осаду садиться. Всем по первой полой воде быть в Азов, как лед вскрыется. Последний срок – Светлое Христово Воскресенье. А кто не придет, того грабить и в воду сажать.

Пораспрашивал Кожухов и узнал, что в Азове сейчас казаков всего с тысячу, да татар и болдырей-полукровок – человек 500. Да за городом в дворах живут чурь – молодые новопришлые казаки, татары и болдыри, тоже человек с 500. А вообще на Дону в городках «живут по прежнему для добычи» тысяч семь или восемь. Пушек много, но «ручного зелья» мало. Об этом казаки больше всего «скорбели». С хлебом, как обычно, скудно, да и с рыбой то же самое, зимой протоки до песка промерзали.

Но казаки турок не боялись и из Азова уходить не собирались. Если из азовских стен перед турецким нашествием уйти, то в прежних шалахах и делать нечего – там их турки за милую душу достанут. Друг друга подбадривали и утешали, что главное до Троицы продержаться, а после и вода спадет, и травы не будет – долго турки и татары вокруг Азова не продержатся.

А самые боевые говаривали, что если турки под Азов не придут, то мы сами летом на Темрюк пойдем брать его на царевича Алексея Михайловича.

Тогда же при Кожухове приезжали из Темрюка татары, выкупали полон. Казаки старых баб и мужиков татарских за выкуп отпускали, но молодых татар ни одного не выпустили. Выпусти его, а он завтра явится под азовские стены – стрелы метать.

24 марта Кожухову вручили отписку, чтоб на Москве царю передал. На наказ выведывать и сообщать, когда и куда пойдут турки и татары, в этой отписке ответили, что такого «не умеем отписать», так как «они пред собою о воинском деле вестников никаких не посылают, ходят на православное христианство аки злохищренные волки под беззлобивых агнец». Но утешили, что рады их бить «за их неистовство и злую их гордость». Писали в отписке, что надеяться казакам не на кого, кроме как на Спаса, Богородицу, Иоанна Предтечу и на вас, великих государей. «А град Азов, - упрямо повторили, - взят божьей милостью вам государям в вотчину». И напомнили: пришлите ж, наконец, жалование, и мы его на головах своих до места понесем.

Почесались в Москве со всеми этими азовскими делами. Но на всякий случай отправили в Турцию посольство – князя Лыкова и дьяка Буколова, и те опять долдонили, что Азов взят казаками без царского ведома, а царское величество уже приказало казакам Азов оставить, лишь бы войско турецкое под Азов и к русским украинцам не подходило.

Меж тем 7 апреля из Москвы отпустили казачью станицу с жалованием, дали им 8 тысяч рублей и две грамоты, а хлеб должны были еще с осени заготовить в Воронеже. В грамотах писалось, чтоб казаки проводывали замыслы татар и турок и обо всем подробно сообщали: «и только почаете к себе приходу воинских турецких и крымских людей, и как вам себя оберегать и над ними промыслять, про то б нам про все было ведомо». Об Азове же – чей это город, и будет ли от Москвы для него помощь – опять ничего не говорилось.

Только донская станица отъехала, пришли из Крыма вести от посланника Алексея Чубарова и дьяка Ивана Байбакова, что татары вышли из Крыма специально, чтоб перехватить на Дону хлебное жалование. И поскакали в Воронеж гонцы к новому воеводе Андрею Солнцеву-Засекину, чтоб хлебное жалование задержал в Воронеже, а если донская станица опасается татар, то и денежное жалование пусть пока в Воронеже полежит.

Действительно, в апреле вышли татары к землям Войска Донского. 7 апреля пошла донская разведка на Крым, взяли донцы языка, и подтвердил он, что всю зиму в Крыму собирали запасы, и надо ждать большого похода.

11 апреля, за две недели до Великого Дня, ушли казаки – человек 600 с атаманом Тимофеем Яковлевым - к крымским берегам на 12 стругах. 1 мая вернулись невредимы 7 стругов, остальные 5 с черкашенином Миской Тараном ушли в Черное море. Рассказали вернувшиеся донцы, что на Пасху был у них с татарами на крымском берегу большой бой, татары даже пушки выкатывали, взяли казаки в бою пленных, и те тоже говорили, что поход весной будет.

Дождавшиеся товарищи ответили, что поход уже начался – вышли татары к речке Тузлов выше Азова прямо к Черкасскому городку. В Азове и в Черкасском городке как раз на них собирались.

2 мая ударились донцы с татарами на Тузлове, отбили их в степь. Пленных привели – 10 татар. Атаман Наум Васильев, расспросив пленных, тем же часом послал в Москву отписку, что на речке Тузлов появились татары, тысячи две, да 1700 идут на верхние городки за языками. В той же записке упрямо подтвердил – Азов взят казаками царевичу Алексею Михайловичу в вотчину.

И в тот же день, 2 мая, отправились донцы из Воронежа с денежным жалованием, а хлебное жалование – собранные три тысячи четей - воевода Солнцев-Засекин, опасаясь татар, задержал. Донцов же воевода отправил малыми судами с большим бережением, дал в провожатые 30 воронежских казаков и в Азов весть послал, чтоб встречали.

С хлебным жалованием, конечно, нехорошо вышло. В Азове было скудно. Зимой бедные кобылятину ели. По первой воде пригнали торговцы

10 будар, но дорого все было – осьмина ржаной муки в 30 алтын и в рубль вытягивала, так что многие до сих пор одной рыбой питались.

Новые языки, взятые казаками, показали, что в марте еще приезжал из Турции в Крым чауш и передал, что придут в Кафу и пойдут на Азов турецкие каторги, а ждать их в Кафу на Николу вешнего. Помимо того обещал, что придет под Азов турецкая конница, а татары де ему ответили, что конницы и своей, татарской, хватит. А теперь вышла орда из Крыма, впереди идут два азовских «утеклеца» – Касай-ага и Ишекай-ага Досмаметовы с 1500 всадников, а с ними крымчаки – Адиль-мурза и Клыч-мурза. Хан им всем строго-настроено велел идти под Азов за языками, а не достанут – идти вверх по Дону, а там не достанут – идти на русские украинные города за языком, но без языка назад не возвращаться. Отойдя от Крыма на десять дней пути, всадники разделились, Касай-ага взял с собой 500 самых резвых и пошел под Азов, а остальные наездники меж себя решили, что пройдут они вверх по Дону и к русским украинным городам, под новый Козлов город, но кони у них, как и обычно весной, худы, и, перейдя Донец, станут они коней кормить, а пока разъехались в степи «для зверя».

И русские служилые люди из Валук усмотрели, что 6 мая перешли татары Донец у Деркула и движутся на Кальмиусский шлях.

Да с Маньчского городка ходила в степь разведка и тоже языка взяла. Татарин тот рассказал, что полторы тысячи крымчаков действительно посланы на Дон за языками, да 4000 готовы на Азов, а остальные хотят на русские украинные города.

Донцы из Азова 8 мая еще одну отписку в Москву послали, чтоб ждали татар под новый Козлов город. Повез ее только что выкупленный из турецкого плена за 500 рублей атаман Денис Григорьев.

А кроме того были в отписке вести, что из Черкасского и из Маньчского городка казаки отказались в Азов идти, в осаду садиться: «Мы де за камень не хотим умереть, мы де умрем за свои щепки».

Отправилась станица Дениса Григорьева ногайской стороной до Хопра, а там на Тамбов, да вместе с Григорьевым отправились казаки встречать денежное жалование – конные до Чира, а судами – до городка Есаулова.

Как видим, в мае Азов татарская угроза миновала. Может быть, повезло. Людей тогда в Азове было мало, с тысячу или две – не больше. Валуйские служилые люди тайно проводывали среди казаков, отчего ж так с людьми. Им объясняли, что будет запас – и люди придут. Чего ж сейчас в Азове сидеть, харчи проедать! По тому, как оборачивались дела, ждали турецкого похода на Азов уже не весной, а летом. Передайте де там, на Валуйках, что надо нам служилых людей, пороху и свинцу. Валуйские разведчики отмалчивались, от них это не зависело.

И с Воронежа спускались по Дону разведчики до главного верхнего городка – Медведицкого, привезли отписку, что «холопи твои государевы, донские казаки верхних городков, городка Медведицы атаман Еремко Петров и все Донское Войско челом бьют», а из Азова про турок вестей нет.

В самом Азове разведка все же сработала, и с 7 июня казаки стали собираться в Азов и садиться в осаду. Жгли в отдаленных местах траву и камыш, чтоб видимость была и чтоб турецким и татарским лошадям под Азовом есть было нечего. Под Азовом же траву косили – готовили запас для своей живности, с какой в осаде сидеть. Но еще две с половиной недели под городом было тихо, только беглые пленники выходили из степи с вестями, что готовятся турки и татары. 11 июня в последний раз вывез троих таких из Азова в Воронеж беломестный атаман Герасим Веневитинов.

13 июня поскакали из Валук в Азов с царской грамотой Севастьян Князев и Степан Пригаринов, но в Азов пробраться уже не смогли.

Глава 5. Начало осады. Первый штурм.

Турки выдвигались к Азову медленно, силы подводили с трех сторон – с крымской стороны Дона, с ногайской и - морем.

Вассальная зависимость предполагает службу на определенное время и даже в определенное время года. Поэтому власти Османской Порты могли двинуть на Азов лишь войска из близлежащих областей империи, с побережья Черного и Азовского морей. Эвлия Челеби писал: «Мутесарриф Очаковского эйялета Коджа Гюрджу Кенан-папа и папа Румелии, (имея при себе) до 28 ливабеев, 40 тысяч буджакских татар, 40 тысяч молдавских и валашских всадников, 20 тысяч войска из сел Трансильвании и 80 тысяч быстрых как ветер крымских татар, выступили в поход и обложили крепость Азов». Как видим, основная масса войск была взята турками из Крыма, Молдавии и Трансильвании.

Кроме того, был двинут флот. «В падишахском флоте, где находились мы, - писал Челеби, - насчитывалось: 150 галер, калита и башгарда, 150 фыркат, 200 чаек и карамюселей. Всего 400 судов, а на них 40 тысяч полностью вооруженных моряков во главе с капуданом Сиявуш-папой».

С Черноморского побережья Кавказа бейлербей Кафы Бекир-папа привел на соединение с этим флотом «до сорока тысяч отборного войска племен Черкессстана» и правителя Дагестана.

И позже подошли подкрепления из Анатолии – семь визиров, восемнадцать мирмиранов, семьдесят мирлива, 200 алайбеев, займы и тимариоты, «которых вместе с их джебели было 47 тысяч человек».

Общая сумма перечисленных Челеби войск составляет 267 тысяч человек без моряков, с моряками переваливает за 300 тысяч. Число по тем временам почти нереальное.

Сами донцы в «Повести об Азовском осадном сидении» сообщают: «И всего с папами людей было под Азовом и с крымским царем по спискам их браново ратного мужика, кроме вымыпленников немец и черных мужиков и охотников, 256000 человек».

Расхождения в исчислении боевого состава войск следующие – с крымским царем пришло крымских и ногайских татар, кроме охотников (добровольцев), 40 тысяч, «да с ним, царем, пришло горских князей и черкас ис Кабарды 10000».

Данные, представленные казаками, подтверждают в основном цифры, названные Челеби, и все равно не верится. Но, как считает Б.В. Лунин, «есть, однако, сведения, что цифра в 240 тысяч человек соответствовала данным турецкой раздаточной ведомости на жалование»¹.

¹ Лунин Б.В. Азовская эпопея. Ростов-н/Д. 1988. С.43.

Состав войска был, как теперь говорят, «интернациональный». Сам Челеби, как мы видим, называет буджакских и крымских татар, молдавских и валахских всадников, «племена Черкесстана» и Дагестана.

Поскольку воины Кавказа были скорее союзниками, чем вассалами Турции, и крымский хан после известных нам событий тоже претендовал на статус не вассала, но союзника, Челеби дал подробный перечень этих сил и «племен».

Он назвал «шегаке, жане, мамшуг, такаку, бузудук, болоткай, хатукай, бесней, кабартай, таустан от правителя Дагестана шамхала Султан-Махмуда». Современные исследователи видят за этими названиями натухайцев, бжедуггов, темиргойцев с их князьями Болотоковыми, бесленейцев, кабардинцев Большой и Малой Кабарды и тюркоязычных кавказских горцев, которые называют себя «таулу».

Перечисляя войска крымского хана, Челеби назвал: улу-ногай, кечи-ногай, шейдяк-ногай, урмамбет-ногай, ширин, мансур, седжеут, манкыт, накшуван, дженишке, бат, ор, улан, бардак, от племен Арсланбека, Чобана, Деви, Навруза.

Улу-ногай и кечи-ногай это – Большие и Малые Ногаи, которых Челеби считал подданными крымского хана. Шейдяк-ногай и урмамбет-ногай это ногайцы, названные по имени их мурз, они тоже входили в Большой Ногай. Ширин, мансур, седжеут – знатные татарские роды. Манкыт – ногайский род, откочевавший в Крым еще в XVI веке. Накшуван, дженишке, ор и бат – отряды, выделенные крымскими городами Нахичевань, Геническ, Перекоп, а также таты – христианское население Тат-Элийского санджака Кафинского эйялета. Видимо, это как раз и были те черные мужики, которых называют казаки, не включая в общий счет боевых сил. Их задача, как мы увидим, заключалась в другом.

«Улан» и «бардак» примерно значит – сыновья и подданные, те, кто носит тамгу «трезубец» - родовой герб Гиреев. Арсланбек, Чобан, Навруз – имена ногайских мурз Малого Ногай.

Донцы, которые и так прекрасно знали татарские, ногайские и черкесские роды, обратили внимание на другую составляющую турецкого войска - на отряды из Очаковского эйялета и из Трансильвании. «А было с папами турскими людей ево под ними розных земель: первые турки, вторые крымцы, третьи греки, четвертые серби, пятые арапы, шестые мужары, седмые буданы, осмые башлаки, девяты арнауты, десяты волохи, первые на десять митьяня, второе на десять черкасы, третие на десять немцы». Кроме того, донцы называли наемников, знающих осадное дело. «Да с ними же, папами, было для промыслов над нами многие немецкие люди городоимцы, приступные и подкопные мудрые вымышленники многих государств: из Респеллинских и Опаней великия, Винеции великие и Стеколни и французски наршики, которые делать умеют всякие пристурные и подкопные мудрости и ядра огненные чиненые». И самое интересное – с папами были «немецких два полковника, а с ними солдат 6000».

В расспросных речах очевидцев проскальзывают сведения о наличии в турецком войске «хохлов и запорожцев». Что ж, и такие искатели приключений могли появиться под стенами Азова. Но они, конечно же, тонули в крымско-ногайском море.

Все эти громкие сотни тысяч в большинстве своем при осаде города были бесполезны. Татар, ногайцев и черкесов «городоимцами» назвать трудно. Вряд ли полезли бы на стены молдавские и валахские всадники. И под Азов все они шли неохотно. Добычу сулит захват городов на чужой территории. А возвращение своего города из лап разбойников (именно так выглядела с точки зрения турецкого руководства эта операция) никакой добычи не обещает. Буджакские татары под Азовом, видимо, вообще не появлялись, а просто откочевали западнее своих стойбищ, чтобы прикрыть Крым со стороны нейтральной Польши от запорожцев, поведение которых было для татар непредсказуемо.

Угрозу для Азова представляли войска, привезенные из Анатолии, которые наверняка получили соответствующий боевой опыт под Багдадом, и 20 тысяч «из сел Трансильвании». Возможно, среди этих 20 тысяч и были 6 тысяч солдат во главе с немецкими полковниками. Вассальные Турции правители Молдавии, Валахии и Трансильвании (на севере трансильванские земли занимали значительную часть современной Венгрии, граничили с Польшей) имели наемные отряды по европейскому образцу и могли выслать их под Азов по приказу султана. Во всяком случае, Челеби каких-либо европейцев, которые были бы неподвластны Турции, в рядах войска не называет, а у казаков в «поэтической повести» есть оговорка, что эти 6 тысяч солдат были наняты из 4-х земель.

Большую угрозу представляли «иностранные советники» - специалисты по осадным работам. И рабочих рук для этих работ было предостаточно. Как писали донцы, у турок были «черные мужики» «поморские и кафимские», «которые на сей стороне моря собраны изо всей орды крымские и ногайские на загребение наше». «Тех собрано людей на нас черных мужиков многие тысящи, и не бе числа им и писма». «Черными» в России (и на Дону) называли людей подневольных, платящих государству подати. То есть, турки согнали из Крыма и всего побережья податное население, которое, как мы знаем, состояло из греков и армян. Возможно, здесь были молдаване и часть купленного у татар полона.

Турецкое войско двигалось медленно. Челеби писал, что флот, подгоняемый «то мягким, то порывистым ветром», прошел Керченский пролив. «Мы прошли этот пролив и при попутном ветре достигли гавани Балысыра. Бросив якорь, мы поставили корабли на прикол в этой гавани. Снаряжение, амуницию, боеприпасы, съестное, напитки и (разный) провиант погрузили на сандалы, фыркаты, чекелевы, зарбуны, тунбазы. Отсюда до крепости Азов – тридцать шесть миль. Однако, так как на пути от Балысыра до Азова глубина моря не более пяти аршин, до него такие суда, как галеры и чайки, пройти не могут, (для них) очень мелко». Гавань Балысыра, как писал Челеби, - место пустынное. «Однако наше многочисленное, как море, войско

построило (здесь) из камыша и тростника склады и лавки, и оно стало походить на большой город. Место это служило пристанью для Азова». Туда же, к гавани Балысара, подошел бейлербей Кафы Бекир-паша с 40 тысячным войском из черкесов и с 7000 повозок. На этих повозках впоследствии были отправлены под Азов сгруженные припасы.

Высадка в 36 милях от Азова и строительство здесь лагеря, походившего по размерам на город, не могли укрыться от внимания казаков. И морские и пешие отряды донцов, конечно же, наблюдали за всеми этими мероприятиями.

В это время с запада к Азову подходило войско крымского хана. Двигалось оно волнами. Первыми, как мы помним, еще в мае подходили к Дону выше Азова «утеклецы», бывшие азовские обитатели, бежавшие ранее в Крым. Еще один отряд, возможно, «сбродный», тогда же вошел в излучину Дона и стал забирать севернее, к русским украинным городам, стремясь перехватить казну и припасы, высланные на Дон из Москвы. Перед основными силами крымчаков в качестве авангарда шли ногайцы. Они же первыми появились под стенами города.

Когда началась осада Азова – вопрос спорный. Сами казаки называли две даты – 7 июня и 24 июня. Первую они называли, когда приехала в Москву станица во главе с самим Наумом Васильевым уже после осады Азова. Дата эта сомнительна, поскольку еще 11 июня из Азова выходили люди и вывозили в Воронеж беглых пленников для дачи показаний о турецких и татарских планах.

Дату 24 июня называли «по горячим следам» прискакавшие с вестями в Москву гонцы из Азова, которые, собственно, и сообщили, что осада началась.

Однако и это число вызывает ряд вопросов.

Во-первых, эту дату – 24 июня – называет в своей отписке воронежский воевода Андрей Солнцев-Засекин со слов азовского гонца Беляя Лукьянова. Дескать, 24 июня в 7 часов дня пришли под Азов морем турки. Того же числа Наум Васильев с казаками выходил на вылазку и вел с татарами бой. А 25 июня, в ночь с четверга на пятницу, Наум Васильев направил Беляя Лукьянова к царю с вестями об осаде.

Во-вторых, эту дату называет в отписке из Азова, посланной с Беляем Лукьяновым, сам атаман Наум Васильев. 24 июня пришли под Азов крымский царь и царевич Нурадин с татарами и турками. Пришли полем лошадьми, а морем – судами.

Только сам гонец Беляй Лукьянов в расспросных речах немного путается. Дескать, 24 июня де пришел в 7-м часу под Азов крымский хан и осадил, а 25 июня в 6-м часу пришли под Азов морем турецкие каторги. 25-го казаки выходили на вылазку, а его с товарищами послали с вестями в Москву ночью с четверга на пятницу. Но ночь с четверга на пятницу в 1641 году это ночь с 24-го на 25 июня. И, уехав в ночь на пятницу, Беляй не мог знать, что творилось под Азовом 25 июня. И дальше он сообщает в Москве

11 июля, что прошло 2 недели и 4 дня, как турки и татары пришли и стали под Азовом. Но тогда выходит, что турки и татары пришли 23 июня.

В целом же получается следующая картина.

23 июня в седьмом часу дня пришли татары (вернее – ногайцы), сам крымский хан и царевич Нурадин. Пришли полем и стали за Доном. С ними были и немногие турецкие люди на лошадях. Это пока был лишь авангард крымских войск. Огромная орда, в которой каждый воин имел в походе 2-3 лошади, не могла вся сразу явиться под Азов, где казаки выжгли и выкосили вокруг всю траву. И казачья разведка позже подтвердила, что значительная часть орды стоит на Миусе. 24 июня войска крымского хана полностью блокировали Азов, а в шестом часу морем подошли турки, но далеко не весь флот, а только корабли с мелкой осадкой. Каторги поставили в гирле, на Очаковской косе, в 8 верстах от города, засуетились, стали сгонять лошадей, верблюдов и буйволов, чтоб припасы сгружать, а мелкие суда по Дону и протокам подошли к Азову и стали в 3 верстах. Высадившиеся турки стали сразу же рыть окопы.

Из последующих сообщений нам известно, что турки захватили казачьи струги под Азовом². Сразу же встает вопрос, почему при всей осторожности казаков, нападение татар и турецкого флота стало внезапным, и казаки не успели ни отогнать, ни укрыть, ни пожечь свои струги.

Того же 24 июня Наум Васильев выходил на вылазку и вел бой с турками и татарами.

Объяснение событиям 24 июня мы найдем у Челеби. «Чтобы уберечь войско от нападения извне, татарскому хану было приказано в угрожаемых местах выставить караулы. Его светлость хан выставил со всех четырех сторон мусульманского войска караулы из надежных и отборных отрядов...». Далее следует перечисление этих отрядов, начиная и заканчивая ногайскими ордами и их мурзами. В комментариях к трудам Челеби сказано: «В переводе Хаммера говорится о том, что крымский хан выставил караулы не из крымского, а из ногайского войска».

И донцы в «поэтической повести» указали: «Июня в 24 день в самый ранний обед пришли к нам папи его (султана – А.В.) и крымский царь и наступили они великими турецкими силами. Все наши поля чистые от орды нагайския изнасеяны».

Тогда же с утра шла ружейная и пушечная перестрелка.

Далее Челеби пишет: «В эту ночь мятежные казаки, осажденные в крепости, принялись так палить из ружей, что крепость Азов запылала, подобно птице саламандре в огне Немруда. И, ударив что есть мочи в свои барабаны, они наполнили крепость криками «Иисус! Иисус!». А все крепостные башни и стены они разукрасили крестами. Оказывается, в ту мрачную ночь по реке Тен-Дон в крепость прибыли на помощь десять тысяч кяфиров! И так как они с утра без передышки принялись бить из пушек и ружей, шестьсот человек (наших) пали шехидами».

Видимо, когда ногайцы блокировали крепость, морские отряды казаков, наблюдавшие за высадкой турок в Балысыра, оказались отрезанными от города. Чтобы дать им возможность войти в Азов, донцы устроили вылазку.

То, что это были отряды, оказавшиеся на море, а не подмога из верхних городков, доказывает дальнейший текст Челеби: «На следующий день, поутру, татарский хан и паша Силистрии Кенан-паша поставили в устье реки Дон караулы».

Таким образом, поздним вечером 24 июня была вылазка и одновременный удар казачьих стругов со стороны моря и устья Дона. По турецким данным, погибло 600 человек из лагеря осаждающих. Такое количество погибших обычно бывает после крупного сражения. Видимо, казаки напали на турок во время рытья окопов и зажали какую-то их часть меж двумя отрядами – вышедшим из города и высадившимся из стругов.

Количество осажденных, наоборот, увеличилось. Черкасские казаки, не знавшие об этом бое, считали, что в Азове обороняются три тысячи, а выбравшиеся из Азова называли тысяч пять-шесть. Таким образом, тысячи две-три казаков в Азов с моря прорвались.

Этот факт объясняет и захват турками казачьих стругов. На этих стругах казаки ночью вошли в устье Дона и бросили их на берегу, когда вошли в город.

На вылазке казаки взяли турка – языка.

Турок числа пришедшим воинским людям не знал. Знал, что главная задача – Азов «доступить». Со слов пленного, собирались турки и подкопы рыть, и вал насыпать и на лестницах на стены лезть.

Против этих приемов были у казаков свои. Если начнут турки вал насыпать, как при осаде Багдада, то подведут казаки три или четыре подкопа под этот вал, чтоб разорвать его. Если поведут турки подкопы, то казаки против этих подкопов сделают «слухи» и будут около города по рву беспрестанно ходить. Что касается лестниц, то такого штурма казаки не опасались, считали, что «тем приступом они города не возьмут».

Артиллерии у турок было много, и, зная это и опасаясь за целостность крепостных стен, заранее изготовили казаки бревенчатые избы, чтобы ставить их в местах пробоев или проломов вместо террас и хрящом насыпать.

В общем, надеялись казаки отсидеться. С хлебом хотя и скудно было, но животные запасли достаточно, загнали в Азов 1200 быков и коров, чтоб резать и есть, когда хлеба не станет (сена, видимо, успели накопить), а соли и воды в Азове было много.

Отколовшиеся от азовцев черкасские казаки считали, что запасов в осажденном Азове вообще хватит на год.

25 июня, в ночь с четверга на пятницу, то есть сразу же после вылазки, допроса пленного и короткого совещания, атаман Наум Васильев послал Беляя Лукьянова и 5 казаков с вестью к царю, что Азов в осаде, хлебных запасов с Воронежа не подвезли, «хотя объявлено немало». В час пополудни казаки выехали и поехали прямо сквозь татарские полки. Как

явствует из опросных речей, крымские люди стояли близко от города, прямо за крепостным валом. Татары (а вернее – ногайцы) то ли такой наглости не ожидали, то ли просто в расплохе были после недавнего боя, но опомнились поздно и всего лишь «отгромили Демку Иванова», одного из казаков, а живого или мертвого, того казаки не знали. Да помимо Демки, уходя, потеряли они двух коней – один в яму провалился и изломался весь, другой пал под самим Беляем Лукьяновым.

Беляй Лукьянов 3 июля достиг Валук. Из Воронежа отписка об осаде Азова попшла вместе с ним 6 июля. 11 июля Беляй Лукьянов был в Москве. 27 июля отпущен оттуда обратно на Дон.

Из «памяти» («меморандума»), направленной черкасскими казаками в верхние городки, известно, что из Азова посылали за помощью и в Астрахань, но кто и как туда прорывался, неизвестно.

К этому же времени относится приключение, случившееся с царскими гонцами Князевым и Пригариновым, посланными в Азов с царской грамотой. Отправившись 13 июня из Валук, под Азов они явились, по их словам, на 11-й день, 25 июня, и выехали к Мертвому Донцу прямо на татарские шатры, не разглядев их в тумане. Поняв, что к чему, кинулись они уходить вверх по донскому берегу к казачьим городкам. Другого пути не было, поверни они назад, в степи бы их татары за день замотали и взяли.

Татары посланцев усмотрели и поскакали их от берега Дона отжимать. Князев и Пригаринов, рассказавшись, влетели в речку Темерник, стали переплывать и заодно царскую грамоту, «пльвучи, потопили», чтоб татарам не досталась. А дальше – камышом, камышом... В тот же день, переплыв еще две речки, достигли гонцы Черкасского городка, где и пали под ними от великой гоньбы лошади – два коня и два мерина.

На другой день черкасский атаман Степан Иванов Молодой за час до полуночи направил Севастьяна Князева в Азов лодкой, дав ему в провожатые казака Леона Лукьянова. Ночью дошли они до устья Каланчи и с версту от Азова наткнулись на мелкие турецкие суда. У турок поднялась тревога, и Князев с Лукьяновым быстро погребли назад, прошли верст пять, потом, убоявшись рассвета, спрятались в камышах и сидели весь день, а в сумерках направились назад в Черкасский.

Тут Князев тоже начинает путать. Если посчитать дни, то выходит, что поздно вечером 26 июня Князев вновь попытался пробраться в Азов, а 27-го отсиживался в камышах. Но Князев в расспросных речах говорит, что в камышах сидел на Петровку, а «завтра в среду» в Черкасске слышал стрельбу, доносившуюся из-под Азова. Получается, что в камышах он прятался 29 июня, во вторник.

В Черкасском городке гонцов, по их словам, продержали 10 дней, все ждали вестей из Азова, но вестей не было, зато каждый день подходили к Черкасскому городку татары. Наконец, черкасский есаул Григорий Филиппов отпустил гонцов, сказав, что если турки возьмут Азов, то из Черкасского казаки будут уходить вверх по Дону и до Воронежа, потому что самим им в Черкасском не отсидеться – пушек нет, людей мало и с зельем

скудно. Езжайте мол, служилые люди, пока вас здесь в городке не перехватили. И, поглядев на стоявшие наготове у Черкасского городка струги (чтоб бежать), Князев и Пригариновым поверили, в долг купили лошадей (кабалу на себя дали) и пустились верхом по-над Доном на Манычский городок и на Раздоры. Судя по расспросным речам, это случилось 7 июля. 14 июля они уже были в Валуйках.

Что касается сил осажденных в Азове казаков, то цифры изначально назывались разные. Черкасцы рассказали царским гонцам Князеву и Пригаринову, что в Азове в осаде сидит тысячи три. Самих черкасцев в их городке вместе с казаками, пришедшими из верхних городков, было готово к осаде человек 500. Причем ров вокруг городка они стали копать поздно – в самом конце июня, когда Азов уже был в осаде. «А в Азов де не пошли потому что стала рознь». Беляй же Лукьянов в Москве сказал, что в Азове вместе с казаками верхних городков, с черкасами и с литовскими людьми тысяч пять-шесть. Сами казаки в «поэтической повести» назвали число – 7590 «отборных оружных» казаков. Известный специалист по истории казачества этого периода, В.Н. Королев указывает меньшее число – 5367.

Часть казаков, уходившая на стругах с Миской Тараном, оказалась отрезанной в Черном море. Обратно под Азов они пробираться не рискнули, пошли вокруг Крыма на Очаков, встретили там 5 каторг больших и 12 малых, но проскочили счастливо и вошли в днепровское устье. Но и здесь спасения не было. Устье перекрыл полковник Душинский с 1000 литовских воинских людей. Казаков он вверх по Днепру не пускал, наоборот, договорился с турками, и с двух сторон турки и поляки напали на казаков, многих побили и Миску Тарана взяли.

Сидевшим в Азове казакам силы неприятеля были известны приблизительно.

После возвращения из-под Азова Князева и неудачи его попытки пробраться ночью в город по воде черкасские казаки сами послали в сторону Азова разведку – есаула Филиппа Афанасьева и 100 казаков. Было это 28 или 30 июня. Через день разведка вернулась (30 июня или 2 июля) и привезла раненого татарина, который вскоре умер, но успел многое рассказать. Выходило, что возьмут турки и татары Азов или нет, а все равно пойдут на Русь войной. Крымцев пока подошло якобы 40 тысяч и еще 20 тысяч стали на Миусе в двух днях пути. Турок же подошло 40 каторг и много мелких судов, и ожидаются еще 20 каторг.

Так же, как и взятый под Азовом турок, татарин подтвердил, что если Азов не удастся взять при помощи обычной пупечной пальбы, то осаждающие будут насыпать вал, как это делали под Багдадом. Видимо, багдадский успех показался туркам панацеей при взятии крепостей.

И еще татарин сказал, что настроены турки и татары решительно, так как имеют приказ – не взяв города, от Азова не идти.

Военные действия развивались по нарастающей. Как писал Челеби, на следующий день после первой вылазки казаков, то есть – 25 июня,

татарский хан усилил посты со стороны устья Дона, «во все концы были разосланы летучие пайки, заготовители продовольствия и кормов. Всем мирмиранам было указано место для каждого их отряда. (Войска) снова отправились на рытье окопов, и было отрыто семь рядов окопов». Одновременно строился лагерь, который, как отметил Челеби, «находился вне досягаемости для пушек кяфиров». В этот лагерь были направлены на 7000 повозок припасы из Баласары.

Когда окопы были готовы, турецкие войска заняли их. Челеби пишет так: «Утром следующего дня почетный главнокомандующий Хусейн-папа с войском, подобным морю, занял окопы со стороны тюрбе Йогуртчу-баба (могила мусульманского святого под Азовом – А.В.), а капудан Сиявуш-папа высадил на берег войска со ста фыркат и вступил (в окопы) со стороны Водяной башни. А суда они спрятали в Олю-Тене, Дири-Тене, Канлыдже и у острова Тимурленка. Выше Водяной башни, с южной стороны, в окопы вступил анатолийский папа со своим войском, восемью пушками бал-емез и десятию ода янычар.

А папа Карамана и шесть ода (янычар) вошли в окопы против южной стены и приготовили к бою шесть пушек бел-емез. С западной стороны, со стороны пригорода Каратайяк, расположился в окопах силистровский папа Кенан-папа и с ним десять ода янычар, одна ода оружейников, одна ода пушкарей и десять пушек бал-емез. А папа Румелии укрепился в окопе с десятию пушками бал-емез со стороны Дозорной башни.

И вот подобно морю мусульманское войско, заняв семьдесят окопов с семьюдесятью пушками – кулевринами, шахи, зарбазанами, - с семи сторон обложило крепость. И тогда началась по всем правилам военного искусства битва между презренными кяфирами, что сидели внутри крепости, и знаменитыми победоносными войсками, стоявшими у ее стен».

Этот текст нуждается в целом ряде пояснений. Окопы рылись специальными отрядами. Траншея рылась под углом к другой траншее, и в идеале этот зигзаг должен был тянуться от лагеря или какого-то удаленного места как можно ближе ко рву или стене крепости, которую предстояло штурмовать. Цель рытья окопов – сосредоточить в них и укрыть от губительного огня перед штурмом как можно больше войск и подвести их без потерь непосредственно ко рву или к другим укреплениям. Казаки, когда в 1637 году осаждали Азов, подвели свои траншеи, как мы помним, на бросок камня к крепостной стене. Турки, видимо, стремились к тому же.

Не надо путать описываемые Челеби окопы с окопами периода 1-й и 2-й мировых войн, в которых русские и другие войска сидели по году, спали в них, ели и зимовали.

В окопах под Азовом основная часть турок не сидела, она располагалась в лагере. Окопы охранялись специальными передовыми отрядами. А вступление больших масс войск в окопы означало непосредственно начало штурма.

Чтобы отрыть семь рядов зигзагообразных окопов, сходящихся с семи сторон к Азову, нужно время. И казаки, естественно, не смотрели,

сложив руки, как передовые отряды турок подрываются поближе к азовским стенам. Несомненно, были вылазки и стрельба по осаждавшим.

Что касается времени, когда турки вступили в окопы и начали сражение, то слова Челеби «утром следующего дня» относятся не к 26 июня (следующий день после того, как после казачьей вылазки продолжили рыть окопы), а ко времени окончания рытья этих окопов. А на рытье окопов и на сосредоточение войск вокруг крепости потребовалось несколько дней.

В сражении участвовали войска, подошедшие на помощь из Анатолии. В комментариях к Челеби пишется, что помощь из Анатолии пришла через четыре дня после начала осады. Осада началась 21 числа месяца шабана, а помощь подоспела – 25 шабана. И дата осады, и дата прихода помощи указаны неверно, виной тому, возможно, непривычный мусульманский календарь, поэтому нас интересует лишь временной зазор между этими событиями. Таким образом, если осада началась 24 июня, то помощь из Анатолии пришла не раньше 28-го.

Севастьян Князев слышал, сидя в камышах, на Петровку, т.е. 29 июня, как за два часа до рассвета били два часа из ружей, затем два раза выстрелили из пушки, и снова два часа шла стрельба из «мелкого ружья», затем ударили 8 пушек, и далее из ружей и пушек били весь день попеременно.

На следующий день, в среду, 30 июня, с утра «били из большого наряду» до полудня. Потом пальба из пушек, слышимая в Черкасском городке, пошла каждый день.

Это «звуковое сопровождение» позволяет предположить, что 29 июня турки закончили рыть окопы и придвинули войска к крепости, а 30-го с утра и началось само сражение. Дальнейшее цитирование источников подтвердит наше предположение.

Казаки в «поэтической повести» указывают, что вступление в окопы и сражение начались через час после восхода солнца. Челеби пишет: «Начавшись чуть свет, в течение семи часов шла такая драка и свалка, что битвы, подобной этой, еще не видело, вероятно, око судьбы». И Севастьян Князев говорит, что 30 июня «били из большого наряду» с утра и до полудня. Это, видимо, и есть те семь часов, о которых пишет Челеби.

Сражению и штурму предшествовали переговоры и демонстрация турками своей силы. Происходило это, вероятнее всего, 29 июня.

Казаки в «поэтической повести» признавали: «Страшно нам добре стало от них в те поры и трепетно и дивно несказанно на их стройный приход бусурманской было видети». Турецкие войска открыто, не боясь огня, подошли на полверсты к городу. Двенадцать янычарских военачальников развернули свои шеренги, и они в восемь рядов протянулись от Дона и до моря и стояли так плотно, что могли взяться за руки.

Войско было готово к бою, и фитили янычарских ружей горели в сумерках как свечи. Огненно-красная одежда янычар и светящиеся «яко звезды» шишаки у них на головах производили должное впечатление. Тем не менее, вояки-казаки профессиональным взором отметили, что «пищали у них

у всех долгие турецкие з жаграми» (с запальниками), и «подобен строй их строю салдацкому». Среди янычар в тех же боевых порядках стояли 6 тысяч солдат с двумя полковниками.

В тексте Челеби при описании войск паши Карамана, стоявших против южной крепостной стены, слово «янычары» взято в скобки, оно вставлено переводчиком, редактором или издателем. В оригинале этого слова нет. Там просто: «А паша Карамана и шесть ода вошли в окопы против южной стены...». Возможно, эти не названные конкретно «шесть ода» и есть шесть тысяч наемных солдат.

От турецких рядов отделилась группа и направилась к городу. Казаки писали потом, что к ним прислали янычарского голову и толмачей «бусурманских, перских и еллинских» (то есть жителей одного из кварталов Стамбула и греков).

О содержании этих первых переговоров известно из «поэтической повести». Янычарский начальник от имени четырех папей и крымского хана передал казакам предложение сдать город. Перед этим он якобы долго рассказывал казакам, какой вред они нанесли турецкому султану, взяв Азов. «Очистите вотчину Азов город в ночь сию не мешкая, - звучал турецкий ультиматум. – Что есть у вас в нем вашего серебра и злата, то несите из Азова города вон с собою в городки свои казачьи, без страха, к своим товарищам. А на отходе ничем не тронем вас. А естли толко вы из Азова города в ноц сию не выйдете, не можете уж завтра у нас живы быти». Кроме того, казакам было предложено принести султану «свои головы разбойничьи в повиновение на службу вечную», и тогда султан обещал их жаловать «честью великою» и обогатить «неизреченным богатством».

В ответ казаки обозвали турецкого султана собакой смрадной, обещали биться с ним как с «худым свиным наемником» и вскорости самим явиться под стены Царьграда.

Позже в «поэтической повести» они значительно облагородили свой ответ и поэтизировали его, но суть осталась той же.

Получив ответ, янычарский голова с толмачами уехал. В турецком лагере начали трубить в трубы, потом «после той трубли почали у них бить в громады их великие и набаты и в роги и в цебалги почали играть добре жалостно». То есть в лагере били в огромные барабаны и сигнальные бубны, трубили в рога и играли на цимбалах.

«А все разбирались оне в полках своих и строилися ночь всю до свету. А как на дворе в часу уже дни (через час после рассвета – А.В.), почали выступать из станов своих силы турецкие. Знамена их зацвели на поле и прапоры, как есть по полю цветы многие. От труб великих и набатов их пошол неизреченный звук дивен и страшен».

Вот так 30 июня началось первое сражение под Азовом, первый штурм города.

В «поэтической повести» и в повествовании Челеби есть одно принципиальное отличие. Казаки писали, что первый штурм был один день, затем на день было объявлено перемирие, а потом, на третий день, турки

приступили к правильной осаде и стали насыпать вал. Челеби же растягивает первое сражение на семь или даже на десять дней, после чего турки вновь начинают рыть окопы, то есть приступают к земляным работам.

Попробуем пойти по порядку.

Челеби не дает деталей первого сражения, первого штурма. Он пишет: «От грохота пушечной стрельбы сотрясались земля и небо. Начавшись чуть свет, в течение семи часов шла такая драка и свалка, что битвы, подобной этой, еще не видело, вероятно, око судьбы. После того как на рассвете (обнаружилось, что) семьсот человек из семи отрядов войска испили чашу смерти, имущество (погибших) было передано в казну». Перед нами лишь время протекания сражения, указание на то, что была рукопашная – «драка и свалка», названо количество убитых – 700 человек – и признана исключительность боя, «битвы, подобной этой, еще не видело, вероятно, око судьбы».

Заранее скажем, что взятый в скобки текст Челеби – версия переводчика или редактора. Если читать без этих слов, смысл будет другой, что мы и увидим позже.

Донцы со своей стороны признавали, что «окроме болшова приступа первого, такова жестоко и смела приступа не бывало к нам. Ножамы мы с ними резались в тот приступ». Но они, в отличие от Челеби, оставили детальное описание этого первого штурма.

«Приход их к нам под город. Пришли к приступу немецкие два полковника с салдатами. За ними пришел строй их весь пехотной яныческой – сто пятьдесят тысяч. Потом и орда их вся пехотою ко граду и к приступу, крикнули стол смело и жестоко».

Как видим, в первой колонне шли наемные войска из Трансильвании, за ними янычары, далее – остальная пехота.

«Приход их первый. Приклонили к нам они все знамена свои ко граду... Почали башни и стены топорами сечь. А на стены многие по лестницам в те поры взопли. Уже у нас стала стрельба из града осадного, до тех мест молчали им». То есть, наклонением знамен войскам было показано направление атаки, после чего специальные войска стали рубить топорами деревянные составляющие стен и башен. Это было возможно, поскольку целью атаки был «Топраков» - Топрак-кале, земляной город. Многие по лестницам полезли на стены. Тогда казаки, до того времени молчавшие, открыли огонь в упор.

«Во огни уже и в дыму не мочно у нас видети друг друга. На обе стороны лишь огонь да гром от стрельбы стоял, огонь да дым топился до небеси... Которые у нас подкопы отведены были за город для их приступного времени, и те наши подкопы тайные все от множества их неизреченных сил не устояли, все обвалились, не удержала силы их земля. На тех то пропасть побито турецкия силы от нас многия тысячи. Приведен у нас был весь наряд на то место подкопное и набит был он у нас весь дробом сеченым».

Первое впечатление после прочтения этого отрывка – турки нарвались на систему «волчьих ям». Там же, в этой системе «волчьих ям», казаки собрали «наряд», то есть пороховые заряды, и «зарядили» это место сеченым в дробь металлом.

Не совсем ясно, почему турки, подводя окопы к городу, не наткнулись на «волчьи ямы», и не сказано, как сработал пороховой заряд.

Ответ найдем в показаниях свидетелей. Астраханский стрелец Куземка Федоров рассказывал впоследствии, что турки с первого приходу взяли «Топраков город» (земляной) и у церкви Иоанна Предтечи поставили 8 знамен, у казаков в Топракове был подкоп и в подкопе стояло зелье – бочки с порохом. Турки вошли в Топраков, и тогда казаки взорвали их, причем погибло тысячи три или больше. В прикрытые каменными стенами Ташкалу и Азов турки не вошли. Камышом и землей они завалили ров у стены и хотели идти на приступ. «И азовские де казаки обливали... (их) с городовые стены человеческим калом и многих турецких людей побили»³.

То есть, вся эта система ловушек была не за городом, а в самом «Топракове». Казаки угадали направление главного удара турок и заранее подготовились.

После мощного взрыва, вероятно, в сражении наступил перелом, и казаки перешли в контратаку, поскольку потом они заявляли: «В тот же день, вышед, мы вынесли болное знаме на выласке, царя турецкого, с коим паши ево перво приступали к нам турецкие...».

Казаки-эмигранты в 20-е годы XX века много писали о донской истории и об Азовском сидении в том числе. По их мнению, штурм шел с утра до полудня. К полудню турки захватили юго-западную часть укреплений, но Осип Петров с резервом их отбил⁴.

Потери противника казаки определили так: «Убито у них под стеною города на приступе том в тот первый день турков шесть голов одних яныческих да два немецкия полковника с всеми своими солдатами с шестью тысящи». Янычар якобы побили двадцать две с половиной тысящи.

Разница между 700 погибших у Челеби и 22500 в «поэтической повести» огромная. Прав, видимо, астраханский стрелец «Куземка», который определил потери турок в три тысячи или больше. Столько якобы погибло в «Топракове». А 700 «испивших чашу смерти» «на рассвете», о которых пишет Челеби, это, видимо, погибшие в самом начале штурма, в прямом смысле – «на рассвете». В сумме же набирается около четырех тысяч.

По версии Челеби, следующим «утром с молитвами и восхвалениями (Аллаху) снова был открыт огонь из пушек».

У казаков версия иная: «На другой день с зарею светлою опять к нам турецкие под город прислали толмачей своих, чтоб нам дати им отобрати от града побитой их труп, который у нас побит под Азовом, под стеною города... В тот другой день бою у нас с ними не было».

³ Лунин Б.В. Указ. соч., С.43.

⁴ Родимый край. 1929. № 5.

Прав, видимо, все же Челеби. По мусульманскому обычаю мертвых надо было похоронить в тот же день. Бой шел с рассвета семь часов. После обеда, когда стало ясно, что штурм отбит, оставалось время на переговоры и на похороны убитых. И Севастьян Князев, сидевший в камышах неподалеку от Азова подтверждает, что с 30 числа пушечная пальба, слышимая даже в Черкасском городке, шла каждый день без перерыва.

О переговорах Челеби вообще не упоминает. Видимо, в мусульманском мире, где убитых хоронят в день смерти, такие переговоры после каждого сражения были самым обычным явлением, и на них перестали обращать внимание.

По версии казаков, турки предложили им по золотому червонцу за каждого убитого янычарского воеводу и по сто талеров за полковников. Казаки денег не взяли: «Не продаем мы никогда трупы мертвые, но дорога нам слава вечная». Но трупы забрать разрешили – была середина лета, и от разложения трупов могла сразу же начаться какая-нибудь эпидемия.

В «поэтической повести» написано: «Отбирали они свой побитый труп до самой до ночи. Выкопали ему, трупу своему, глубокий ров от города три версты и засыпали его тут горою высокою и поставили над ним многие признаки бусурманские и подписаны на них языки разными».

С 1 июля осада Азова продолжилась.

Глава 6. Осада Азова.

В это же время подходили к Черкасскому городку татары, всадников – как показалось царским гонцам Князеву и Пригаринову – 500, атаман с казаками выходил им навстречу, человек десять татар убили и захватили 4 лошади. Зато из самого черкасского городка бежали два местных татарина и угнали с собой 45 лошадей.

В Черкасском городке от этих событий духом не падали. Двое суток, проведенные в степи разведкой Филиппа Афанасьева, показали не только сильные, но и слабые стороны турок и татар. Все силы были собраны под Азовом. Татарские отряды если и выходили в излучину Дона, окончательно связи низовых и верхних городков все равно не прервали. Низовые казаки посылали Доном разведки вверх к Донцу, брали там языков, которые подтверждали, что все силы орды собраны под Азовом. А потом пришел в Черкасский городок «чепай» Абыз – сбили его татары в степи – и рассказал, что в верхних городках сидят казаки по-прежнему.

Из Черкасска в верхние донские городки была послана пресловутая «память» от имени Черкасского, Манычского и Бессергеновского городков, что от татар пока «докуки не было никакой», что подходили 200 татар к Среднему острову, но были отбиты. Зная службистость верховцев и приверженность их из-за происхождения к Москве, написали в «памяти» соответственно – если «верховые помнят Бога и хотят постоять за Дом Пречистые Богородицы и за Московских чудотворцев, и за государственное многолетнее здоровье, и они б шли к нам в Черкасский, и прося у Бога

милости и у Пречистой его матери, станем промышлять, заодно в походы ходить». Указывался и объект совместных походов – «А крымские люди живут оплошно: лошадей гонят табунами» и на Миусе стоят оплошно же, коней гоняют табунами человек по 5-10.

Пока черкасцы подбивали казаков верхних городков напасть на татарские табуны, под Азовом турки вели осадные работы и начали бомбардировку города, которая в целом продолжалась 16-17 дней и перемежалась попытками турок захватить тот или иной участок крепости.

Сопоставляя данные Челеби, «поэтической повести» и немногих уцелевших очевидцев, можно восстановить события этих дней, причем события на разных участках.

Челеби, например, находился среди «собственных» войск главнокомандующего Хусейн-паши, на фланге позиции, около рва с могилой мусульманского святого. В своих воспоминаниях он описывает поведение в бою только одного из всех турецких папей – Хусейна. «А главнокомандующий, красивый человек, с неподдельно веселым лицом и смехом, ходил от окопа к окопу, поддерживал мусульманское воинство и побуждал его к войне. Своими благодеяниями и милостью он являл войску благородство и ласку. Каждый раз он посылал (войску) необходимые припасы из государственного арсенала. Его собственное войско причинило ущерба крепости больше, чем все другие войска. За какое дело он ни брался, оно удавалось, так как он делал его, советуясь (с другими)», - писал Челеби.

Казаки же главное внимание уделяли южной стороне, центру турецких позиций, откуда турки подводили насыпной вал. Челеби об этом вале вообще ничего не пишет.

Бомбардировку города и противодействие ей казаков Челеби описывает так: «Ворота и стены крепости были разбиты и разрушены, а дома в ней разнесены в щепы. Но башни и укрепления, сооруженные генуэзцами, выстояли, так как были прочны и основательны. В тех же местах, которые были разрушены выстрелами наших пушек, кяфиры отправились на тот свет, чтобы гореть адским огнем. Но в следующую ночь кяфиры совершенно неожиданно наставили кабаньих капканов, пщитов, заостренных кольев, окопались, и бой начался с новой силой».

Все это время турки насыпали вал. В «поэтической повести» говорится: «Зачали ж их люди пешие в тот день вести к нам гору высокую, земляной великой вал, выше многим Азова города. Тою горою высокою хотели нас покрыть в Азове городе своими великими турецкими силами. Привели ее в три дни к нам...». Разместив на валу артиллерию, турки могли теперь сверху расстреливать лежащий перед ними как на ладони город.

Казаки поняли всю опасность, исходящую от вала. «... И мы, видя ту гору высокую, горе свое вечное, что от нее наша смерть будет», решились на вылазку.

«...Попрося у Бога милости и у пречистые Богородицы помощи и у Предотечина образа, и призывая на помощь чюдотворцы московские, и учиня меж себя надгробное последнее прощение друг з другом и со всеми

христиане православными, малою своею дружиною седмью тысящи пошли мы из града на прямой бой противу их трехсот тысящ».

Из города они, как видим, ударили всеми силами.

Передовые турецкие отряды не ожидали, очевидно, такой дерзости. «...Не устояли впрям ни один против лица нашего, побежали все и от горы своей высокия. Побили мы у них в те поры на выходе, на том бою у той горы, шестнадцать знамен одних яныческих да двадцать восьм бочек пороху. Тем то их мы порохом, подкопався под ту их гору высокую, да тем порохом разбросали всю ее. Их же побиле ею многия тысящи, и к нам их янычания тем нашим подкопом живых в город кинуло тысячу пятьсот человек!».

Прервемся и проанализируем ситуацию. Чтобы подкопаться под гору, установить в подкопе 28 бочек пороха, отойти и взорвать, нужно время. Это первое. Почему, захватив 16 янычарских знамен и 28 бочек пороха, казаки не упоминают ни об одной захваченной или испорченной пушке? Это второе. Как в момент взрыва на горе, захваченной казаками, оказались полторы тысячи янычар, которых якобы взрывом потом забросило в город? Это третье.

Возможно, вал еще не был закончен, когда казаки пошли на вылазку. Турки не успели втащить на него пушки, а только разместили боеприпасы (28 бочек пороха). Передовые отряды янычар были сбиты, а рабочие – «черные мужики» с крымского побережья – дружно разбежались. Казаки с трофеями вернулись в город и уже из города подвели подкоп под вал (этому есть подтверждение в той же «поэтической повести»), а в подкопе поставили 28 бочек пороха. Взрыв же, подбросивший на воздух полторы тысячи янычар, произошел через несколько дней после вылазки.

Вылазка была 3 или 4 июля, поскольку вал турки насыпали за три дня. Но 3 или 4 июля никто из немногочисленных свидетелей каких-либо особых событий не отметил. Зато в день отъезда из Черкасского городка Князева и Пригаринова (за две недели до 21 июля, то есть 7 июля) под Азовом начался такой бой и поднялся такой грохот, что в Черкасском городке испугались («и учало де у них в городке быть ужасно»), приготовились бежать вверх по Дону на стругах и выпроводили из городка царских гонцов. Конечно, если взорвать одновременно 28 бочек с порохом, грохот будет такой, что и в Черкасске испугаются.

Примерно в это же время, возможно, от досады или отчаяния турки повторили попытку ворваться в крепость. А может быть, решили, что стены ее и так достаточно разрушены.

Челеби, который не пишет ни о казачьей вылазке, ни о взрыве, разметавшем вал, а говорит только об артиллерийском огне турок, сообщает следующее. «И таким образом в течение семи дней непрерывно в крепости возникали разрушения, открывались все новые и новые бреши... Наконец, несколько газиев, бросившись в достаточно широкие бреши, пробитые в (стенах) крепости пушками, водрузили там знамена. Однако казаки увидели, что (те газии), которые сначала их преследовали, не подошли вплотную к проломам. Хитрые кяфиры, воспользовавшись создавшейся обстановкой,

ударили по тем газиям перекрестным огнем, так что сразу же сотни их испили чашу смерти. Оставшиеся же, воскликнув: «Поворачивать назад не пристало чести мусульманской!» – три дня и три ночи вели бой с кяфирами на крепостных укреплениях, то беря верх, то терпя неудачу, и стояли против ударов пьяных кяфиров. Но в конце концов они с боями отошли назад, оставив на крепостных сооружениях множество знамен и шехидов.

Все газии выразили им свое уважение и утешение, говоря: «Этой победе предназначено свершиться в другой день».

И снова войска начали битву и еще шесть дней, не давая кяфирам открыть глаза, они с усердием рыли окопы вокруг крепости».

Снова прервемся и снова проанализируем ситуацию. Челеби дает нам возможность восстановить события по дням. Семь дней артиллерийского огня – это бомбардировка с 1 по 7 июля. Во время этой бомбардировки, по версии казаков, они сделали вылазку и взорвали насыпной вал. Затем три дня и три ночи турки ведут бой на развалинах крепостных стен – с 8 по 10 или 11 июля. Затем шесть дней вновь усердно роют окопы – с 11 по 17 июля. Скорее под рытьем окопов Челеби подразумевает просто земляные работы. И казаки в «поэтической повести» отмечают, что турки начали возводить другую гору, больше прежней. В длину она протянулась на три полета стрелы, в ширину на два броска камнем, а в высоту была много выше Азова. Если первый вал они насыпали за три дня, то на второй им, видимо, понадобилось вдвое больше времени. У Челеби это и есть – шесть дней рытья окопов.

Одно не совсем понятно – почему казаки названы «пьяными»? По казачьим обычаям за пьянство на войне и в походе карали смертью. Что здесь не так?

Поищем у казаков описания других приступов, кроме первого.

После бомбардировки, пишется в «поэтической повести», «почали оне нас осиливать и достигать прямым боем своими силами. Почали они к нам приступу посылать на всяк день людей своих, янычiena. По десяти тысящей приступают к нам целый день до ноци, а ноц придет, на перемену им придет другая десять тысящ. И те уже к нам приступают ноц всю до свету. Ни часу единого не дадут покою нам. А оне быются с переменою день и ноц, чтобы тою истомою осилеть нас».

Да, все совпадает. Челеби пишет о трех днях и ночах непрерывного боя, и казаки пишут, что турки, сменяя друг друга, приступали к ним день и ночь. Только в «поэтической повести» многие события перемешаны, и при прочтении создается впечатление, что этот штурм был ближе к концу осады.

Эти трое суток казаки были близки к отчаянию. «И от такова их к себе зла и ухищренного промыслу, от бессония и от тяжких ран своих, и от всяких лютых нужд, и от духу смрадного трушлова отяхчели мы все и изнемогли болезными лютыми осадными. И все в мале дружине своей уж остались, переменитца некем, ни на единый час отдохнуть нам не дадут». От себя добавим июльскую жару и разлагающиеся по той жаре турецкие трупы, которые не убирали все три дня. «В те поры отчаяли уже мы весь живот свой

и в Азове городе и о выручке своей безнадежны стали от человек, только себе и чая помощи от вышнего Бога».

Далее в «поэтической повести» пишется, как казаки плакали у образа Иоанна Предтечи и особо жаловались на турок: «Поморили нас бессонием; дни и нощи безпрестани с ними мучимся. Уже наши ноги под нами подогнулись, и руки наши от обороны уж не служат нам, замертвели. Уж от истомы очи наши не глядят, уж от беспрестанной стрельбы глаза наши выжгли, в них стреляючи порохом. Язык уш наш во устах наших не воротитца на бусурман закричать».

Теперь понятно. Измученные, с красными от бессонницы глазами и с неверными от усталости движениями казаки казались туркам пьяными.

Когда, по казачьим расчетам, сил осталось на два дня («3 два дни, чаю, уже не будет в осаде сидения нашего»), осажденные попрощались друг с другом и, подняв на руки чудотворные иконы Иоанна Предтечи и святого Николая, пошли на вылазку, контратаковали. «Их (икон – А.В.) милостью явною побили мы их на выласке, вдруг выпед, шесть тысящей. И, видя то, люди турецкия... с тех то мест не почали уж присылать к приступу к нам людей своих. От тех смертных ран и от истомы их отдохнули в те поры».

Итак, трехдневный штурм 8-11 июля был отбит. Во время него турки пытались захватить развалины стен примерно 20 раз. Казаки указывали, что отбили 24 приступа. Мы знаем о первом штурме, самом страшном, и Челеби позже напишет о последнем двухдневном бое за азовские развалины, который произошел незадолго до ухода турок. Таким образом, получается, что в течение трехсуточного непрерывного боя 8-11 июля турки пытались атаковать развалины стен около двадцати раз.

Далее турецкие войска в течение шести дней возвели новый вал, который позволил бы им артиллерийским огнем разрушить город. Но город уже был разрушен. Да и пороху, видимо, у турок осталось мало. Часть его была захвачена казаками и использована при разрушении первого вала.

Как писали казаки, «после тово бою, три дни оне погода, опять их толмачи почали к нам кричать, чтоб им говорити с нами. У нас с ними уже речи не было, потому и язык наш от истомы нашей во устах наших не воротится! И оне к нам на стрелах почали ерлыки метать».

В «ерлыках» турки предлагали казакам выкупить город. По версии Федора Порошина, турецкие парламентарии предлагали за «пустое место азовское» «по 300 тарелей серебра чистово, да по 200 золотых червонных арапских» на каждого участника осады. «И в том папи наши и полковники клянутся душою турецкой, что не тронут вас при отступлении. Идите с серебром и золотом нашим в свои городки к товарищам своим, а нам отдайте пустое место азовское». Возможно, это была попытка разложить гарнизон и выманить казаков из города на чистое место.

Казаки якобы написали в ответ: «Не дорого нам ваше собачье серебро и золото, у нас в Азове и на Дону своего много. Дорога нам, молодцам, слава вечная по всему свету, что не страшны нам папи ваши и сила турецкая».

Эмигранты приводят такие слова казаков: «Когда нам нужен был Азов, то мы его взяли, не торгуясь и не платя денег; когда нам понадобятся деньги, мы за ними сами придем, а коли тебе нужен Азов, попробуй его взять, как брали мы».

В целом казаки отрицают свое участие в переговорах на каких бы то ни было условиях. Но, как видно из других источников, после первых отбитых штурмов новая попытка переговоров все же была.

30 августа в Астрахани разведка, посланная под Черкасск и взявшая там ногойца, доложила со слов последнего, что переговоры были, и казаки согласились уйти из Азова в городки, но требовали, чтобы им отдали захваченные турками под Азовом струги. Однако турки и татары настаивали, чтоб казаки уходили из Азова «степью пеши и без ружья»⁵. Естественно, казаки на это не пошли, справедливо опасаясь измены и нападения в степи многократно превосходившего их турецкого и татарского войска. На стругах же им достаточно было миновать мелкие турецкие суда, вошедшие в Дон, а дальше они были бы неуязвимы.

По версии астраханского сына боярского Острикова, которую приводит Н.А. Мининков, казаки соглашались на «почетную (по более поздним понятиям) капитуляцию», хотели уйти из города «з женами, з детьми, и з животы»⁶. Турки же предлагали уходить «без ружей, и без жен, и без детей».

Возможно, инициатива уйти из города принадлежала той части казаков, которая, как мы помним, не возлагала на этот город больших надежд и готова была отдать его либо царю, либо султану. Последний трехдневный штурм, измотавший казаков бессонницей, конечно же, прибавил этой группе сторонников. Но турки, все еще уверенные в успехе осады, поставили невыполнимые условия – уходить без жен и без детей, пешими степью и без оружия. Как сообщали русские послы в Крыму, казаки «у царя (хана- А.В.) и у турецких людей прошаютца, вольно Азов отдают, и турецкие де люди заупрямились, казаков выпускать не хотят, а начаютца взяти их вскоре»⁷.

Турецкие условия привели к тому, что казаки заявили: Войско решило «Азова не отдавать и помереть всем заодно». Одновременно турок предупредили относительно будущих штурмов – если «будет де им сидеть в Азове не в мочь, и они де... наставят в городе под стенами бочки с зельем, и те бочки запалят и городовые де стены взорвут, хотя де их, донских казаков, и побьет, а живы де им не дадутца»⁸.

Как мы видим и увидим еще, и турецкие и донские источники не пишут или очень мало пишут о поражениях, зато много пишут о победах. В «поэтической повести», возносящей героизм осажденных, которые только и говорят о «славе вечной», просто неуместно было писать о переговорах с иным содержанием. Челеби же вообще ни о каких переговорах не пишет. Для

---

⁵ Мининков Н.А. Указ. соч. С.388.

⁶ Там же.

⁷ Там же.

⁸ Там же.

него переговоры с казаками, видимо, были тем же, чем являются в современном мире переговоры с террористами, удерживающими заложников.

После переговоров, как пишут казаки, «полегче нам стало, приступов больше не было». Начался новый этап осады и пошли события, которые датировать гораздо труднее.

Челеби, например, рассказав о трехдневном штурме и о последующих шести днях земляных работ, переходит к описанию случая, который не датирует: «Однажды четыре тысячи воинственных, храбрых как быки, казаков пришли по реке Дон на сорока фыркатах, чтобы оказать подмогу крепости Азов. Тогда силистровский вали Кенан-папа двинул по реке на эти суда газиев мусульман своего войска, которые стояли наготове в засаде вместе с пушками бал-емез. Всех их раненых они потопили и уничтожили, а тех, которые выбрались на берег, думая: «Ну, вот я и спасен!» - они забрали в плен, связанных и сокрушенных. Все войско захватило большую добычу. Тогда глашатаи принялись кричать: «Добыча – мусульманским газиям!».

В ту ночь все газии были счастливы; совершив полное омовение, они до утра оживляли (своим весельем) ночь».

В комментариях к тексту Челеби читаем, что в переводе Хаммера говорится о тысяче убитых казаков.

Интересно, что встретил казаков не капудан Сиявуш-папа, спрятавший свои суда в рукавах реки, а войска силистрийского паши, и огонь велся из тяжелых осадных орудий, то есть с берега. Следовательно, сражения на воде между судами не было, был огонь из засады, после чего турки добились и утопили раненых и связали уцелевших, выплывших на берег с разбитых ядрами стругов. О том, что были разбиты и потоплены все казачьи струги, не говорится, да этого, наверняка, и не было. Накрыть с берега реки огнем растянувшийся караван в сорок судов невозможно. Видимо, был расстрелян лишь авангард этой флотилии, а остальные отступили.

Казаки об этой попытке прорыва к ним помощи на судах ничего не пишут. Но по времени – примерно, вторая половина июля – к Азову должна была подойти помощь из верхних донских городков.

Интересно, что казаков встретили в засаде войска Кенан-паши, занимавшие окопы к западу от Азова у пригорода Коротояк. Выходит, что казачьи «фыркаты» подходили к Азову со стороны моря. Вряд ли это были запорожцы (хотя образ «храбрых как быки» казаков напоминает почему-то именно их, толстошеих, с бритыми головами), в источниках нет и намеков на попытку помощи запорожцев Азову извне. Скорее это казаки-верховцы выбрались в море окружным путем (может быть, по Миусу), а оттуда, с неожиданной стороны, пытались прорваться к Азову. Неудача, как показало будущее, их не остановила.

Челеби пишет, что казаки каждую ночь стали пробираться в крепость по пятьсот-шестьсот человек, «которые, раздевшись и погрузившись в воды реки Дон, (плыли), дыша с помощью взятой в рот камышинки. Таким образом они прибыли в крепость Азов, и она стала набираться свежих сил».

Так же подошедшие на помощь верховцы пытались подкрепить Азов снаряжением и оружием, «укладывая их на большие и малые бурдюки и пуская по течению реки Дон». Турки, наконец, догадались об этой уловке и устроили запруду, чтобы перехватывать подобные «посылки».

Под Азовом же в это время началась «минная война». Челеби писал: «В те дни от крепостных сооружений остались только одна башня на берегу реки Дон, одна башня со стороны суши, на участке (гробницы) Йогуртчу-баба, и одна башня на западной стороне. Другие башни были разбиты и разрушены до основания. Однако, так как осажденные в крепости кяфиры, подобно пробивающему горы Фархаду, зарылись в земле и устроили там свою ставку, они укрылись таким образом от (нашего) пушечного огня и обеспечили неприступность крепости. С какой бы стороны к ним не подбирались с подкопом и миной, они, как кроты, отыскивали подкопы и за ночь забрасывали вырытую из окопов землю обратно. Наконец, их знатоки (минного) дела прибегали ко всяким ухищрениям и сами устраивали подкопы. В искусстве делать подкопы они проявили гораздо больше умения, чем земляные мыши. Они даже показали мастерство проведения подкопов под водой реки Дон, используя для этого просмоленные, обитые варом лодки».

Тот же Куземка Федоров сообщал, что турки подвели шанцы и привели к городской стене земляной вал и из пупек сбили городские стены и башни до подошвы. Но казаки за «сбитыми стенами выкопали в городе ров, за рвом поставили острог (часток) и заметали его выброшенной землей и сами вкопались в ямы». Артиллерийский огонь этот укрепленный внутри часток землей вал не брал. Разрушить его можно было только взрывом снизу. Федоров рассказывал: «И турецкие люди подводили под них подкопы, а азовские де казаки у турецких людей подкопы перекапывали, а иные подкопы азовских казаков турецких людей подкопы сходились, и многих турецких людей побили». Турки якобы вели 17 подкопов, казака навстречу им выкопали 28.

Донцы в «поэтической повести» заявляют, что инициатива в этой войне принадлежала им. «И мы в те поры зделали себе покои великия в земле под ними, под их валом, дворы себе потайные великие. И с тех мы потайных дворов своих под них повели 28 подкопов, под их таборь». Выходит, что они подкопались под новый вал, но не взорвали его, а устроили там под ним «покои великие». Это было естественно, так как с вала турки из-за нехватки пороха пока не стреляли, да и у донцов, видимо, стала сказываться нехватка пороха. Далее донцы, расположившись под землей уже за турецкими траншеями, повели многочисленные подкопы к турецкому лагерю. Фактически это был переход в контрнаступление.

«И тем мы подкопами учинили себе помощ, избаву великую. Выходили ношною порою на их пехоты янычана, и побили мы множество. Теми своими выласками нощными на их пехоту турецкую положили мы на них великий страх, и урон большой учинили мы в людех их». Подобную

тактику казаки однажды успешно применили, когда в войсках Лжедмитрия I сидели в осаде в Кромах.

В Повести князя И.М. Катырева-Ростовского об этом говорится так: «Царевы же воеводы и начальницы поидоша со всем воинством под городок Кромы и тамо его облегоша, понеже седоша казацы в нем Растригины и много пакости творяше царевым людем. Царевы же воеводы стояше под городком три месяца и брани бесчислены творяше, и ис пушек из великих и из огненных непрестанно стреляху, и городок той запалиша, людие же городка того никак о сем ужасаша, но и паче укрепляхуся и людей царевых бесчисленно побиваху»⁹. Перед нами буквально копия азовского сидения, только отсиживаются казаки не от турок, а от войск Годунова.

Это была традиционная русская тактика, отработанная в многочисленных сидениях. Челеби связывает эти нападения с прибытием казакам помощи – «День ото дня воинственность (казаков) росла, они стали совершать налеты на наши окопы и предпринимать ночные нападения, а потом укрываться под землей». Подобная тактика не требовала больших запасов или особого оружия. Челеби пишет, что «они без всякого страха ходили по подземным ходам, проделывали отверстия в частоколах, в завалах и убивали выдвинувшихся вперед членов общины Мухаммеда».

Теперь, как видим, турки стали отгораживаться в своем лагере частоколами и завалами, а неосторожно высунувшихся казаки убивали из засад.

«И после того паши турецкия, глядя на наши те подкопные мудрые осадные промыслы, повели уже к нам напротиву из своего табору сем подкопов своих, - пишется в «поэтической повести». – И хотели оне к нам теми подкопами прийти в ямы наши, да нас подавят своими людьми велими. И мы милостью Божиею устерегли все те подкопы их, порохом всех их взорвали, и их де мы в них подвалили многие тысячи. И с тех то мест подкопная их мудрость вся миновалась. Постыли уже им те подкопные промыслы».

Получается, что семь из семнадцати подкопов – турецкие контрмины, которые они вели из своего лагеря против казачьих подкопов.

Видимо, турки пытались провести подкоп под земляные валы Азова и вели десять подкопов, но потерпели поражение в подземной войне, после чего казаки сами перешли в контрнаступление и осложнили жизнь всему турецкому лагерю.

Минная война ведется небольшим количеством людей. Но набег казаков из их «нор» беспокоили весь турецкий лагерь. Челеби писал: «Пока дела шли таким образом, воины ислама бездействовали. И тогда в армии стали возникать разные толки и пересуды... В окопах постепенно зрело недовольство. На мусульманских газиев напал страх, и они говорили: «Разве можно вести войну таким позорным способом?». Возникли многочисленные слухи, будто московский король идет с двухсоттысячным войском. Люди

лишились рассудка. В действительности эти сплетни распространял враг. Однако в то время они наводили страх на войско».

Многим ошалевшим от страха туркам, татарам и ногаям во время вылазок даже были видения. Видели они «мужа храбра и млада в одеже ратной, с одним мечом голым по бою ходяше, множество бусурман побиваше». И раны были страшные – «пластаны люди турецкие, а сечены наполю». То ли во время редких переговоров, то ли еще каким путем, но турки якобы спрашивали казаков: «Хто от вас выходит из града на бой с мечем?». Казаки ничего такого не видели, но на всякий случай отвечали: «То выходят воеводы наши».

Глава 7. Последний штурм. Конец осады.

Турецкое командование опасалось, что войска вскоре могут оказать открытое неповиновение: «(Надо помнить, что) янычары в один прекрасный день взбунтуются и уйдут из окопов, говоря: «Нет такого закона, чтобы мы оставались (в окопах) более сорока дней!».

Прекрасно зная обычаи янычарской службы, главнокомандующий именно к этому времени – 40 дней начала осады – обратился к султану.

9 августа в Константинополе было получено письмо – Хусейн-паша описывал ход осады и просил подкреплений.

15 августа к туркам подошло это подкрепление – 16 каторг с людьми и припасами.

Астраханский конный стрелец Иванов (крещеный татарин или ногаец), посланный лазутчиком в турецко-татарское войско, сообщал впоследствии о прибытии «прибылых людей с зелейною казною». Эти «прибылые» со своим «нарядом» «стреляли по Азову семнадцать ден днем и ночью, и достальные три башни збили по зубцы, а городовую стену выбили до подошвы, а в редких местах оставалось стены збито по зубцы».

Донцы в «поэтической повести» говорят, что на второй «горе» турки поставили весь свой пушечный «наряд», подтянули туда пехоту и даже спешили ногайскую орду. «И почели с той горы из наряду бить оне по Азову городу день и ноць беспрестанно. От пушек их страшный гром стал, огонь и дым топилися от них до неба. Шеснадцать дней и шеснадцать ноцей не премолюк наряд их ни на единый час пушечной. В те дни и ноци от стрельбы их пушечной все наши азовские крепости распалися – стены и башни все и церковь Предтечева и полаты збили все до единые по подошву самую.

А и наряд наш пушечной переломали весь. Одна лишь у нас во всем Азове городе церков Николина в полы осталась, потому и осталась, што она стояла внизу добре, к морю под гору. А мы от них сидели по ямам. Всем выглянут нам из ям не дали».

Таким образом, до первых чисел сентября турки, тратя подвезенную «зелейную казну», добивали азовские строения, и все их войско любовалось этим зрелищем.

Однако нужного результата эта повторная бомбардировка не достигла. Казаки отсиделись по ямам, хотя и лишились последней артиллерии.

Осада такими силами и при таком климате не могла быть продолжительной. Терский служилый татарин Теребердеев, посланный в Малый Ногай для проводывания вестей, 11 сентября сообщил, вернувшись в Терский городок, что под Азовом на «турских и крымских людей... пришли болезнь великая и голод»¹⁰.

Да и казакам в Азове было не легче. Они крепились, как могли. «А в сидение свое осадное имели мы, грешные, пост в те поры и моление великое и чистоту телесную и душевную», - говорится в «Поэтическом сказании». Но от жары, голода и вынужденной бессонницы бывали им видения. «Многие от нас люди искусные в осаде то видели во сне, и вне сна, ово жену прекрасну и светлолепну, на воздухе стояще посреди града Азова, ини – мужа древна власы, в светлых ризах». Прекрасная и светлолепная женщина бесспорно была признана казаками за Богородицу и многим из них говорила «умильным гласом»: «Мужайтесь, казаки, а не ужасайтесь!», пеняла «агарянам» за их работоторговлю и обещала исстрадавшимся донцам: «А души ваши примет Бог, имате царствовать со Христом во веки».

Атаманы были покрепче, но и им виделось, как из очей Иоанна Предтечи на иконе текли слезы всякий раз, как турки шли на приступ. И во время первого приступа слез набралась полная лампада.

Наступала осень. По закону в конце октября войска османской империи должны были возвращаться на зимние квартиры. Чтобы взять Азов оставалось последнее средство – штурм.

Челеби пишет, что турецкие военачальники собрали совет. Указывая на приближение «безжалостной, как сабля, зимы», они поставили вопросы, где найти укрытие для войск, где зимовать, заявили, что зимой невозможно получить подкрепления. Каждый подавал «тысячу советов».

Вот какое было принято решение: «В заключение Коджа Кенан-папа и кетхуда морского арсенала Пияле-ага распорядились: «Верное решение таким будет. Пусть глашатаи объявят о нем сегодня же, и пусть они предупредят: «Утром – общий приступ. Пусть приходит всякий, кто хочет (получить) тимар, зеамет и звание сипаехия. Пусть от (всех) семи отрядов войска будут записаны семь тысяч самых достойных и самоотверженных мужей». (Вы же) расставляйте для боя моджахидов из мусульманских газиев! Посмотрим, что покажет нам волшебное зеркало судьбы». На этом они закончили совет и прочитали Фатиху».

То есть, обещая повышение по службе, земельные наделы и причисление к привилегированному сословию, командование распорядилось набрать 7 тысяч лучших воинов, по тысяче от каждого отряда. Они должны были составить штурмовой отряд. Как видим, желающих идти на штурм становилось все меньше и меньше. Если на первый штурм двинулось все

пешее войско, то на второй бросались попеременно по десять тысяч человек. Теперь же в штурмовой отряд набрали семь тысяч.

Странным кажется механизм принятия решения. Почему «распорядились» командующий силистрийскими войсками Кенан-папа и кетхуда морского арсенала Пияле-ага? Почему умалчивается о главнокомандующем?

«(И тогда) настали среди газиев ликование и радость, - пишет Челеби. – Согласно войсковому реестру, из падишахского арсенала мусульманам было роздано семь тысяч сабель, две тысячи щитов, две тысячи ружей, сорок тысяч стрел, пять тысяч луков, шесть тысяч пик, пять тысяч ручных бомб-бутылок, а также припасы к самому различному оружию».

Отличительная черта профессионала – умение драться любым оружием, любыми подручными средствами. Профессионал бережет свое оружие. Оно дорого стоит. А он надеется вернуться из сражения и дальше зарабатывать себе на хлеб сохранным оружием. Поэтому он охотнее и не менее успешно будет драться любым оружием из падишахского арсенала. К слову сказать, у казаков тоже не было своего оружейного производства, все их оружие было «чужое» - купленное или трофейное. И вряд ли оно служило так долго, что передавалось по наследству.

Итак, под занавес осады турки отобрали лучших, которые должны были в рукопашном бою (семь тысяч сабель, шесть тысяч пик и всего две тысячи ружей) взять развалины города.

«Затем, в час добрый, с семи сторон ударили пушки и ружья, и из стана (мусульманского) войска раздался клич: «Аллах!». От ружейного огня и клубящейся черной пыли воздух стал темнеть. Но сильный ветер все разогнал, и стало видно, где друзья и где враги.

Войска мусульман острыми мечами вонзились в крепость. Крупа кяфиров направо и налево, они погнали их в цитадель. И вот в течение восьми часов шла такая же отчаянная битва, как битва при Мохаче».

В битве при Мохаче в 1526 году турецкие войска Сулеймана Второго разбили венгерско-чешские войска, после чего захватили часть Венгрии. Событие это было широко известно в Турции.

Далее Челеби приводит некоторые детали штурма.

«Бывалые воины, увидев такое положение кяфиров, пробрались к кабаньим капканам, установленным в подземных проходах, и устроили засаду. Однако проклятые (кяфиры) взорвали подземные заряды, применив дьявольскую хитрость, чтобы как ласточку швырнуть в воздух войско ислама». То есть турки, ворвавшись в город, обнаружили вход в подземный лабиринт, который казаки прокопали и из которого постоянно тревожили турецкий лагерь (центр его, как мы помним, был за городом, под насыпным валом). Естественно, они возликовали. Так радовались бы солдаты любой современной армии, захватив подземный командный пункт противника. Некоторые отряды стали распространяться по подземным галереям и даже пытались устроить там засады. Видимо, часть казаков во время турецкой атаки не отступила к цитадели, а ушла под землю и беспокоила турок оттуда.

Но подземные галереи оказались заминированными казаками, и мины сработали, выпрыгнув турецких смельчаков из подземелий «как ласточку».

«Свинец крушил тех, которые приближались к бойницам, - продолжает Челеби. – Час от часу войско ислама стало нести (все большие) потери убитыми. А с тыла подмога не приходила, и газии увидели, что настал решающий час».

Взрыв в подземельях, как явствует из сообщения Челеби, разрезал войска атакующих на две части. Одни уперлись в бойницы, другие, опасаясь новых взрывов, не рисковали перейти огромную воронку, образовавшуюся на месте взрыва, швырнувшего в воздух «войско ислама».

Далее Челеби живописует, как мучились газии под стенами азовской цитадели – «душа и мозг их (были измотаны), их желудки были пусты, движения стали медлительными, от ужасной жары и жажды они дошли до грани гибели».

Как только настало время заката, алай-чавуши (командиры отрядов) отозвали газиев из-под стен Азова. «Они же забрали с поля боя военную добычу – головы (кяфиров), ружья, разное оружие и прочие вещи, нагрузили тела погибших (мусульман) на пленных, и каждый их отряд направился к своему месту. Дав залп из ружей и залп из пушек, они совершили молитву по павшим в бою и погребли их тела. Раненым выделили средства на пропитание и прислали лекарей-хирургов».

По турецким данным, было убито 3000 казаков и 1600 взято в плен. У турок, по их же данным, погибло 1200 человек, из них 700 янычар.

Уцелевших щедро награждали. «Тому, кто принес вражескую голову, было пожаловано сто курушей, кто привел языка – один пленный, а на шапку таким прикрепляли иеленки, жаловали (также) повышением в чине тимары, зиаметы. А имущество тысячи двухсот мусульман, павших на поле брани, было сдано в государственную казну».

Отбив штурм ценой тяжелых потерь (если верить турецким данным), казаки не пали духом. «В ту ночь кяфиры снова трудились, как Фархад, - пишет Челеби, - и разрушенные стены крепости сделали столь же прочными и крепкими (как прежде). Они восстановили (тайники для) засад и бойницы и воздвигли как бы новую стену Искандера. Газии-мусульмане, увидев все это, пришли в уныние... И снова там и сям начался бой. Однако он уже не велся со всем сердцем и желанием, от души, как это было раньше. Как бы то ни было, они не проявляли теперь (прежнего) усердия и рвения, а передышки от сражений не было ни днем, ни ночью».

По последующим строкам Челеби можно определить хотя бы приблизительно время штурма. «(Между тем) до дня Касыма оставалось около сорока дней», - пишет он. День Касыма – 26 октября по старому стилю – знаменовал собой начало зимы. После него все военные действия в Османской империи прекращались. 40 дней до Касыма – 16 сентября. «Около 40 дней до дня Касыма» - видимо, все же первая половина сентября, поскольку войска под стенами Азова ждали начала зимы и окончания военных действий с нетерпением. На это нетерпение набавим еще недельку,

и, как увидим чуть позже, будем правы. Так что штурм и последующие вялые бои мы можем датировать 1 - 10 сентября.

Верхушка турецкого войска стала советоваться – «все везиры, векили, знатоки своего дела собрались вместе», - пишет Челеби.

Решение было следующим: «...Послать Бахадыр-Гирей-хана с семидесятитысячным войском и всадниками на разграбление страны московского короля до самой его столицы».

Посылать татар в поход на Москву в начале осени, не взяв Азова, было неразумно и просто нереально. Это, как мы увидим сейчас, была обыкновенная мистификация. «Когда Бахадыр-Гирей-хан со своим войском из татарских племен на четырнадцатый день после отправки вновь появился под стенами крепости Азов и присоединился к армии ислама, (доставив) сорок пять тысяч пленных, двести тысяч захваченных коней, несчетное число ценных предметов из меди, олова и фарфора, в угасших сердцах мусульманского воинства зажглась новая жизнь. И они устроили под крепостью Азов такой парад татарских (войск), подобного которому мир не видел со времен (утверждения) рода Чингизидов».

За четырнадцать дней орда при всем желании могла дойти до Воронежа, но никак не до Москвы. А нужно еще было время на сам грабеж и на возвращение. Просто турки заставили крымского хана подвести под Азов основную массу непосредственно крымских татар, которая все это время под городом не появлялась, поскольку не смогла бы там прокормиться. Под Азов, как мы помним, первыми явились ногайцы – крымский авангард. Остальная орда все это время кочевала где-то на Миусе. О массовых набегах татар в это время на русские земли или хотя бы на зесечную черту русские источники не сообщают. О разорении татарами казачьих городков тоже нигде не говорится. Да и не набрали бы там татары сорок пять тысяч пленных, и пятой доли не набрали бы.

Однако приход под Азов огромного количества всадников, которые якобы только что возвратились из удачного похода на Москву, должен был поднять дух турецкого войска. Отсюда и парад, «подобного которому мир не видел».

Татары якобы даже торговали добычей. «Ввиду того, что татарское войско пришло с большой добычей и добра было много, конь продавался за один, а незамужняя девушка за пять куршей».

И за благополучие татар был дан троекратный залп из пушек и ружей».

На казаков этот приход тоже произвел впечатление. Боевой дух осаждающих турок был подорван, их казаки не боялись, но свежее победоносное семидесятитысячное татарское войско могло просто захлестнуть волной, завалить своими телами разрушенные азовские укрепления.

Казаки заколебались. Челеби сообщает: «В ту же ночь из крепости вышла и была схвачена группа голодных и несчастных людей. Одни из них были одарены, другие – удостоены принятия в ислам». В комментариях к

Челеби сказано, что из крепости вышло 70 казаков. Остальные уцелевшие продолжали удерживать азовские развалины.

Перебежчиков одарили. Видимо, теперь снова пытались подкупить защитников. Но время ушло. «Татарский парад» не сработал.

«Между тем, уже начиналась сказываться беспощадная зима Азовского моря. Все боялись жестокой зимы и снова собрались на совет, - пишет Челеби. – Все сведущие в делах мужи и татарские старейшины, при полном единодушии и согласии, составили прошение на высочайшее имя, приложили к нему триста печатей и отправили в столицу государства. Содержание его было таково: «В этом году завоевание этой крепости невозможно. Наступила зимняя пора. Грабежи и опустошения произведены до самой древней столицы московского короля. Взяты в плен до семидесяти тысяч кяфиров. Сто тысяч их порублено саблями. Московский король как следует получил по заслугам».

После того как было отправлено это послание, двум пленным, понимавшим по-турецки, была по (нарочитой) небрежности дана возможность сбежать в крепость. Оказавшись внутри ее, они сообщили укрывшимся в крепости: «Турки говорят: «Была бы нашей главной целью крепость, мы бы взяли ее в течение месяца. Но мы хотели только дать урок московскому королю, разграбить и опустошить вон сколько его земель и областей, взять в полон его людей. И мы сделали это».

Таким образом, неудачную осаду Азова лживое донесение турецкого командования в Стамбул превратило в победоносную войну со всем Московским государством. А что касается многочисленных трофеев, то пусть султан и его приближенные расспросят о них у татар.

И посылка двух пленных с дезинформацией в Азов имеет целью не оправдание – «почему мы вас не убили и город не взяли», - а очередное запугивание, чтобы казаки из Азове не напали на турецкие войска, когда те начнут отступление.

«О Божья мудрость, - восклицает Челеби, - в ночь, когда гонцы отправились к Порогу (в Стамбул – А.В.), был такой жестокий мороз, что войско ислама едва не полегло в землю. После этого (воины) поняли, что в Кыпчакской степи и на Черном море нет им безопасного пристанища. В конце концов войско отчаялось.

Когда же в согласии знать и простоллюдины отказались от ее завоевания, то и правое и левое крыло войска заиграли на трубах отбой, и, погрузив свое снаряжение на суда, оно двинулось от крепости, не добившись победы и говоря: «Такова, видно, воля Божья, таково Божье предначертание».

(Войска) прибыли в Балысыра, а там их дожидался падишахский флот. Воины всех эйялетов были отпущены и разъехались кто сушей, кто морем».

Вот так. Коротко и быстро.

На самом деле, чтобы вывести армию из-под Азова и распустить ее по домам, надо было провести большие подготовительные работы. Одна

погрузка снаряжения на суда, чтобы сплавить его по Дону до основной части флота, должна была занять много времени. Видимо, эти подготовительные работы начались, когда крымскому хану отдали приказ начать фиктивный набег на Москву, то есть около 10 сентября. Сам же отход надо было провести быстро и организованно, чтобы сразу оторваться от противника и беспрепятственно сесть на морские суда в Балысыра.

Эта операция была проведена турками профессионально. Казаки до самого конца не догадывались о времени, когда будет снята осада. В ночь, когда ушли турки, казаки наблюдали за валом, где стояла турецкая артиллерия (видимо, турки не снимали ее с позиций до последнего), и было им чудесное видение: «А нам, казакам, в ту же ночь, с вечера в виде се всем виделось: по валу бусурманскому, где их наряд стоял, ходили тут два мужа леты древны. На одном – одежда иерейская, а на другом – власяница мохнатая. А указывают нам на полки бусурманские и говорят нам: «Побежали, казаки, папи турецкие и крымской царь ис табор. И пришла на них победа Христа, сына Божия с небес от силы Божия». То есть, по казачьей версии, сведения об уходе турок из лагеря они получили в ту же ночь с вечера от чудесного видения.

Казаки-эмигранты в журнале «Родимый край» приводят другую версию. Защитники Азова якобы были на грани отчаяния. В ночь с 27 на 28 (?) сентября они собрались у часовни иконы Иоанна Предтечи всю ночь молились и утром решили выйти в из города и пробиться к Дону. Утром они действительно вышли с иконой из города и хотели двинуться вверх по Дону, но оказалось, что турки уже ушли.

В «Поэтической повести» говорится: «А сентября в 26 день в ноци от Азова города турецкие папи с турки и крымский царь со всеми силами за четыре часа до свету, возмьтась окаянные и вострепетась, побежали, никем нами гоними... И мы, как послышали отход их ис табаров, ходило нас, казаков, в те поры на таборы их тысяча человек. И взяли мы у них в таборех в тое пору языков, турок и татар живых, четыреста человек, а болных и раненых застали мы з две тысящи».

То есть, турки ушли не преследуемые, бросив в лагере всего лишь одну сотую часть войска больными и отсталыми. Воистину это была первоклассная армия!

Возможно, что турки и отступили как раз в ту самую морозную ночь, когда отправили гонцов в Стамбул. Решение принято. Чего ж еще ждать?

Не случайно пленные турки «в распросех и с пыток говорили все единодушно» казакам, что в ночь их ухода было и им, туркам, видение: «В ноци с той с вечера было нам страшное видение. На небеси, над нашими полки бусурманскими шла великая и страшная туча от Руси, от вашего царства Московского. И стала она против самого табору нашего. И перед нею, тучею, идут по воздуху два страшные юноши, а в руках своих держат мечи обнаженные, а грозятся на наши полки бусурманские... От тово-то страшново видения бег пашей турецких и царя крымского с таборов».

Два юноши с мечами в руках могли, конечно, туркам привидеться, но великая и страшная туча с севера явно знаменовала собой наступление осеннего похолодания, заморозков. Да и казаки, возможно, особо не преследовали, потому что прятались от холода под землей.

Глава 8. Судьба Азова. Казаки временно оставляют город.

Итак, в ночь с 25 на 26 сентября турки ушли.

По расспросу первых языков выходило, что у турок и татар побито 20 тысяч человек. 2 октября с этими сведениями отправился в Москву со станицей сам Наум Васильев.

9 октября вышли казаки в море за языками. Языков взяли и те рассказали, что турки, отплыв от азовского берега, стали «смечать» оставшихся, и потери их составили 70 тысяч.

7 февраля Осип Петров направил от Войска отписку, что потери у турок и татар составляют 70 тысяч человек. Сослался при этом на данные морской разведки, выходившей в море 9 октября, сослался на татарские языки, те тоже подтверждали, что общие потери – 70 тысяч, а сам хан умер, не доезжая Крыма, на Молочных Водах, да 29 января приезжал татарин разменивать пленных родственников и ту же цифру назвал – 70 тысяч. А 20 тысяч убитых, что явствовало из расспросов первых языков, выходило числом ошибочным.

Сомнения вызывают и число погибших врагов и сама система подсчета. Турки, выйдя в море, могли подсчитать только количество перебитых турок. Вряд ли татары и черкесы отчитывались перед ними о числе своих убитых, да и не могли татары и черкесы потерять столько, поскольку в крупных боях практически не участвовали.

И для турок такие потери черезчур уж велики. Бросить в оставляемом лагере 2400 человек (это количество называли сами донцы) – каждого сотого – в подавляющем большинстве больных – это реально, и это показатель высокой боеспособности турецкой армии (русская армия, покидая в 1812 году Москву, оставила в ней более 10 тысяч раненых – каждого десятого). Но растерять после этого по дороге в 36 верст, пока не дошли до кораблей, еще 50 тысяч – в это верится с трудом.

Скорее всего, татары, ногайцы и черкесы в боях почти не пострадали, потери понесли в основном от болезней (и то, если в лагере вместе с турками находились, а не кочевали поблизости). А сами турки и вассальные войска из Трансильвании, пугурмовавшие Азов, копавшие подземные ходы и отбивавшие круглосуточно казачьи вылазки, действительно могли понести потери в 20 тысяч убитыми и умершими в лагере от болезней.

Так что турецкие потери в отписке сознательно донцами завышены. Этой отпиской давили донцы на Москву, показывали, что потери турок невиданно огромны, и в ближайшее время ждать нового турецкого похода не приходится.

Казаки, оборонявшие Азов, потеряли две трети своего состава. Остальные многие были переранены. Видимо, та тысяча казаков, бросившаяся в опустевший турецкий лагерь, и составляла весь гарнизон Азова.

После снятия осады и ухода турок и татар победители-донцы сразу же отправились с радостными вестями в Москву. Как мы уже писали, 2 октября отправился Наум Васильев с есаулом Федором Порошиным и 24 казаками. В Москву он прибыл 1 ноября и оставался в столице аж до 4 июля 1642 года. Создается впечатление, что он не хотел или боялся вернуться на Дон.

Наум Васильев привез грамоту, написанную 28 сентября (хотя помечена она была ошибочно 28 октября). В грамоте казаки писали, что осада началась 7 июня, описывали ее ход, писали, что турки разбили три «города», а казаки «отсиделись от них в четвертом в земляном городе и в земляных избах с великою нужею и терпением». Царю сообщали, что город отстояли, но сами «разорены до основания» и город могут бросить – «а люди де у них вольные, великую такую нужу терпев, многие пошли врознь, а иные многие побиты и переранены, а они достальные покинуть тово места не смеют». Опять предлагали царю взять Азов себе в вотчину или в вотчину царевичу Алексею, поскольку Азов они у турок отобрали «на счастье» Алексею Михайловичу и «отсиделись своею ж кровью на ево ж государское счастье, им государем в вечную славу и в вотчину». В заключение просили прислать к Рождеству в Азов царского воеводу, иначе грозили город бросить, поскольку у них «перераненых, без глаз, и без рук, и без ног стало много».

Естественно, победа казаков над столь многочисленным турецким войском произвела в Москве фурор. Царь и бояре медлили с ответом месяц.

2 декабря 1641 года на Дон было отправлено послание, в котором перечислялись и подтверждались все сообщенные казаками сведения, и за все сделанное, «за тое вашу службу и за радение...», - писал царь, - милостиво похваляем и станичников ваших атамана Наума Васильева да есаула Федора Порошина с товарищи пожаловали нашим царским великим жалованием».

По сути казачьих предложений ответ был таков: на Дон с жалованием в 5 тысяч рублей и с милостивыми словами были посланы дворянин Афанасий Желябужский и подьячий Арефий Башмаков; хлебные запасы, порох, свинец и сукно обещали выслать весною, когда будет возможен водный путь – «ныне зимним путем послати к вам немочно, то вам мочно и самим знати, и вы б о том не оскорблялись». Что касается самого города, то Желябужскому и Башмакову было приказано Азов «досмотрети и переписать и на чертеж начертить, и о том наш, царского величества, указ и повеление будет вскоре». Казаков просили послов (Желябужского и Башмакова) не удерживать, но побыстрее отправить в Москву, а сами б казаки и впредь «своей чести и славы не теряли, за истинную православную христианскую веру и за нас, великого государя, стояли по-прежнему крепко и неподвижно и на нашу государскую милость и жалованье во всем были надежны».

Желябужский и Башмаков добирались до Азова долго, прибыли только 25 января. Они пересмотрели, где какие вокруг города укрепления и в каком они состоянии. Азов имел вид плачевный. О внешних стенах на 526 сажен и речи не было. Ров вокруг города весь был засыпан камнем этих обрушившихся стен. Из 11 прежних башен сохранилось всего 3, да и те были испорчены.

В Таш-кале сохранилась на 10 сажен стена со стороны Дона, которая тянулась от наугольной башни к степи. Но зубцы были на ней сбиты и сама она кое-где проломлена. Наугольная башня была сбита и городовые стены «сбиты ж».

В Тапрак-кале «палаты» были сбиты. Средняя городовая стена меж Азовом и Тапрак-кале и меж Азовом и Таш-кале – сбита до середины, «а кое-где и много, а кое-где до земли».

Желябужский и Башмаков пришли к выводу, что начертить тут ничего нельзя, все разбито, испорчено, да и чертежника нет.

Казаки же уверенности не теряли и предлагали на старом месте возвести земляной город. Такой «нарядом не разобьют». А здания построить по казачьему обыкновению, благо «дёрну и хворосту и камышу много и блиско».

Желябужский и Башмаков с казаками не спорили и в разоренном Азове не засиживались, 7 февраля выехали и 8 марта уже представили отчет царю и боярам. Вместе с ними с Дона в Москву отправились атаман Абакум Сафонов, есаул Роман Родионов и 15 казаков. Чтобы не смущать московских людей насчет будущего Азова, казаки обещали в посланной с ними грамоте оставить в Азове только московский гарнизон, а самим разойтись по своим старым городкам.

Но пока царские посланцы ездили в Азов и обратно, измеряли засыпанные рвы и разрушенные стены, вопрос был практически решен.

Турция была потрясена поражением под Азовом еще больше, чем Москва. Донские казаки, желая показать, что турки отныне не опасны, доносили о репрессиях, которые обрушились на турецкое командование, шли вести, что «турский царь на них ополчился и многих папшей четвертовал и вешал». На самом же деле молодой султан не был пока так силен, чтобы казнить своих неудачливых военачальников. Главнокомандующий сухопутными силами Дели Хуссейн-паша впоследствии был назначен наместником Румелии, а затем – главнокомандующим всем османским флотом. Сиявуш-паша, командовавший под Азовом турецким флотом, действительно был смещен, но вскоре вновь возвысился, стал наместником Силистрийско-Очаковского эялета. Его заместитель Пияле-ага стал командовать флотом, и казнили его только в 1644 году, когда молодой султан «вошел в силу» и стал окорачивать всех, кто мог бы только попытаться «затмить солнце вселенной». Хан Бахадыр-Гирей умер своей смертью через два дня после возвращения из похода.

Да и в разрастании конфликта с Москвой Турция не была заинтересована. Впереди турок ждала война с Венецией из-за господства в

Средиземноморье. Поэтому 30 декабря 1641 года в Москве получили присланный молдавским воеводой проект нового русско-турецкого соглашения.

Но и отказываться от предлагаемого казаками Азова было жалко.

Как водится в таких случаях, московские люди решили посоветоваться. 3 января 1642 года в Москве собрался Земский Собор. На Соборе поставили вопросы: разрывать ли с турецким и крымским царями из-за Азова и принимать ли Азов от донских атаманов и казаков? Если принять Азов и начать многолетнюю войну с Турцией, то где брать великие деньги и многие запасы на эту войну?

Многие дворяне и дети боярские были за войну с турками и татарами и за оставление Азова за Москвой. Большинство же жаловалось на скудость и разорение и новой войны боялось. Но и против не высказывались – «в том его государева воля». От Соборного акта 1642 года конца не сохранилось, и что Собор решил – неизвестно. Царь же и бояре решили Азов туркам отдать. Как писал впоследствии С.М. Соловьев, «все внимание было обращено на запад, все силы государства были направлены туда»¹¹. То есть, не до Азова было.

А тут как раз явились Желябужский и Башмаков из Азова, а с ними Сафонов и Родионов, с вестями, что Азов держать нечем и нечем...

30 апреля на Дон отправили грамоту, в которой, как обычно, расписывали «предысторию» всего дела, что просили казаки царя город принять, а если царь города не примет, то разойдутся, а царь де послал своих людей город посмотреть, а Желябужский и Башмаков якобы донесли, что «город Азов от турецких и от крымских людей разбит и разорен весь до основания; а вскоре того города поделати некоторыми мерами нельзя, и от приходу воинских людей сидети не в чем». Да и приехавшие с Желябужским казаки привезли в грамоте отписку, что Азов де держать нечем. С другой стороны, узнали де на Москве, что турецкий султан Ибрагим идет на Азов с многими силами, больше прежних, хотят осадить Азов и идти дальше воевать украинные московские города.

После такого вступления в грамоте говорилось: «И ныне нам города Азова принять и воевод и ратных людей послать не к делу, и быти им в таком разоренном месте не мощно...». Далее вызвали де бояре Наума Васильева и всех казаков, что были на Москве, и передали им такие царские слова: «И жалея мы, великий государь, о вас, атаманах и казаках, и о всех православных христианах, чтоб кровь христианскую уняти, город Азов велели покинуть и из него вам выгнати на старые свои места, в которых местах преж сего жили, чтоб вас неверные бусурманы, пришедши, не побии. А мы, великий государь, и вперед учнем вас, атаманов и казаков, жаловати нашим царским жалованием по-прежнему, как учнете жить на прежних своих местах».

И Наум Васильев с товарищами якобы сказали боярам, что рады исполнить любую царскую волю, а чтоб быстрее эти вести дошли и чтоб турки и татары казаков в Азове врасплох не застали, пустят степью через Валуйки своих товарищей, 15 казаков с есаулом Романом Родионовым. И казакам тем дано по 30 рублей на лошадей, чтобы было у них по две лошади добрых. А с этими казаками и с грамотой послан дворянин Михайло Засецкий.

Заканчивалась грамота предупреждением: «А только вы, атаманы и казаки и все Донское Войско, нашего государского повеления не послушаете, из Азова до прихода турецких и крымских воинских людей ныне вскоре не выйдете, и которое над вами учинится кровопролитие, и то вам будет самим от себя, и нашего государского жалования и запасов никаких вам в Азов не пошлют потому, что вам в таком разоренном месте пробыти от таких многих турецких и крымских воинских людей немочно...

Да как вы из города Азова на старые свои места выйдете, и вы б о том тотчас отписали к нам к Москве с Михайлом Засецким и проводить его велели».

Засецкий, Родионов и 15 казаков помчались из Москвы в Азов, а Наум Васильев и Абакум Сафонов с остальными казаками еще долго, целых два месяца, оставались в Москве, не решаясь, видимо, вернуться на Дон после провала своей миссии.

Примерно в это же время, около 1 мая 1642 года, большинство казаков, бывших в Азове, покинули город, оставив там в качестве передовой заставы небольшой отряд. После страшных потерь во время осады Войско Донское резко сократилось и по количеству людей было отброшено, видимо, до уровня начала XVII века, когда на Низу насчитали 1888 казаков. Удерживать такими силами Азов против нового нашествия казаки не могли.

А Засецкий с Родионовым как ни спешили, а добрались до Азова только 28 мая. По дороге на Северском Донце перехватили их черкасы, то есть, запорожские казаки. Запорожцы были, конечно же, против оставления донцами Азова. Пока донцы держали Азов, была дополнительная возможность вместе с ними выходить в море, если турки или поляки низовья Днепра перекроют. Это во-первых. А во-вторых, пока донцы держали Азов, невозможен был союз Москвы и Турции с Крымом против Польши, и крымчаки ходили бы за полонем на московские города, а не на Украину.

Черкасы московское посольство «погромили и побили» и грамоту у Засецкого отобрали. Но сам Засецкий с остальными казаками смог уйти на Дон, где и объявился 28 мая без грамоты, однако сказал все устно. Видимо, целью запорожцев было отобрать царскую грамоту, иначе вряд ли они выпустили живым Засецкого со товарищи. А те, конечно же, были у запорожцев в руках. Как бы те по-другому грамоту отобрали?

Понадеялись черкасы, что донцы без грамоты Засецкому не поверят. Но донцы поверили. А если б и не поверили, сил удержать Азов все равно не было.

На глазах Засецкого остатки донцов покинули Азов и ушли на Махин остров.

Впоследствии донцы сложили об оставлении Азова легенду. Дескать уходили оттуда 500 казаков из них 100 были переранены. Уходили с обжитого места с женами и детьми. Шли медленно – две недели и два дня. А отойдя, поставили монастырь во имя Иоанна Предтечи и Николая Чудотворца и в нем две церкви деревянные, а игуменом в нем служил черный поп Серапион.

С Засецким в Москву отправили атамана Степана Иванова и есаула Герасима Иванова с отпиской, что Азов оставили и ушли на Махин остров.

В опустевший Азов через два-три дня вошел небольшой татарский отряд, но, покрутившись среди развалин, быстро вышел. А 11 июня к Азову подошла и вся турецкая армия во главе с родственником султана Джуван-капуджибаши Мехмед-пашой, а известный Пияле-паша подогнал турецкий флот.

Турки три дня «отдыхали», не приближаясь к развалинам. Страшно им было, и, помня прошлую минную войну, подозревали они, что Азов не так уж и пуст, и здесь, «вероятно, замешана какая-нибудь хитрость и дьявольская проделка кяфиров». Но развалины города действительно были безлюдны, и, наконец, собравшись с духом, турецкие войска вступили в оставленный казаками Азов...

Все начиналось сначала. Царь отпустил на Дон засидевшееся на Москве посольство и прислал грамоту, в которой обещал держать казаков на жаловании по-прежнему «и смотря по вашей службе». Было прислано и жалование – двести поставов сукон «настрафило и англинских» и две тысячи рублей денег. Особо жаловался Осип Петров, для которого с Москвы передавали «сукно лундыш да камку добрую». Помимо этого из Воронежа должны были прислать 2500 четь хлеба да 200 ведер вина, а из Тулы 250 пудов «зелья ручного» да 500 пудов «зелья пушечного» да еще 300 пудов свинцу.

Казакам наказывалось встречать и провожать, как и обычно, московских и турецких послов, и чтоб «с турецкими людьми, которые ныне в Азове будут, помирились, и жили с ними смирно, задоров никаких не чинили, и на море не ходили, и судов не громил, и сел и мест турецкого не воевали».

В 1643 году новое посольство в Турцию – князь И.Д. Милославский и дьяк Л. Лазаревский – в лучших традициях вновь отказалось от казаков и поругало их, обозвав ворами и разбойниками.

Со времени оставления Азова и до весны 1644 года войсковым центром становятся по-прежнему Раздоры. А 30 апреля 1644 года войско переносит свою главную квартиру в Черкасск, поближе к азовским стенам, и начинает новый этап своей истории.

В 1645 году начнется турецко-венецианская война. А казакам в том году предстоит выдержать долгую и мучительную осаду Черкасска. Будет войско на грани исчезновения, и на следующий 1646 год «кликнут клич по

всей Руси Великой», чтоб шли вольные люди на Дон в казаки. И явится тех около трех тысяч, и в тот же год уйдут они со старожилыми казаками мимо Азова в море жечь и разбивать турецкие суда и грабить приморские города и деревни.

А отстроенный турками Азов казаки возьмут через полвека вместе с русским царем Петром Первым, который чуть позже пустит донским казакам столько крови, сколько не пускали им ни турки, ни татары вместе взятые...

Но это уже другая история, не менее интересная и не менее трагическая.

Азовская эпопея 3.

Глава . Новое противостояние.

Очередное противостояние продолжалось более полувека и закончилось так, как никто не предполагал и никто из участников не хотел.

Вернувшись в Азов, турки наново стали строить город. Упорно рыли землю, долбили и возили камень, возводили стены. Хвалились турки, что новая крепость стала прочнее Генуэзской башни, и гарнизон новый поставили – 20 ода янычар, 6 ода топчу (пушкарей) и 10 ода джебеджи (оружейников). Пушек натапили дальнобойных – бел-емез – 70, кулеврин – 40, а больших полевых – шахи – 300. И еще подвели под Азов 7 тысяч татар Каратайка – охранять окрестности.

Казаки, утомленные войной и осадой, разбрелись по своим городкам, надеясь, что турки тоже устали и нападать не будут. Но турки и татары, вдохновленные тем, что своего добились, город вернули, решили казаков извести. На весь Дон, на все городки и станицы, у них времени не хватило бы, но за ближайшие к Азову казачьи гнезда османы взялись серьезно. В 1643 году взяли они приступом главный на то время казачий городок Монастырский и поравняли с землей.

Низовое Войско Донское, дрогнув от этого удара, откатилось назад, в Раздоры, и засело на этом укрепленном острове.

В Раздоры к казакам прибыли от царя князь Илья Данилович Милославский и дьяк Леонтий Лазаревский. Ехали они к туркам в Константинополь и попытались дать казакам возможность помириться с турами. Обычно при приезде послов казаки с турками и азовскими людьми мирились и царских посланцев к Азову доставляли. Но азовцы о перемирии и слышать не хотели, и прямо при посланниках осадили большими силами Раздоры.

Казаки свой главный город к обороне всегда готовым держали. Хитрая

система укреплений, внутренних каналов с перемычками делали это гнездо для вражьего войска неприступным. Разве что с большим пушечным нарядом приходить. По числу ворот и расположению насыпей напоминали раздоры московский Кремль. Внутренняя гавань скрывала казачьи суда в самом городке.

Азовцы ничего этого не знали, сунулись неосторожно, ну им и дали. Показали, что есть еще силы у казачества.

После этого побоища азовские люди поостыли и царских посланников в Азов пропустили. Затишье установилось. Обессиленные донцы пытались в море по обыкновению выйти, но собралось людей всего на 15 стругов. Да и те до моря не дошли, струги на реке бросили. Потом уже, через время, когда послы русские и турецкие из Константинополя назад ехали, выходили донские казаки их встречать и увезли князя Милославского и турка Мутафир агу в Раздоры, откуда и предстояло послам пробираться в Москву.

«Мы ныне наги, босы и голодны, - отписали казаки в Москву об этой своей службе, - за тебя, государь, терпели в дороге от Азова до Раздор все бедность и стыд и от сего стыда многие из казаков померли». Вот и верь, что стыд – не дым, глаза не выест.

Но, претерпевая разорение и стыдясь своей бедности, высунулись донцы опять к Азову, перенесли Главное Войско на остров в Черкасский городок и засели здесь, стиснув зубы.

Зимой с 1645 на 1646 год нагрянули сюда все соседи-недрузи, хотели это осиное гнездо разгромить, пока не укрепились здесь казаки окончательно. Отписали донцы в Москву: «а нынешнюю, государь, всю зиму мы. Бедные и беспомочные холопи твои, сидели в низовом Черкаском городке от ногайских улусных и от черкас темрюцких и от крымских воинских людей в осаде, выезде, государь, и выходу нам вон из городка за рыбою и за дровами никуды от них не было, голоду и холоду мы, холопи твои, от них натерпелись, и многие, государь, у нас люди с стыда и голодною смертию поумирали; а кочевали, государь, те ногайские улусы во всю зиму в нижних

наших старых юртах по Махину и кругом нашево Черкассково городка, от нас только в версте, а в ьных местах и меньше версты; и приходы, государь, и приступы, к нам были под Черкасской городок азовских и крымских, и черкес темрюцких, и ногайских улусных людей частые, большим собранием, и бои и кровопролитие было у нас с ними великое».

Описав все свои горести, сообщили донцы, что собирается на них снова азовский папа с татарами, черкесами и ногайцами, «а помощи, государь, и заступления мы, опричь спаса и пречистые богородицы и тебя, праведного великого, государя, ни от кого себе не имеем...». Повез эти жалобы и просьбы Иван Каторжный.

Жалобы те в Москву попали вовремя. Очень уж крымчаки русским досадили...

Новый царь, Алексей Михайлович, на чье имя они Азов брали и защищали, повелел собрать по всем южным российским окраинным землям оставшихся вольных и слать их на Дон, где и оставить на казачьей службе, да от Астрахани и с Терека верных татар и казаков донцам на помощь направить. Опять же жалование послали громадное, доселе невиданное – 3000 четвертей хлеба. 300 ведер вина. 300 пудов пороха, 300 пудов свинца. 500 пудов смолы, 500 пудов железа, 200 пудов конопати, 10000 аршин холста, 100 поставов сукна.

Кондырев с набранными «по кличу» вольными людьми (а набралось их тысячи три) прибыл в Черкасский городок 27 мая, князь Пожарский из-под Астрахани – 16 июня.

Прибывший с «добровольцами», которые только и знали, что бедой трясли, Ждан Кондырев имел царский приказ вместе с казаками идти морем к берегам Крыма, а князь Семен Пожарский с астраханскими войсками должен был идти степью на Перекоп. При этом царь настаивал, чтоб Азова с его турецким гарнизоном ни в коем случае не трогали. Война де ведется исключительно с разбойниками-крымчаками, а отнюдь не с Оттоманской империей.

Ничего не вышло. Ни Ждан Кондырев, ни князь Семен Пожарский не представляли, с кем они связались.

Выяснилось внезапно, что для морского похода потребно 200 стругов, а их всего налицо 30. И тут же пришли известия, что крымчаки большими силами уже подходят к Азову. Казаки сразу же заговорили: «Мы в море пойдем, а эти нам городки разорят...». Потом вроде бы согласились идти в море, но не хотели брать с собой Ждана Кондырева и даже царю объяснительную написали: «потому, государь, что он жил при твоей государьской светлости и человек он нежный, а наши, государь, нужи и морских походов и пешие службы ему будет не терпеть». И дальше долго расписывали все трудности морских походов, к которым оный Ждан непривычен.

А потом собрали круг и стали подбивать всех пришедших идти именно на Азов...

Атаман Осип Петров им внушал, что нет на то царской воли, да в Константинополе еще и русские посланники сидят, вроде как заложники у турок. Круг казачий Осипа Петрова не слушал. Казаки громогласно требовали идти на Азов, потому что им от азовцев впредь на Дону жизни не будет.

Послали они от своего круга людей к князю Пожарскому, чтоб с войском на Азов шел. Князь Пожарский ответил твердо, что Государь запретил ему против турок воевать. Но стрельцы астраханские презрели и княжескую и царскую волю (известно, кого в Астрахань на службу посылали) и объявили, что идут совокушно с казаками на Азов. 700 человек их присоединились к казачьему кругу. И еще на Азов согласились с великой охотой идти стрельцы терские, гребенские казаки и черкесы с татарами, которых привел на Дон с Гребня по царскому указу князь Муцал Сенчелевич Черкасский. Таковых гребенских людей оказалось 1200.

Здесь же разделились они все на два отряда. Войсковой атаман, уступая воле казачьей, рассадил своих казаков по стругам, взял с собой многочисленный наброд из вольных, пришедших с Жданом Кондыревым, и

двинулся на Азов Доном. А конные донцы, гребенцы, стрельцы, черкесы и татары поспешили следом за ним левым берегом Дона.

Все это случилось стремительно. 18 июня, через два дня после прихода войска князя Пожарского, начался поход. Чего они надеялись в только что отстроенном Азове найти, какие богатства, непонятно. Жителей там почти не было, один гарнизон стоял...

Рано утром, на заре, явились они внезапно под азовскими стенами и ворвались в земляной город – Тапрак-Кале. Но турецкая артиллерия с каменных стен ударила и смела вошедших за вал и ров.

Но волна казачья, отхлынув от азовских стен, покатилась дальше, обтекая город. В заливе стояли турецкие корабли, прибывшие с припасами. Команды их, как только слышали внезапную пушечную пальбу, перепугались, решили на Крым уходить. Казачьи струги, проскользнув мимо Азова, бросились за кораблями вдогонку, настигли, три корабля потопили, а два захватили. Сопротивления не встретили. Турки корабли побросали и на легких сандалах удрали в сторону Керчи, а брошенные ими на кораблях греки отбиваться и не пробовали.

Те же казаки и стрельцы, что шли на Азов левым берегом, отбитые от городских стен, обрушились на охраняющих город татар, порубили их и разогнали.

25 июня вернулись казаки на стругах в черкасский городок, подогнали два захваченных корабля, а на кораблях 36 пушек и 5 захваченных знамен, а помимо того, запас – пшеница, просо, вина разные, и корабельная оснастка – паруса, якоря, канаты.

Еще под Азовом, погромив татар, узнали, что кочует неподалеку, на речке Ее ушедший из-под Астрахани изменник Шатемир мурза Юсупов с улусом своим. Срочно известили о том князя Пожарского, и тому – деваться некуда – пришлось с верными своими людьми ушедшее на Азов войско догонять и изменника Шатемира вместе преследовать.

Шатемиров улус по летней жаре неспешно брел к Кубани. 2000 телег

скрипели на всю степь. Тут татар и накрыли. Порубили несчетно и добычу взяли громадную – 7000 пленных обоего пола, 6000 голов рогатого скота и 2000 овец. Овцы во время казачьего нападения в великом страхе рассеялись по всей степи, оттого их так мало и захватили.

Дальше прямо на поле боя без опаски стали добычу дуванить. Тут казаки и князь Муцал Черкасский переругались с князем Пожарским. Пожарскому ничего из добычи давать не хотели и в запальчивости даже стреляли в Пожарского из ружья два раза.

«Усталые, но довольные» вернулись войска обратно под Черкасск. Донцы с астраханцы с Пожарским переправились на правый берег, а князь Черкасский с гребенцами, черкесами и татарами остался на левом. Стояли беззаботно, о новых сражениях пока не помышляли.

А в это время татарский нураддин – третье лицо в Крымском ханстве после самого хана и калги – переправился с 7000 всадников через Керченский пролив и спешил на помощь Азову. Подойдя к Азову, нураддин убедился, что город цел, а нападавшие, по сведениям азовской разведки, разделились и стоят оплошно у Черкасского городка по обоим берегам Дона.

Нураддин Некорей (так называли его казаки в отписке, а по другим грамотам выходит, что звали его Газы-Гирей) присоединил к своему войску азовских жителей Мустафы бея и темрюцких черкас, да до этого по дороге к Азову пристали к нему некоторые ногайцы. Всего набралось тысяч до десяти.

На рассвете 6 июля крымчаки, подкравшись, напали на войско князя Муцала Черкасского и с налета захватили у него знамя. Пришедшие с князем Муцалом подвластные ему татары и их начальник некий Бий мурза подхватились и драли с поля боя, как рассказывали добрые люди, до самого Терека. Но гребенские казаки и стрельцы терские при первом крымском налете удержались, сбились в кучу и отстреливались. Сам князь Черкасский дрался в их рядах, не имея времени предупредить донцов и князя Семена Пожарского о нападении.

Впрочем, те и так стрельбу и крики слышали и прекрасно все поняли.

Переправились они через Дон и возобновили сражение с новой силой. Четыре часа дрались. Сам князь Семен Романович Пожарский ранение стрелой получил. Потом нураддин понял, что перемочь русских и казаков не получится, и решил отступить к Азову. Схлынули татары по знаку и сразу же кинулись вскачь уходить.

Больше всего потерь оказалось у князя Черкасского – многих его узденей и гребенских казаков татары побили. Донцы, переправлявшиеся на помощь князю через Дон вплавь вместе с лошадьми, урон понесли лишь в конском составе, много лошадок побили под ними крымчаки наповал.

Крымчаки, ногайцы и азовцы тоже потери большие понесли. Нураддин стал около Азова на Кагальнике и войско свое в порядок приводил и пытался ногайцев удержать, которые после неудачного сражения сразу же стали как тараканы разбегаться.

Стояли так два войска друг против друга около месяца. Но тут из Азова один прикормленный татарин сообщил казакам и где нураддин стоит, и сколько у него людей осталось. Донцы собрали круг, совещались на нем с князем Пожарским и князем Черкасским и со всеми вольными людьми и единогласно решили идти нураддина добивать.

В ночь с 2 на 3 августа переправилось объединенное 6-тысячное войско через Дон и пушки перевезло. По темноте двигались, сколько успели, а днем попрятались по буеракам и затаились. Разъезды татарские ничего не заметили.

На утренней заре 4 августа напали на крымский стан, многих побили, многих в плен забрали. Отписали потом в Москву, что «с станов царевичей сбили, и шатры и палатки царевичевы, и постелю, и карету царевичеву взяли и мурз и у ближних людей шатры, и палатки, и котлы. И всякую рухлядь поимали а чего взятии было не на чем, и то пожгли, и шатров взяли 71».

Огрузившись добром, пошло войско назад к Черкасскому. Уцелевшие татары, жалея о потерянном имуществе, ободрились и стали преследовать, да Мустава азовский на помощь им подошел. Пришлось отбиваться и пленных

татар, 200 человек, перебить – не чаяли их живыми до Черкасского городка довести. Но 6 числа все же дошло соединенное войско до Черкасского без заметного урона.

Гордые своими успехами, направили казаки в Москву посольство с героем Азовского сидения Наумом Васильевым. Новый царь казачьим подвигам был рад, хотя казаки воли его не исполнили, на Перекоп и на Крым не пошли и русским войскам идти туда не дали. Что ж, зато нураддина крымского здорово погоняли и шатры его забрали вместе с каретой. Послал царь донцам на Дон в награду свое царское знамя кармазиновое с зеленой опушкой. Обычно на царском знамени изображался «Спасов образ или какие победительные чудеса». На этом же знамени был изображен орел, а на груди орла на щите царь на коне поражал змия.

Ясно, что перед нами современный государственный герб России. Только вместо Георгия Победоносца на коне сам царь. И правильно. Это мы с вами святого писания не знаем. А донцы, люди дошлые и ушлые, не могли не знать, что Георгий никакого змея не убивал. Он змея **уговорил** ибо, приняв христианство, обрел дар убеждения, но к убийству, как таковому, стал относиться отрицательно, за что его, собственно, и казнили и объявили святым.

А на знамени на щите посреди орлиного изображения, по мнению «продвинутых», смыслящих в геральдике казаков (а таковые, несомненно, были), мог быть изображен лишь сам царь. Попробуем разобраться в логике их рассуждений. Орел со щитом на груди и с воином, на щите изображенным, бесспорно, воспринимался как герб. А что и кого изображают на гербах? Священный тотем (орла, льва, барса...), святого небесного покровителя или себя самого. Запорожцы, например, имели гербом изображение самого запорожского казака. Воины испокон веков изображали своих небесных покровителей (Перуна в том числе) такими же воинами, какими сами были. Всадник на красном поле на белом коне – вот перетекающий из века в век символ бойцов. Белый конь и море крови... Вспомним четырех всадников из

«Апокалипсиса»: «Я взглянул, и вот, конь белый, и на нем всадник, имеющий лук, и дан был ему венец; и вышел он победоносный, и чтобы победить». И донцы, когда на Дону только появились, имели гербом своим всадника. На красном поле. Но на черном коне. Вот такая, дескать, жизнь наша пропащая...

Орел на знамени... То, что орел двуглавый, нигде не говорится. А если он был одноглавый, то вполне мог сойти за родовой герб Рюриковичей – за сокола. И воин с копьем... Вряд ли христианский государь изобразит на своем гербе Перуна. И явно это не Михаил Архангел, низвергающий Сатану, у Михаила, как у предводителя ангельского воинства, должны быть крылья. И не Георгий. Он, как мы выяснили, змия не убивал. Кого ж тогда царь изобразил на своем гербе? Да самого себя, сражающегося с басурманами или с самим нечистым.

В целом год 1646-й казался удачен. Нураддин, так и не оправившийся после поражений, ушел в Крым. И грамоту похвальную от царя получили казаки, и знамя. Но с другой стороны, князей Черкасского и Пожарского отозвали обратно под Астрахань вместе с их войсками. А набранные Жданом Кондыревым «вольные люди», испробовав истинно вольной донской жизни, стали разбредаться поодиночке и кучками. На Дону жизнь оказалась тяжелой. Есть-пить нечего, одеть-обуть нечего, что украдешь или отобьешь, то и твое. Коренные донцы их за ровню не считали. Много их тут таких перебивало. Хочешь войти в сообщество, послужи в чурах, в «молодших товарищах», пройди ученичество. А ученикам часть добычи не положена, наоборот, с них за науку причитается. Хорошо, если хозяин кормить будет. Но сами подумайте, как их прокормишь, если Ждан Кондырев этих вольных сразу три тысячи привел? Столько же, сколько истинных казаков на Дону после азовского сидения оставалось. Это получается, что вместо одного рта – два. Раньше, когда по одному, по два приходили, быстро меж старожилых рассасывались, привыкали. А этих – три тысячи, и друг за дружку держатся.

И чтоб не пропал Тихий Дон, не дали донцы новым пришлым добычи и

кормить их не стали.

Вольные новонабранные покрутились на Дону, а потом половина их развернула знамена и пошла на север, на российские украинные города, и куда они там подевались, никто не знал, а донцы не интересовались.

Вторая половина новоприборных, тысячи с полторы, на Дону все же перезимовала и стала в Москву писать и жаловаться: мы де честно служим, куда нас царь-батюшка послал, а нас донцы не кормят, и жалования нам нет, шатаемся меж дворов...

Москва стала донцам пенять, донцы по обычаю отнекивались, мол у нас все по справедливости, но новоприборных разбили на пятнадцать сотен и поставили над ними сотников из их же числа, а когда из Москвы очередное жалование пришло – поделились.

Весною 1647 года, чтоб не выказать врагам своей слабости, решили донцы идти в набег. Но окончательно собрались лишь на Петровку, в начале июля. Взяли с собой «вольных новоприборных», набились в 33 струга и, тайно проскользнув устье Дона, направились к крымским берегам. Меж Темрюком и Таманью застигла казачий флот буря и выбросила на таманский берег.

Тут и сказались неопытность и измена, которая так и пасется среди всякого наброда. Читаешь и не веришь – да донцы ли это? «В бедственном смятении казаки растеряли большую часть оружия и снарядов, как вдруг на берегу Тамани напали на них татары в превосходных силах. Казаки думали уже не о победе, а о спасении своем и, оставив в добычу неприятелю 16 стругов, в остальных удалились в море» (В. Сухоруков).

Осенью в Москве есаул Василий Никитин рассказывал, что напали на таманском берегу на «смятенных» казаков «темрюцкие черкасы», многих побили, «а иных живых поймали, и взяли де 16 стругов; а весть де им учинилась, что вышли к ним тех 16 стругов два человека казаков». Еще 4 струга отстали в море. Про два струга имелись известия, что целы, а про два вестей не было. Плавали по Азовскому морю, а к берегу пристать не могли... Вот так в первом же набеге отсеялись «вольные новоприборные».

Почему именно они? А потому, что остальные, уцелевшие, вели себя совершенно по-другому, и в них угадываем мы тех самых казаков из Азовского сидения...

Буря и гибель половины участников набега сорвали внезапность, рассекретили саму экспедицию. Да она, судя по всему, и не была для турок секретом. Уцелевшие на 13 стругах повернули назад. Но предупрежденные азовцы и турки засыпали камнями Мертвый Донец и засели в скрытных местах, затаились в засаде.

Казаки ночью вошли на стругах в Мертвый Донец и наткнулись на камни. Не медля, пристали они к берегу и стали перетаскивать струги волоком. Тут на них в темноте азовцы и бросились. Но, как говорится, не на тех напали. Казаки азовцев отбили и продолжали перетаскивать струги. Отбитые азовцы послали в город за помощью, но больше в темноте своих нападений не повторяли. Лишь утром, разглядев, что казаков мало, решили истребить их и вместе с турками атаковали. Как писал В. Сухоруков, «и тут началось у них кровопролитное сражение, гибельное для обеих сторон». Василий Никитин рассказывал московским дьякам, что ночью «сперва де казаки побии азовцев и черкас, а после де того на утре, как их осмотрели, что их немного, и они де пришли на них многими людьми и их побии, а иных поимали, потому что де они в то время таскали из Донца струги и многие были наги, и в те де поры струг отбили, а в Войско пришло 12 стругов».

То есть, из 13 стругов азовцы захватили лишь один, а на двенадцати донцы прорвались и ушли в Черкасский городок. «... Потеря в людях с обеих сторон была одинакова, сверх сего казаки ранили в щеку азовского бея», - подвел итог этому делу В. Сухоруков.

В Крыму татары схватили пребывавшее там русское посольство и стали ему выговаривать: если ваш царь желает быть в дружбе с ханом Ислам-Гиреем, то пусть на Дон войско пошлет, а хан со своей стороны пошлет свое войско, вот бы вместе и извели казаков, а другого пути к доброму согласию между Крымом и Россиею нет. А посланники заученно отвечали:

нестаточное дело нашему великому государю посылать на тех воров, на донских казаков, своих государевых ратных людей, потому что они людишки худые, и от государевых украинских городов удалены, и живут в розных местах по займищам и по малым речкам, и по проточинам. Если Ислам-Гирей только захочет, он и сам этих воров с Дона собьет и без нашего государя. А наш государь в таком случае на Ислам-Гирея досадовать не будет. То есть, повторили то, что татары и турки уже сто раз слышали: сбивайте их с Дону сами, а мы рук марать не хотим. А собьете – мы на вас не обидимся.

Турки и татары считать умели, да и пойманным «вольным новоприборным» языки развязать смогли, и выходило, что после недавнего неудачного набега остались на Дону от старых казаков жалкие крохи. Случай очень удобный, чтобы добить эти остатки.

Разослали они за помощью в ближайшие улусы и, собрав большую силу, явились под черкасские раскаты на 280 судах, да берегом конница подошла.

Казаков в Черкаске в те поры обреталось всего с тысячу. Рассказывал потом Василий Никитин, что 19 и 28 июля подходили к Черкасскому городку азовский Мустафа бей с азовскими, крымскими и ногайскими людьми и с черкесами, да подходил начальник азовских янычар Алей ага со своими янычарами «Доном судами с пупками и с мелким ружьем, а судов де всяких было 280, и их казачий городок осадили и к городу накрепко приступали, и битвы у них с ними были великие, и на том приступе многих азовских, и крымских, и ногайских людей, и черкес побили, а иных переранили».

Отбитые и перераненные враги побежали от Черкасска. «Видя это, казаки бросились в свои суда, которые во время осады находились внутри городка, настигли врагов и множество их захватили на судах», - писал Сухоруков. И Василий Никитин кратко, но емко подтверждает: «и они де за ними гоняли и, догнав, многие суды у них отбили, и многих побили и переранили, и языки поймали; а с пытки де те языки сказывали, приходили де они для того, чтобы им их разорить...».

Азовцы не утихомирились и продолжали частыми набегами изматывать уцелевших малочисленных казаков. Казакам же помощи ниоткуда не было, лишь с Астрахани подошел небольшой отрядик.

В октябре донцы не выдержали и послали в Москву посольство во главе со старшиной Андреем Васильевым и есаулом Василием Никитиным просить помощь людьми.

На Москве их внимательно выслушали и речи их расспросные записали (мы их, кстати, только что цитировали), но не торопились – помечены те расспросные речи 15 ноября. Говорили казаки, что хотят турки с азовцами и татарами Дон от казаков до Воронежа очистить, «а которые де были вольные люди, и те де, не хотя с ними служить, многие разошлись, а которые де остались с ними, и те де многие на государевых службах на боех и на приступех побиты и переранены, и многие де их братья и вольные люди от ран померли». Заявили казаки, что силы служить не стало, и жить на Дону стало не в силу. И если Государю река Дон нужна, то пусть дает свой указ, а они, между прочим, «зимою ... чают... их бусурманского большого собрания и к себе приходу».

Московские люди, чтоб с донцов сбить окончательно спесь, стали их по обыкновению мурыжить. 22 декабря дьяки думные Назарей Чистой и Алмаз Иванов опять стали их расспрашивать – вот бьете вы челом государю, что стоять вам не в мочь, а чем же вам помочь, если сами вы говорили, что хлебных и пушечных запасов на Дону нескучно.

Василий Никитин подтвердил, что запасов на Дону нескучно, а скудны мы, донские казаки, людьми, чаем мы по зиме к себе бусурманского приходу большого собрания, «и чем царское величество велит помочь учинить, в том де как царское величество изволит».

А дьяки казакам начали выговаривать: «людей к ним посылать немочно, потому что они государского повеления не слушают, посланы к ним вольные многие люди, и они тех вольных людей голодом поморили, запасов им не давали, а иных побивали, и те вольные многие люди с Дону разошлись от их

тесноты и дорогою многие померли; да к ним же послан с ратными людьми стольник и воевода князь Семен Романович Пожарский, и они, атаманы и казаки, его ни с чем не слушали, все делали самовольством и беглых людей к себе принимали, и вынимать их у себя не дали, а иных людей подговаривали.

Да им же, атаманам и казакам, по царского величества указу на море под турецкие города ходить и воевать и разорять не велено, и ведомо царскому величеству учинилось, что они на море под турецкие города ходили и воевали, и разоряли, и для того ныне в Царегороде царского величества послов задержали от их непослушания, и тем своим непослушанием людей всех растеряли».

Есаул Василий Никитин на конкретные обвинения дал обстоятельные ответы. Что касается вольных людей, то «вольным де человеком от них никакой тесноты не бывало, и их не побивали, и запасы им давали, и те де вольные люди не хотят государю служить, запасы пропили и, пропив те запасы, с Дону от них пошли бегом, а унять было их нельзя, потому что они люди вольные».

Прямо видно, как есаул ухмыляется и руками разводит...

И князя Пожарского они де во всем слушали «и беглых людей к себе не принимали, и не подговаривали, и вынимать беглых людей не заказывали, и во всем де государское повеление исполняли». При этом ссылался есаул на князя Черкасского и предлагал по этому поводу «сыскать».

«А на море де пошли было они под крымские улусы, и волею де божиею погодою принесло их к турецким городам; и они де из судов на берег выходили для хлеба, чтоб им с голоду не помереть, а не для войны, и в том де бог волен да государь».

При этих словах, видимо, дьяки начинали или нервно зевать или слюной давиться. Выходило, что заносило казаков к турецким берегам штормом, и приставали они к берегу под турецкие города не грабить, а хлеба купить... А что поделаешь? Что с них, с казаков, возьмешь?

А туркам из Москвы от царского имени снова лицемерно ответили: пишете

де вы, чтоб нам, «великому государю, донских казаков из Черкасского городка велеть свести, и нам, великому государю, того учинить нельзя, потому что донские казаки утеклецы, бежали из Московского государства, заворовав, от смертной казни и живут в тех местах исстари кочевым обычаем, а с ними живут разных вер люди, литва и немцы, и горские и запорожские черкасы, и крымцы, и ногайцы и азовцы, а не одни они, донские казаки, а нашего царского повеления не слушают...».

Пока казачьи посланцы, выкручиваясь, просили помощи, под Черкасским городком случился новый приступ. Перед Крещением, 4 января, пришли под городок многие крымские, азовские и ногайские воинские люди и к городу приступали накрепко. Много казаков погибло и в плен попало. Но донцы, собравшись с силами, пошли на вылазку и басурман отогнали.

Сил в городке совсем не осталось. Из астраханских стрельцов восьмерых татары в плен увели, а девятого на вылазке убили. И 5 февраля послали казаки в Москву с атаманом Иваном Молодовым отписку, а под ней челобитную, что «им де от басурманского беспрестанного к ним приходу и приступу, и кроволитья жить не в силу, мочи их нету и государевы казны держать не с кем». Забери дескать, государь, назад порох и снаряды и укажи нам, где и как дальше жить, а реку Дон нам держать не с кем и нечем, ни рыбы наловить, ни за водой выйти – сидим все время в осаде. А что прислал государь жалования 3000 рублей и хлеба 1970 четвертей, то кому оно только не попало, даже мужикам-гребцам, в Черкасском городке зазимовавшим, раздавали, чтоб не разбежались они из осажденного городка. И с тем ждали казаки царского указа, «а не будет де им государева указу, и они де с реки все разбредутся врознь».

И дьяки царю обо всем в марте доложили.

Сжалился царь Алексей Михайлович над донцами и отправил на Дон 24 мая 1648 года дворянина Андрея Лазарева с полком. Отбыли с Лазаревым из Воронежа 1000 солдат, 1 майор, 4 капитана и 5 поручиков. Добирался Лазарев долго и явился в черкасский городок аж в октябре месяце.

Почему так дело затянулось, можно лишь догадываться. Впрочем, сохранились дневниковые записи знаменитого Патрика Гордона, как он со своим полком выступал на службу в сторону Смоленска. Случилось это, правда несколько, позже, но как пример сойти может: «2 мая Гордон, получив на то приказ, выступил на рассвете с полком, выстроенным в два эскадрона, из которых каждый имел при себе по 3 пушки, из Кожевников и в 7 час. утра остановился на поле между Немецкой слободой и Покровкой, так как по дороге у пушек сломались оси и лафеты. Дьяк был очень рассержен этим и начал было браниться, но так как на него никто не обратил внимания, то он и удалился. Около 10 час. полк в совершенном порядке прошел в Покровском через царский двор, причем царь со всем придворным штатом смотрел из окна. В этот день полк состоял всего из 780 человек, так как многие, получив приказ выступать, бежали.

4-го Гордон попрощался со своими друзьями и знакомыми в слободе и разослал офицерам приказ занять свои полковые квартиры и на другой день быть готовыми к походу.

5-го он попрощался со своей невестой и ее родными и, позавтракав. Явился к полку, стоявшему в предместьи Кожевниках. Прибыв сюда и велев бить в барабаны, он отправился на плац-парад. Однако все солдаты были так пьяны, что прошло 3 – 4 часа, пока ему удалось собрать их. Производя смотр, Гордон не досчитал от 60 до 80 солдат, которые бежали. Он велел собрать с их квартир их оружие в одно место и отдал приказ капитану Камбелло (так как майор Менезес был болен) передать его с другими остававшимися вещами в приказ.

Около 2 час. Гордон выступил с полком и расположился лагерем между новым монастырем и царским увеселительным дворцом на Воробьевых горах. Здесь лошадей пришлось кормить сеном, так как травы еще не было.

6 мая около полудня Гордон двинулся дальше и остановился у небольшого ручья, где уже было немного травы для лошадей. Здесь к полку присоединился генерал-майор Кравфуирд.

7-го после завтрака полк пошел дальше: так как ночью бежало несколько солдат, то большая часть офицеров полка должна была идти в арьергард и по сторонам полка; но несмотря на это и в этот день многие бежали. Пройдя 15 верст, полк остановился у одного ручья...». А это – один из лучших полков. На царском смотре лучше всех стрелял...

А помимо обычной русской медлительности сыграли свою роль бунты, которые прокатились по русскому государству в 1648 году. При новом молодом царе стали его родственники (со стороны жены) безобразничать, народ и не стерпел.

Худо-бедно, но Лазарев на Дон прибыл, стал поблизости от Черкасского городка в крепком месте и окопался со всех сторон. От царя же пришла грамота, чтоб донцы были в дружбе как с дворянином Лазаревым, так и со всеми чиновниками, и без общего согласия ничего не предпринимать. Особо напоминали, чтоб на турецкие города и села не ходили.

Всё... Облетело всё Великое Войско Донское... С Азовским сидением и последующими невзгодами закончился первый этап его истории. Возрождалось оно уже на другой основе.

Есть такая песня казачья:

«Помутился весь Тихий Дон,
Помешался весь казачий круг:
Что не стало у них атамана,
Что старого казака Ильи Муромца».

А перед смертью были у Ильи Муромца разбойники и, испуганные его силой, просили его, чтоб взял он их к себе в товарищи, в донские казачонки.

Подбиралось типичное военное сообщество по одному человеку, существовал институт ученичества – упоминаются до этого времени «чурь» - «молодые товарищи». При необходимости могли они сняться всем сообществом и уйти, ничего их не задерживало. Так Ермак Тимофеевич снялся и ушел. Сначала на Волгу, потом в Сибирь.

А эти, которые Лазарева дождались, боятся с Дона уходить и не хотят.

Обзавелись они семьями, родились у них дети от полонянок. А дети потом меж собой родниться будут. И начнет перерождаться военное сообщество в некое подобие родового, а потом и сельского. Но это все со временем, несколько поколений сменится.

А на первый взгляд ничего не изменилось. Более того, на Дону, не дождавшись прихода солдатского полка Лазарева, 300 казаков погрузились на 8 стругов и отправились на крымские улусы, зная, что татары ушли с Хмельницким на поляков. Несколько раз так выходили и у татар польский полон отбивали, а самих татар били и в плен брали.

Азовский бей, разузнав, что казаки в очередной раз в море вышли, собрал с ближних улусов людей и пошел Доном и степью на Черкасский городок в надежде, что там пусто. Подошел, а там солдатский полк стоит. Причем послан онный русского царя полк не на этих проклятых злодеев, как татары просили, а наоборот, злодеям помогать. И, прокляв московское коварство, вернулся азовский бей бесславно в стены родного города.

Глава . Новая война в Восточной Европе.

И татары и турки в это время все свои взоры и устремления обратили на Украину, где хитрейший гетман Зиновий Богдан Хмельницкий учинил невиданную по размаху и крови свару. Вырывал Хмельницкий Украину из Речи Посполитой с мясом, с большой кровью. Но Речь Посполита – великое государство, в восточной Европе на то время крупнейшее и славнейшее (после Хмельнитчины, правда, оно таковым быть перестало). Не по силам Хмельницкому в одиночку такой державе противостоять, и должен был он искать союзников и покровителей. И турки с татарами ждали, дыхание затаив, когда же он под высокую руку Великого Султана, Потрясателя Вселенной, попросится. Но оторвать у поляков и присоединить к Османской империи такую территорию – дело сложнее и деликатнее. Тут смотреть надо во все стороны, чтобы другие алчные

соседи не вмешались и не подгадили, со всеми надо осторожную политику вести.

И потому, пока на Украине шла война, и существовала возможность союза Украины с турками и татарами против кого бы то ни было, старались турки Россию лишний раз не задирать, а от донских казаков, как от злых собак отмахивались, лишь бы они под ногами не путались.

Донцы же прикрываясь московским солдатским полком, который одним своим присутствием как бы освящал их разбои, обнаглели окончательно. Тем более, что крымский хан развернул невиданную по масштабу торговлю живым товаром, поставляемым с Украины, нагрел на этом окровавленные по локоть руки и отвлечься от такого прибыльного дела никак не мог и не хотел. А потому жаловался он русскому царю, что донские казаки никаких запасов по морю в Азов не пропускают и морские устья все своими стругами заставили, а крымские села и деревни грабят и людей украдкой крадут. До того дошло, что стали турки и татары в Азов припасы сухим путем из Темрюка возить, от чего терпели большие убытки.

В 1650 году Хмельницкий вроде бы отбил от поляков, но полной независимости не получил, и крымский хан, чтобы вбить клин между православными, пытался Хмельницкого напустить на донских казаков. Сам же хан в драку пока не лез, только грозился, поскольку турки ввязались в очередную войну с венецианцами и даже часть азовского гарнизона отправили на средиземноморский театр военных действий.

Хмельницкий тоже сам на донцов не полез, послал с 5000 запорожцев своего сына Тимофея. Тимофею тогда не исполнилось еще 18 лет, и заправлял всем в этом войске наказной атаман Дементий.

Запорожцы стали на Миусе и ждали, когда к ним в подмогу подойдут татары. Татары же не спешили, надеялись, что неверные собаки сами погрызутся.

Донцы отправили к запорожцам лучших своих людей, которые повидали сына Хмельницкого, который, по свидетельству очевидцев, был «хлопец

молодой, с оспинами, малорослый, но большой гультай», и напомнили, что как бы и когда бы Москва с Польшей ни воевала, а Войско Донское и Войско Запорожское всегда в мире и в союзе были. А теперь из-за басурман двум великим войскам, единоверным братьям, драться и вовсе не годится.

Запорожцы постояли на Миусе две недели, крымчаков не дождались и ушли назад.

В 1651 году донцы вновь разорили предместья Азова (благо, что за стенами города из-за венецианской войны осталось всего 1200 янычар), погромили слободы и улусы и скот угнали к себе на Дон, «а азовцы за то казакам ничего не учинили». Разобравшись с азовскими жителями, казаки вышли в Черное море, пограбили каких-то купцов, разгромили близ Синопа город Каменный Базар, взяли в плен 600 человек обоего пола, но по дороге часть продали горским черкесам, а так без потерь вернулись в Черкасск.

В 1652 году донцы возродили практику походов под стены Царыграда. В мае 1000 казаков на 15 больших стругах с атаманом Иваном Богатым явились в окрестностях Константинополя, погромили близлежащие села и деревни и увели с собой 150 пленников. На обратной дороге настигли их 10 каторг, но опьяненные успехом казаки эти турецкие суда разогнали и невредимыми с полоном вернулись в Черкасск.

На следующий год уже 1300 казаков на 19 стругах ходили на Черное море. Водили и атаманы Федор Волошенин да все тот же Иван Богатый.

Разъяренные турки приказали крымчакам собрать все подвластные улусы, взять Хмельницкого с его запорожцами и реестровыми и напасть на донские городки. Сами они хотели перекрыть Керченский пролив и не допустить донцов больше в Черное море.

В 1653 году поход крымчаков на Дон не удался, поскольку распространился слух, что несметные орды калмыков идут на Перекоп, и хан ждал их за перекопскими укреплениями.

А зимой на 1654 год Хмельницкий разрушил турецкие и татарские мечты и попросился под высокую руку Московского царя. Все это радикально

изменило ситуацию во всей восточной Европе. Ну, во-первых, гетман объявил татарам, что в случае похода крымчаков на Дон он разорвет с ханом союз и начнет с ними, татарами, войну...

Теперь русские, поняв, что, приобретя Украину, получают они в довесок войну с Речью Посполитой, стали с опаской оглядываться на соседей. Как бы турок и татар сторонними наблюдателями удержать? А то ввяжутся в войну на стороне Польши. Им ведь такое усиление России ни к чему.

На самой Москве абсолютно не вовремя началось моровое поветрие, и московские жители, спасаясь, кинулись по монастырям, «мужья от жон постригались, а жены от мужей». Тяжелое время...

И полетели на Дон грамоты с запретами: на турок вообще не нападать, а на крымчаков нападать с разбором – если крымский хан сам на русские земли пойдет.

Помимо этого приглашали московские люди крымских татар в совместный поход на поляков

Летом 1654 года умер крымский хан Ислам-Гирей, а новый хан, Магмет-Гирей, явившийся в Крым осенью из Турции, отправил московских послов из Крыма на родину и велел передать царю, что говорил де ему, Магмет-Гирею, турецкий султан: «воры де донские казаки ежегод приходят морем, землю его воюют и людей побивают, и в поло емяют, и разоряют, и досады большие чинят, и такие де ему обиды ни от которые земли не бывает, что от тех донских казаков». И чтоб царь тех донских казаков велел унять, иначе пришлет султан хану 100-тысячное войско и пошлет с тем войском донских казаков разорять, а разоря их, идти хану войною на Московское государство. «И та вся ссора чинится от тех воров, малых людей донских казаков».

Русские, как заведенные, ответили Магмет-Гирею, что донские казаки русскому царю не повинуются, а разбои свои творят самовольно.

На Москве к зиме полегчало. Поветрие прошло, жители, что в монастыри уходили, вернулись нерасстриженными, и сетовал царь Алексей

Михайлович: «а ныне многие живут в своих дворех с женами и многие постриженные в рядах торгуют, и пьянство и воровство умножились».

Поляков больше не боялись, в 1655 году напали на них еще и шведы, и король польский бежал в Силезию. Патрик Гордон, шотландец, служивший тогда в шведской армии записал тогда: «По всей Польше не было ни единого уголка, не опустошенного ее врагами». Спасло поляков то, что «русские, от природы подозрительные и недоверчивые, были крайне возмущены победами и могуществом короля шведского» и, подстрекаемые цесарским двором, вскоре заключили временное перемирие с поляками и задрались со шведами.

Магмет-Гирей, завоевывая популярность у подвластных ему крымчаков, стал готовиться к походу на Север, в пределы терзаемой всеми соседями Украины и Польши, и первым ему под руку должен был попасть Хмельницкий. Потому весной 1655 года пошла на Дон из Москвы грамота, чтоб шли донцы на крымские улусы «и над ними промышляли, сколько милосердный бог помочи подаст, а на турецкие города и места однолично б естя не ходили». Еще и калмыцкую орду русское правительство направило против Крыма.

Донцы, не дожидаясь калмыцкого прихода, собрались великою силою (3000 молодцов) с атаманами Павлом Чесночихиным и Семеном Варгуном и вышли морем к Судаку, взяли город приступом и деревни вокруг истребили до основания. Потом пошли на Кафу, где взяли и разорили земляной город. У Кафы перевстретили они торговый морской караван, из шести судов отхватили два с пшеницею и с богатой добычей без урона возвратились восвояси.

Крымский хан, как замороженный, ждал у Перекопа калмыцкую орду, и донцы повторно на 34 стругах пошли с Павлом Чесночихиным к крымским незащищенным берегам. По пути налетом взяли они Тамань, своих потеряли человек 30, но и местных всех порубили, город сожгли и пленных захватили четыре сотни. Затем высадились они между Кафой и Керчью и стали

разорять татарские деревни. Выступивших против них татар (их и набралось-то в Бахчисарае всего сотни три) рассеяли. Напоследок разграбили деревни вокруг Карасу-Базара и с огромной добычей беспрепятственно ушли на Дон.

Павел Чесночихин зимой поехал в Москву, где все свои подвиги расписал. Его хвалили и с ним жалование на Дон дали – 2 тысячи рублей денег, 2 тысячи четвертей хлеба, 100 пудов пороху, 50 пудов свинца и вестовой колокол в 20 пудов. Выходило, между прочим, меньше чем по рублю на человека. Если самим на море не ходить за зипунами, то ложись да помирай.

Венецианцы в это время с турками воевали и московских правителей просили: пошлите донских казаков на море турок грабить. Но на Москве пока с турками связываться побаивались.

А насчет Крыма казакам сказали: Хмельницкий против татар пограничные городки укрепляет, и вы, пока он не укрепится, на Крым не ходите и татар не дразните.

Ну, что ж, нельзя на татар, пойдем на Азов... То ли русские про Азов донцов предупредить забыли, то ли еще как приключилось, но в 1656 году, не усидев в бездействии по своим городкам, явились казаки в который раз под азовские стены. Так и манил он к себе наших ребят...

Об этом походе данные отрывочные и странные. Собрались в Черкасском городке более трех тысяч донских и запорожских казаков, пристали к ним «промышленники» из российских украинских городов, и выступило это войско к Азову во главе с такими славными и опытными атаманами, как Наум Васильев и Павел Чесночихин.

Из всего похода известно, что турки на вылазке перебили полторы тысячи казаков и многих захватили в плен, а еще захватили в плен самого Павла Федоровича Чесночихина и убили его. Голову несчастного казака отправили в Крым, а оттуда в Турцию к самому султану.

И гарнизон в Азове стоял невелик – 1000 янычар. Как они могли столько казаков на вылазке перебить? Или те спали и не остерегались?

Да может и спали... Единственная зацепка в этом деле – русские

«промышленники», приставшие к казакам в надежде Азов пограбить. А русские люди и ночью спят крепко и днем после обеда любят вздремнуть. Вот их, наверное, турки сонными и порубили...

Опомнившись, послали донские казаки в Москву зимой старшину Панкрата Степанова с извинениями, а заодно и жалования попросить.

У русских в Посольском приказе от донцов сплошная головная боль. Все лето, пока донцы под Азовом неудачно промышляли, татары русским посланникам в Крыму на казаков жаловались и требовали, чтоб прекратили им русские жалование платить, а царь чтоб на этих разбойников войско послал.

Русские посланники жалование упорно отрицали, это, говорили, кто-то придумывает, чтоб хана с царем лишний раз поссорить. А войско на них де посылать бессмысленно – они сядут на струги и уйдут в море. А в море их и турки со своим флотом поймать не могут...

Вспомнив неловко положение своих посланников в Крыму, но блюдя государственные интересы, русские правители на казачьи просьбы повздыхали и сказали: «За ваше ослушание, что на Азов полезли, не следовало бы вам жалование давать. Но мы по своему милосердному нраву и в чаянии будущих ваших служб жалование вам дадим...».

Крымчаки, сами двуличные (полякам помогали, а с русскими отношения поддерживали), все прекрасно понимали, на русского царя в борьбе с казаками нисколько не надеялись и в феврале 1657 года, собрав тысяч пять войска в Крыму и на Тамани, сами пришли под Черкасск. Приходили с крымчаками горские черкасы, темрюкские черкесы, кабардинцы, азовские люди и улусники с Малого Ногая. Посидели донцы в осаде немалое время, но до штурма, похоже, дело так и не дошло.

Зато, как только пришла весна, 2000 казаков на 33 стругах нагло прошли мимо Азова и высадились на крымском берегу, грабя и выжигая деревни. Вел их на этот раз молодой еще тогда Корней Яковлев по прозвищу Черкес. Турок и татар взяли в плен человек 600, своих отбили человек 200, но

оказались эти «свои» в большинстве запорожцы, и их домой отпустили.

С этого времени начинается для донских казаков, на море промышляющих и Крым разоряющих, время удачное и благоприятное. Дело в том, что Зиновий Богдан Хмельницкий умер, а на место его встал бывший генеральный писарь Иван Выговский, который Москве сразу же изменил, вернулся под польского короля и одновременно заключил с Крымом союз против России. Казаки украинские реестровые и запорожцы, пустившие реки польской крови, обратно в Польшу, под польскую корону, не собирались, справедливо опасаясь шляхетской мести, и многие выступили против Выговского. Война на Украине и в Польше затянулась, а крымский хан стал открытым врагом русского царя. Русские войска в Литве устали. Денег на жалование в казне не было, и жили войска за счет грабежа. Дьяк Ордин-Нащокин жаловался царю, что вызванные царем в Литву «донские казаки пустошат Друю с волостями», и сколько Нащокин рейтарам и донцам ни приказывал на врагов выступать, они не трогались, «отяжелев награбленными пожитками, которые нахватили у людей, присягнувших царю».

В довершение всего казаки Выговского и татары лоском положили под Конотопом русскую дворянскую конницу. Никогда еще русские разом столько лучших людей не теряли...

Русский царь стал донским казакам пенять: что ж вы Крым не разоряете? А донцам только дай порвать. Весь 1659 год с Корнилой Яковлевым громили они Крым, от Кафы до Балаклеи все деревни пожгли и с землей сравняли, местных захватили в плен две тысячи человек. Потом перекинулся этот пожар под Темрюк, и там от Темрюка до Тамани казаки все черкесские улусы поразогнали, жилища пожгли, а людей побили, своих же полоняников отгромили человек полтора. От Тамани метнулись казачьи струги через Черное море под Синоп и на сутки пути не дошли до самого Константинополя...

Год оказался удачным, а добыча богатой. Радуюсь, отправили донцы царю в

Москву отписку, а с ней геройского старца Осипа Петрова. Царь, прослушав о том крымском разорении, донцов хвалил и жаловал. Жалования послал 3000 рублей деньгами, 3000 четвертей муки, 100 поставов сукна гамбургского, 200 пудов пороху и 100 пудов свинца.

Весной следующего 1660 года стало известно, что турки и татары, собрав силы, хотят устье Дона намертво перекрыть, чтоб казаки никак не могли выйти ни в Азовское, ни в Черное моря.

Разведка донская вышла в море, перехватила семь языков и выявила, что турки из Крыма в Тамань перевезли и сухим путем отправили на Азов 3000 янычар. А в Константинополе готовят 35 кораблей, грузят их лесом и камнями и собираются посадить на них дополнительно 9000 войска. Корабли эти тоже пойдут под Азов, и из подвезенного материала начнут турки там строить сразу три новые крепости.

Круг казачий своих разведчиков выслушал, направил в Москву известие о грядущем турецком приходе, под это дело просил у царя жалование. С вестями отправились Федор Будан и Фрол Минаев. И тут же круг справедливо рассудил: если 3000 турок из Крыма перебрались на Тамань, то в самом Крыму войск или вовсе нет, или очень мало. В тот же день собрали они 30 стругов, набились в них отборные ребята и ночью отправились хоженной дорогой к крымским берегам в надежде пожитьяся.

Но на рассвете, только вышли они в залив, предстали перед ними все 35 турецких кораблей, а по-над берегом маячили подошедшие из Крыма татары, и кое-где виднелись уже поставленные шатры. Соображать и действовать надо было молниеносно, и донцы лихорадочно погребли назад к донскому устью.

Возвращаться среди бела дня мимо азовских стен они не рискнули и подниматься стали Каланчинским проливом. Азовцы со стен своих разглядели показавшийся и уходящий казачий флот и здесь, на Мокрой Каланче, уходящих казаков перехватили. Турки, азовцы, татары бросились со всех сторон к Каланче и к Дону выше протоки, подтащили пушки, стали

стрелять из ружей и метать стрелы.

Деваться некуда. Писали потом казаки в Москву царю: «И дрались мы, холопы твои, с ними весь день с утра и до вечера, и прошли Каланчею на пролом с великой нуждою и за великим боем, и пришли домой». Всего со сплошным боем, обстреливаемые из всех видов оружия с обоих берегов, прорывались они 6 верст.

В Черкасске слышали под Азовом грохот орудия. Поняли, что дело не ладно и стругами отправили подмогу. Те подоспели до темноты и помогли своим прорваться и оторваться. В. Сухоруков, описывая этот бой, отметил, что «при сем случае казаки так искусно умели отступить, что не лишились ни одного судна и даже не потеряли ни одного человека».

В Москву полетели известия, что татары и турки подходят и уже пришли.

Царь к тому времени уже велел снаряжать войско под начальством воевод Семена и Ивана Хитрово, чтоб на Дон отправить, и тогда же повелел для казаков жалование собрать.

Донцы царя и бояр торопили, дополнительно отослали в Москву татарина-языка с атаманом Григорием Афанасьевым. Татарин тот признавал, что султанское войско под Азов вот-вот явится.

19 июля подошли к Черкасску струги с царским жалованием и припасами, но о войсках российских – ни слуху, ни духу.

Меж тем в последних числах июля подошел от Крыма хан со своим войском и стал между Доном и Мертвым Донцом, передовые же отряды выдвинул к устью Темерника, а калга – второй в Крыму человек – стал напротив его со своей частью войска на левом берегу Дона. Войско ханское насчитывало тысяч 40, собрал он своих крымчаков, собрал ногайцев, черкас темрюкских и кабардинских, и горских.

Очередная станица (Михаила Петрова) поскакала в Москву, куда и прибыла 11 августа. Привез Михаил Петров послание – помогите ради Бога, иначе Черкасск и Дон не удержим. «А нам, холопом твоим, ныне против такова его, хана крымского, и каторжного турецкого люду собранья твоей

государевой вотчины Черкасова города и реки всей оберегать и держать без твоей государевой милости и помощи нечем и не в силу... а которые, государь, у нас в Войске были нужные люди казаки, и они, ожидаючи твоей государевой службы и рати и твоего государева жалования денежного и хлебного, от великих нуж и голоду, и наготы многие разбрелися от нас на Русь по твоим государевым украинным городам». А всего якобы сидело в Черкасском городке против турок и татар 3000 казаков.

Царь, чтоб татар отвлечь, требовал от верного ему пока гетмана Юрия Хмельницкого («Юрасика») послать запорожцев на крымские владения, а в это время свое войско и воевод подгонял. Вышли те воеводы Хитрово с войсками из Воронежа, как считали в Москве, 15 июля и... с концами.

Шли русские войска на Дон с большой оглядкой. На западе в поляков как бес вселился. Весь 1660-й год били они русские войска. Взяли Брест-Литовск, взяли Могилев, Борисов, Быхов. Князя Хованского разбили при Лоховице, а князя Долгорукого при Губарах. Наконец, всю русскую армию поляки вместе с татарами разгромили при Чудное, «многих людей христианского народа попродавали на каторги, а иных побили без милосердия» и забрали все знамена с изображением всех святых и самое большое с изображением Божьей Матери. Потом в праздник Тела Христова в Варшаве преклонили эти знамена до самой земли, и свита королевская пошла по ним, топча ногами. Король, правда, опомнился – образ Девы Марии паны топчут... Велел поднять знамена. Большая часть Правобережья Днепра занималась уже к тому времени польскими гарнизонами...

Так что русские воеводы на Дон не торопились, того и гляди, что с полдороги вернут и на Литву поплют.

Турки и приведенные работные люди (10 тысяч венгров и волохов), не теряя времени, стали на обоих берегах Дона выше устья Каланчи и на устье Мертвого Донца бить под городовые стены сваи, а за Донцом стали ломать камень и свозить к месту строительства. Выставленные для прикрытия войска отрядами по тысяче и больше всадников подходили к Черкасскому

городку, отгоняли казачьи табуны и стада и охотились за жителями, которые пытались ловить рыбу или заготовить дровами. И с этими вестями отправили донцы в Москву 25 сентября четвертую станицу с атаманом Игнатием Серебряником.

Наконец, в октябре явились под Черкасск царские воеводы, стольники Семен Савич и Иван Савостьянович Хитрово, и войско привели в 7 тысяч. С этим войском стали они лагерем выше Черкасского городка в полуверсте и лагерь свой земляным валом обнесли.

Да, изменились донцы... То о русском войске на Дону и слышать не хотели, а теперь сами просят... А может, наоборот, знали, что русские из-за потерь и поражений помочь не могут, и требовали войска прислать – чувство вины русским властям прививали и верность свою выпячивали.

Как бы там ни было, но подошедшее русское войско ничем помочь не могло. До его прихода поставили турки по обеим сторонам Дона выше Каланчи две каменные башни, как раз на том месте, где казаки послов от азовских турок принимали и туркам передавали, а между башнями через Дон цепи перекинули. Одну башню называли «Шахи», то есть башня шаха, а другую – «Султанйе», то есть башня султанши. В окружности каждая башня имела по 200 сажен, а высота стен – 15 сажен. В каждой башне разместили по 300 человек гарнизона с пушками.

А на Мертвом Донце у Проездного ерика турки поставили каменный город в четыре башни и посадили в нем 500 человек гарнизона с пушками. Город называли «Сед-Ислам» - Щит ислама. Казаки же меж собой звали его «Люттик» или «Донецкая крепость».

Построенный «новый ханов Донской городок» представлял из себя каменный квадрат - стена со стороны Донца 39 метров, "от моря стена" около 40, четыре восьмиугольные башни под тесовой кровлей. Внутри - каменная мечеть, 21 "жилая изба", конюшни. "Ворота проезжие, створы двойные железные" - с запада, близ угловой башни, железная цепь через Донец. Такие же городки предполагалось поставить выше по Донцу и в устье

Темерника.

И обо всем этом донцы Москву уведомили. Поехал к царю атаман Логин Семенов и казачьи задумки передал: башни эти без пушечного наряда разбить невозможно, а начини по ним сейчас стрелять или приступать, хан может явиться, а мы порох потратим. Надо ждать, пока хан в Крым уйдет, а ранней весной, до травы, чтоб татарам коней кормить нечем было и помощь они не успели подать, приступать к этим башням на стругах и сухим путем со всеми пушками.

Крымцы пока никуда не уходили, а явились под Черкасск в ноябре месяце и попробовали лагерь воевод на прочность. Русское войско за стенами и валами могло сидеть подолгу, а из тактических приемов упирало на один – подпустить врага поближе и в упор выстрелить. Сам царь инструкции писал: «и полковникам и головам стрелецким надобно крепко знать ту меру, как велеть запалить, а что палят в двадцати саженьях, то самая худая, боязливая стрельба, по конечной мере пристойно в десять сажень, а прямая мера в пяти и трех саженьях, да стрелять надобно низко, а не по аеру (воздуху)». Ну, с такими навыками турки и татары московским людям большой беды могли наделать. Но казаки вовремя пришли русским на помощь, сделали из Черкасского городка вылазку и татар сообща отбили.

Потом, выждав время, сухим путем пробрались зимой до Азова и, словно в отместку за башни, выжгли азовское предместье.

В таких кровавых забавах стали они зиму пережидать. Но настроения никакого не было, упало Войско духом. В Москве зимовая станица жаловалась, что с тех пор, как образовалось на Дону Войско, такого утеснения, как сейчас, никогда казакам не было – никуда на промысел не пойдешь, все пути в море загорожены. Иван Степанов, атаман станицы, пугал в Москве всех, что без промысла от нестерпимой нищеты побредут скоро казаки с Дона куда глаза глядят.

Чтоб удержать казаков на Дону, послал им царь жалование доселе невиданное – 7000 рублей деньгами, 5000 четвертей провианта, 200

половинок гамбургских сукон, 200 пудов пороху и 100 пудов свинца. Но жалование это пришло лишь весной. А как они перезимовали – Бог весть. Даже у воевод в лагере от голода и неустроенной жизни русские воинские люди несколько раз бунтовали и порывались самовольно на Русь уйти. За зиму потеряли воеводы больше половины своего войска. Весной у них из 7000 осталось 3000.

Плакали казаки и роптали, а воевать готовились, лестницы строили, чтоб башни штурмом брать, и струги свои обновляли.

Тут помощь неожиданная пришла – 20 февраля явились из-за Волги от калмыцких и едисанских мурз посланники, Баатырка Янгеев со товарищи и «шертовали (клялись) они калмыцкие посланцы на своей правде по своей калмыцкой вере за Дайчина тайшу и сына его Манчака тайшу и за всех калмыцких и едисанских мурз, и за всех воинских людей на том, что им, калмыцким тайшам, служить ... великому государю» с донцами заодно и промысел над крымскими и ногайскими людьми чинить. Калмыки оставили для веры своих двух аманатов, а донцы «для мирного подкрепления и подлинных ведомостей» послали своих двоих казаков к калмыкам – Федора Будана да Степана Разина.

Весной донесли прикормленные люди, что надо вскорости ожидать нового прихода турок и татар, которые хотят поставить еще два каменных укрепления - одно на верхнем устье Мертвого Донца, а другое на устье Темерника. Все выше и выше по Дону намеревались басурманы подняться, намертво все выходы в море перекрыть, а тогда хоть с Дона уходи.

Решили донцы их опередить и в марте вместе с воеводами Хитрово выступили они под Лютик. 9 марта осадили.

Место низкое, подкопаться нельзя - вода заливает. Пушек и пороха нужного количества нет. А тут надо оглядываться, как бы хан крымский на помощь не подошел. Потому решили донцы брать каменный город на отвагу, штурмом.

Воевода стольник Иван Хитрой людей своих с казаками послал, а сам не

пошел, стоял за Донцом лагерем верстах в трех. Казаки о нем не жалели, а то будет еще под ногами путаться...

Поначалу все шло удачно. Перемахнули они ров и по лестницам взлетели на стены. Минуя бойницы, поднялись они прямо на крыши башен и стали эту кровлю взламывать, чтоб в осажденных сверху стрелять или кинуть им туда чего-нибудь вроде бочонка с порохом и с горящим фитилем.

В разгар боя явились от стольника и воеводы Хитрово начальные люди и велели русским ратникам от города отступить...

Страх или зависть воеводу на такой приказ подвигли, неизвестно, но штурм сорвался, и донцы опять в Черкасский городок вернулись. Своих ребят потеряли они убитыми 50 человек, да переранили турки человек 40. У турок потери – 24 убитых и примерно 100 раненых.

Запросило Войско из Москвы орудий стенобитных побольше, да чтоб ратных людей еще прислали, а заодно про Хитрово написали, как он им штурм сорвал.

Москва новых войск прислать не могла и не обещала. На Украине польская армия, не получая жалования, взбунтовалась, и это русских обнадеживало. Но литовское войско продолжало напирать, князю Хованскому приходилось туго.

Меж тем на Дону из-за разлива к башням по сухому подступиться стало невозможно, пришлось ждать. Удивительно только, что во время разлива, когда вся дельта Дона превращается в сплошную водную гладь, они мимо каменных башен в Дон проскользнуть не догадались.

А с другой стороны, хан не появился, ушел полякам на помощь (Украину грабить). Повезло...

Используя передышку, отправили донцы в Москву отписку о возникших калмыцких делах.

Постоянное войско в это время у русских было не ахти. Командный состав и вовсе слабый. Патрик Гордон, наемник, писал в своем дневнике: «В последние два года в Россию приехало очень много иностранных офицеров,

одни с женами и детьми, другие без них. Значительная часть их были дурные, низкие люди. Многие из них, никогда не служив офицерами, в России поступали на службу в офицерских чинах». Приходилось на «дикие орды» опираться. На калмыков тех же.

Голландец Ян Стрейс, кстати, их так описывал: «Эти калмыки – отвратительные. Мерзкие, безобразные люди, и даже у готтентотов и уродливых мавров более приветливые и красивые лица, чем у них... Они почти не ходят пешком, а всегда сидят на лошади, как приросли к ней; оружие их стрелы и лук. Они большие людокрады и находятся в постоянной вражде с ногайскими татарами, живущими под Астраханью; они крадут друг у друга скот и людей и обычно продают их в Астрахани, где заведены три базарных дня: для русских, ногайцев и калмыков; последние не выносят друг друга... Они не живут ни в городах, ни в селах, ни в домах, но поселяются отрядами или кочевьями в маленьких хижинах на том или другом тучном пастбище. Когда их лошади, верблюды, коровы и мелкий скот оголят и сожрут все дочиста, они поднимаются с этого места и переходят на другое пастбище».

В Москве калмыкам не особо доверяли. Сам царь Алексей Михайлович требовал, чтоб они «запись дали прямую шертованную, чем они промежь себя верятца, а не так, как прежь сево собаки рассекали да кровь лизывали, и то все обманывали». И калмыки согласились дать такую запись, куда государев указ будет идти, туда им и идти. Но использовать их можно было с разбором. Шотландский наемник Гордон, о котором мы потом много писать будем, отмечал: «Насколько крымским татарам были страшны калмыки, настолько последние боялись турок. Калмыки были почти все голы и плохо вооружены».

В июле из Москвы сообщили казакам, что калмыки в присутствии Касбулат мурзы Черкасского и дьяка Горохова подтвердили свою преданность царю новой присягой, и теперь надо ждать донцам помощи от калмыков – собираются 6000 калмыков да 2000 едисанских ногайцев на Дон

против крымских татар. Но собирались они, однако, за Волгой. Это когда еще придут?..

2 августа, пользуясь отсутствием крымчаков, донцы, собрав всех, кого можно, подошли к Каланчинским башням, осадили их по всем правилам, за полверсты насыпали вал, в ста саженьях от башен, а кое-где и меньше, построили шанцы и из пушек стреляли беспрерывно. Верхнюю батарею на башне сбили, но среднюю сбить не смогли. От такой пальбы три пушки у самих казаков разорвало (вообще впечатление, что они только учатся воевать...), и они решили, как и раньше, лезть на стены.

На этот раз штурм турки отбили. Как объяснили казаки в отписке: «пошли к тем башням с лестницами на приступ и на одной башне на стене с лестницами были, и божиею, государь, волею тех башень не взяли».

Осаждая башни, обратили они внимание на ручей, который вытекал из Дона повыше башен и впадал в Каланчинскую протоку. Дальше по протоке укреплений не было, открывалась чистая дорога в море. Вот только ручей мелок и узок, с обоих берегов струт или лодку белым оружием достать можно.

Ничего страшного. Расширили казаки этот ручей и углубили, назвали «Казачий ерик». Главное – дорогу в море нашли. Возможно, временную. Но неугомонные донцы снарядили немедленно 20 стругов и Казачим ериком и Каланчинской протокой выбрались в Азовское море.

В море напротив урочища Белосарай встретили они 5 турецких кораблей, которые везли дополнительные силы в гарнизоны на башнях, человек 500. Казаки напали на удивленных турок, но те, хотя и удивлялись, однако казаков отбили. Вернее, казаки, встретив упорное сопротивление, сами отскочили, никого не потеряв, и направились к крымским берегам. Двух ребят они все же отправили с вестями в войско: мол, берегитесь, идет в гарнизоны на башнях турецкая подмога.

У Судака приставали казаки к берегу и разорили десять татарских деревень. Оттуда, нагрузив струги грабленным добром, решили возвращаться.

В это время на Дон и подошла, наконец, калмыцкая подмога – 500 всадников. Донцы обрадовались, взяли калмыков, взяли русских ратных людей с государевыми воеводами и во главе с Корнилой Яковлевым напали на ногайские улусы под Азовом. Азовские люди ногайцев подкрепили, и разгорелся под стенами города настоящий бой. Отписывали потом донцы в Москву, что калмыки, вооруженные луками и копьями, «на том бою бились радетельно». Общими усилиями человек 500 ногайцев и азовцев побили и столько же в плен взяли, да русских пленных человек 100 отбили. После боя полон не делили, а весь калмыкам отдали, «чтоб де им впредь повадно было на крымские улусы ходить». И русских отбитых пленных калмыки с собой увели, пообещав, что сами их русскому царю отдадут, так де хотели перед царем выслужиться.

Пока донцы безобразничали в Крыму, татарский царевич с 3000 всадников появился под стенами Азова. Татары, азовцы и новоприбывшие турки, повстречавшие в море казачьи струги, стали искать, где же и как же казаки смогли проскользнуть в Азовское море. Не по Миусу же... И нашли Казачий ерик.

Обрадованный царевич велел этот ерик засыпать и камнями завалить, после чего, успокоенный, отступил «для корму в черкасские места». Надеялся, что разведка вовремя сообщит, когда казаки возвращаться будут, тут он их на засыпанном ерике и возьмет.

Казаки, возвращаясь, попали в шторм и 7 стругов потеряли. Это их всех и спасло. Гребцов с потопленных судов казаки высадили на берег, и отправились они сухим путем вверх по правому берегу Дона, «по крымской стороне». Это примерно там, где крымский царевич «для корму» стоял. «И, по той стороне идучи, билися с татары неделю, и пришли в Войско все здоровы ж». То есть часть татарских сил этот экипаж 7 стругов отвлек на себя. Татары же по малочисленности указанных казаков поняли, что главные силы донцов будут прорываться с моря где-то еще и, ожидая подвоха, стянули свои три тысячи под Азов. А донцы пошли старой дорогой, по

Каланчинской протоку, уперлись в заваленный камнями и засыпанный землей Казачий ерик и просто-напросто перетащили струги в Дон по сухому месту.

Всю зиму с 1661 на 1662 год они опять жаловались царю на скудость свою неимоверную и грозились уйти с Дона, и «из уважения к бедственному положению их» получили 8000 рублей денег, 200 половинок гамбургских сукон, 200 пудов пороху, 100 пудов свинца и 5000 четвертей хлеба. Если учесть бедственное положение российских финансов (в 1662 году вспыхнул Медный бунт), то жалование щедрое.

Царь же, высылая жалование, их подбадривал. В изложении В. Сухорукова это звучит примерно так: «Соберите все свои силы, ниспровергните твердыни вражеские; победите самую природу и возжгите пламень опустошения в областях крымских; слава поведет вас на брань, а мои щедроты покроют победителей!».

17 апреля 26 стругов, а в них тысяча донских казаков, двинулись вниз по Дону, и сопровождал их Яков Хитрово с уцелевшим царским войском, а уцелело их к тому времени тысячи три.

Хотели казаки расчистить Казачий ерик и по нему выйти в Каланчу и в море. Для расчистки взяли с собой всех черкасских казаков.

Турки заранее построили шанцы напротив Казачьего ерика на Каланчинском острове, на устье, и ждали там казаков вместе с татарами.

С «великим боем» казаки турок из шанцев выбили и сами в тех шанцах засели, сразу же ерик раскопали и 26 стругов на море «на государеву службу» пропустили.

«Служба государева» выразилась в набеге на Керчь, разорении этого города и близлежащих улусов и освобождении русских пленных. Затем сходили казаки через море под Трапезунд, пожгли там деревни и в июле с добычей решили возвращаться.

Турки к их приходу Казачий ерик опять засыпали и поджидали там с подошедшим татарским войском. И к донским казакам под Черкасск

помощь подошла – князь Каспулат Черкасский со своими узденями и с калмыками.

Возвращающиеся с моря казаки схитрили, струги свои с добычей и с положенной «третью» (в данном случае – 300 казаков) отправили в устье Кальмиуса. Речка эта пограничная, и промышляли на ней больше запорожцы, чем донцы. Остальные выгрузились и пошли сухим путем. Навстречу им выступили русские войска и казаки из Черкасска. И у Свиного протоку, как прознали русские дипломатические службы, «у калги царевича и у азовского паши с донскими казаки был бой, и на том бою урон ратных людей учинился большой на обе стороны». Казаки прорвались, но нескольких товарищей потеряли пленными.

Пока турки и татары не вытрясли из пленных важные сведения, послана была казаками подмога на Кальмиус. Заблаговременно на речке Тузлов отрыли они окоп, как своего рода перевалочный пункт для доставляемой добычи. На Кальмиусе струги затопили и с добычей отправились степью в Черкасск.

В степи их перехватили татары, но казаки успели добраться до окопа на Тузлове и там «милостью Божиею и помощью пресвятыя нашея богородицы Одигитрие, и всех святых молитвами и помощью... крымского царевича калгу и многих турецких и всяких воинских людей у него побии». Татары, ничего не добившись, ушли в Крым, а казаки с добычей – в Черкасск.

Интересно, почему они Одигитрию вспомнили.

В 1656 году высылали донцы по царскому наказу своих ребят в Литву на государеву службу. И те ребята на речке Вилие на судне (где ж еще им отличиться?) захватили вывозимый поляками из Вильны образ Божьей Матери, крест, евангелие и несколько церковных книг. Писал этот образ якобы сам евангелист Лука, и означало название Одигитрия в переводе с греческого «указывающая путь».

По благословению патриарха Никона отправили казаки Одигитрию на Дон и в честь нее церковь построили.

Но побыла икона Божьей Матери на Дону среди христоробивого воинства и что-то ей обратно в Литву захотелось. В 1661 году, когда отрезали турки казаков от моря бапнями-каланчами, стала являться Богородица многим казакам во сне и требовать, чтоб отправили ее образ обратно в Вильно. Но круг войсковой этим людям пока не верил. А вот как прижучили татары казаков в окопе на Тузлове, сразу поверили, ибо явилась Богородица на той речке в окопе сразу многим и предупреждала – не вернете образ в Вильно, и вам де милости Божией и помощи нигде не будет. Казаки, ясное дело, пообещали, что как только отобыются, немедленно отправят икону в Вильно. И сразу же отбились.

Как только вернулись они в Черкасск, то Богородица, чтоб на радостях обещания не забыли, явилась донскому казаку Ивану Стародубцу и об обещании напомнила.

Делать нечего, решили образ украсить и с зимней станицей отправить в Москву, чтоб оттуда уже ехал он в Вильно. И милость Божья вновь распростерлась над казаками...

Осенью того же 1662 года спустили они по Миусу в море еще три струга, в каждом по 40 человек. Миус далеко, а дело, как увидим, было срочное. Вышли в море и неподалеку от Кафы встретили 2 корабля, которые в Азов хлеб везли и 100 янычар на смену Каланчинскому гарнизону. Казаки те корабли захватили, 40 янычар убили, а 60 взяли в плен.

Об этом славном деле рассказывал в Москве посланный туда зимой с посольством Корнила Яковлев. Дело и вправду славное – 3 струга берут 2 корабля, и в схватке 120 на 100 (не считая матросов) казаки берут 60 пленных и не кого-то, а янычар.

Очень похоже на «точечный удар» спецназа, когда лучших из лучших посылают на важное дело.

Русские, увязнув в войне, пытались крымчаков и поляков расколоть, вели переговоры и с теми и с другими. Опять дело казаков коснулось. Хан, разгневанный последними казачьими набегами, хотел еще две крепости

поставить – одну на Миусе, другую на Казачьем ерикe. Думал, что московские посланники, как и раньше, от казаков отрекутся. Но русские неожиданно сказали: «Тебе известно, что донские казаки живут на Дону издревле, и на устье Дона никогда ваших крепостей не было, а теперь вы их поставили. Почему ж казакам не защищать пределы свои?».

Пока переговоры велись, казаки с Дона с калмыками на татар ходить продолжали, да с ними царский воевода Иван Хвостов ходил. Еще один отряд донцов с Григорием Касоговым и с Серком на помощь Запорожью ходил и под Перекоп подступал.

В 1664 году турки заключили с Императором перемирие на 20 лет, и руки у них развязались. Но туркам это мало помогло. В 1665 году в ноябре месяце все Войско Донское с русскими ратными людьми ходило под Азов. Гарнизон азовским командовал Мустафа паша, зять турецкого султана. Этот Мустафа, понадеявшись на свои силы, вышел казакам навстречу, но в сражении был убит. «Таковые неумолкаемые набеги и разорения, причиняемые казаками городу Азову, были поводом к обнесению предместья сего города каменною стеною», - пишет В. Сухоруков.

Зимой каменную стену возводить трудно, а отомстить турки хотели. В конце января 1666 года послал новый азовский комендант своих пеших и конных людей на Черкасск. Конные шли степью, а пешие льдом по Дону. Казаки в это же время выслали к Азову охочих людей «для языков», человек 300. Ночью этот казачий отряд увидел на Лычанском острове огни и выслал вперед разведку. Разведка донесла, что на острове стали на ночлег «азовские воинские люди». Отряд, не откладывая, напал на отдыхающих азовцев, многих перебил, а 20 человек взял живыми. После боя казаки поспешили в Черкасск и подняли тревогу.

Утром черкасские казаки всеми силами вышли на Рыково урочище и сразились с азовской конницей, подошедшей из степи. Азовцев отразили, а их командира Тахтомыш агу и с ним 5 человек «взяли». «Пяти человек в кругу у себя казнили, а шестого человека, азовца Мигметка из Войска

послали к великому государю к Москве».

В апреле Москва решилась восстановить сношения с Турцией и направила через Черкасск и Азов в Константинополь стряпчего Василия Тяпкина.

Казаки Тяпкина мигом в Азов переправили, а азовский комендант Магмет-папа стал Тяпкину на казаков жаловаться. Тяпкин отвечал, что царь про казачьи набеги на турецкие берега ничего не знает, а он, Тяпкин, решать такие вопросы не уполномочен... В общем, то же самое, что и всегда. Но, по крайней мере, не отрекался и туркам ловить и казнить казаков не предлагал.

Правда, отплывая из Азова в Константинополь, написал Тяпкин казакам письмо, «чтоб им, казакам, великого государя указу слушать, на море не ходить и с азовскими и с крымскими людьми задоров не чинить».

Во избежание дипломатических осложнений и чтоб не сорвать переговоры, казаки ответили не Тяпкину, а азовскому коменданту, написали, что «Василья Тяпкина письма мы не слушаем. А слушаем указ великого государя, прислана от великого государя на Дон грамота, чтоб нам послать под Крым для языков и про Василья Тяпкина проведать, и мы для языков под Крым послали».

Глава . Присяга на верность.

В 1667 году русские с поляками заключили, наконец, перемирие на 13 с половиной лет и начались общие мирные переговоры между Польшей, Россией и Крымом. Крымчаки во время переговоров для давления на русскую сторону большое войско под Азов подвели.

В ходе этих событий жизнь в Войске Донском изменилась, но и само Войско к тому времени изменилось. После страшного Азовского сидения и его последствий, когда донские казаки чуть не исчезли с лица земли, прошло 25 лет, четверть века.

В 1666 году беглый подьячий Котошихин расписал шведам всю

русскую жизнь и в своем описании сказал о донских словах такие слова: «Донские казаки; и тех Донских казаков з Дону емлют для промыслу воинского, посылать в подъезды, подсматривать и неприятелские сторожи скрадывать; и дается им жалованье, что и другим казаком. А будет их, казаков, на Дону с 20 000 человек, учинены для оберегания Низовых городов от приходу Турских, и Татарских, и Нагайских людей, и Калмыков. А люди они порою Москвичи и иных городов, и новокрещенные Татары, и Запорожские казаки, и Поляки, и Ляхи, и многие из них Московских бояр и торговые люди и крестьяне, которые приговорены были к казни в разбойных, и в татинных, и в иных делах, и покрадчи и пограбья бояр своих, уходят на Дон; и быв на Дону хотя одну неделю или месяц, а лучитца им с чем нибудь приехать к Москве, и до них вперед дела никакова ни в чем не бывает никому, что кто ни своровал, потому что Доном от всяких бед свободяютца. И дана им на Дону жить воля своя, и начальных людей меж себя атаманов и иных избирают, и судятца во всяких делах по своей воле, а не по царскому указу. А кого лучитца им казнить за воровство или за иные дела и не за крепкую службу, и тех людей, посадя на площади или на поле, из луков или из пищалей розстреляют сами; так же будучи на Москве или в полках, кто что сворует, царского наказания и казней не бывает, а чинят они меж собою сами ж. А как они к Москве приезжают, и им честь бывает такова, как чужеземским нарочитым людям; а ежели б им воли своей не было, и они б на Дону служить и послушны быть не учили, и толко б не они, Донские казаки, не укрепились бы и не были б в подданстве давно за Московским царем Казанское и Астраханское царствы, з городами и з землями, во владетельстве. А посылается к ним на Дон царское жалованье, денежное, негораздо помногу и не всегда; а добываются те казаки на Дону на всяких воинских промыслах от Турских людей, горою и водою, так же и от Персидских людей, и от Татар, и от Калмыков; и что кто где на воинском промыслу ни добудут, делят все меж собою по частям, хотя кто и не был. Да к ним же, Донским казаком, из Казани и из Астрахани посылается

хлебное жалованье, чем им мочно сытим быть; а иные сами на себя промышляют».

Потом этот подьячий в Швеции по пьяному делу кого-то зарезал... Но нам сам он не интересен, а важны его слова о донских казаках.

И донцы, особенно те, кто на Дону родился и вырос, когда попадали в Москву, смотрели на москвитов, как на иностранцев. А для нового, свежего взгляда было там много интересного и странного. Для примера возьмем описание одного голландского путешественника:

«Истинные русские или москвиты коренасты, толсты и жирны телом, с особенно нескладными головами, руками и ногами. Простой народ крепок по природе, переносит всякие невзгоды, редко спит на мягкой постели, иногда на соломе, а чаще всего на деревянных скамьях. Зимой все — отец, мать, дети, работник, служанка — перебираются в общую комнату, приготовленную для этого, и спят там вповалку. У них мало утвари, и она состоит из грязных горшков, мисок, деревянных плошек, кувшинов, оловянных чарок для водки и кубков, которые почти никогда не бывают чистыми.

Они рабы во природе и рождены для рабства, они весьма редко работают добровольно и без принуждения; их всегда понуждают к тому побоями. Они так привыкли к своему рабству, что, получив свободу после смерти своего господина или по доброте его, снова продают себя в рабство. Тот, кто хочет заставить их работать, вынужден, сколько бы в нем ни было доброты и сострадания, прибегать к кулакам и палкам. Их скверно кормят, что способствует распространению воровства. Также часто происходят убийства, и каждый, кто боится потерпеть убыток или потерять что-либо, должен быть настороже

Это все, что можно сказать о простом народе, но зажиточные люди ведут более спокойную жизнь, хозяйство и стол держат лучше, особенно когда принимают гостей, ибо последние приносят больше прибыли, чем убытка, и всякий знает, сколько ему подобает принести с собой, почти так же, как на вестфальских свадьбах. Они мелочны, бережливы в еде, потому что держат

много крепостных и до пятидесяти-шестидесяти лошадей, которых нужно прокормить. В Москве холопы получают весьма мало на харчи, но еще меньше в деревне, где им дают столь малую плату, что господа вынуждены смотреть сквозь пальцы на их воровство и плутни.

Московиты некрасивы и не нежны, и пища их весьма простая: крупа, горох, кислая капуста, соленая рыба и ко всему прочему грубый ржаной хлеб. Приправой ко всякому блюду служит лук и чеснок, чем от них воняет за версту, что с непривычки совершенно невыносимо... Они едят много рыбы и большей частью соленой, от нее на рынках стоит такой странный запах. Осетрину подают к столу у зажиточных людей почти каждый день... Они называют водку вином и считают ее самым почетным напитком; ее пьют без разбора мужчины и женщины, духовные и светские, дворяне, горожане и крестьяне, до и после еды, целый день, как у нас вино; в нее добавляют перцу и считают это лекарством. Простой народ так падок на водку, что даже в сильные морозы пропивает, если нет денег, верхнюю одежду и шапку, и более того: сапоги, чулки и рубаху, и выходит из кабака или трактира в чем мать родила. Мужчины и женщины (главным образом из простолюдин) проявляют большую страсть к водке, напиваясь дома и в корчмах до такой степени, что многие женщины оставляют в залог свое платье, теряют стыд и честь и открыто, как неразумные твари, предаются разврату; такая безнравственность и распущенность в прежние времена не считалась постыдной, а только потешной забавой... Московиты страстные курильщики табака, который, хотя в 1634 г. и вышло строжайшее запрещение, курят тайно.

Московиты, как уже сказано, неловки и неуклюжи с виду, но обнаруживают великую смекалку в торговых делах. Они исключительные обманщики и предатели, жены часто доносят на своих мужей его величеству, если те держат их в большой строгости и подчинении, обвиняя их в плутовстве, чтобы развестись с ними, вследствие чего мужья печальным образом попадают в ссылку, в Сибирь. Чтобы сократить доносы, в нынешнем

году издали указ, по которому каждый, кто обвиняет кого-нибудь в тяжелом преступлении без приличествующих доказательств, должен быть подвергнут пыткам...

Народ в Московии завистлив и сварлив, употребляет в разговоре различные дурные, невоздержанные, бранные и постыдные слова, но у них редко доходит до драки, и еще реже берутся они за ножи. И когда с течением времени в Москве поселились иностранцы, которые не переносили брани, возникло много недоразумений, и был установлен денежный штраф с каждого, кто вздумает ругать власть, приказных или знатных людей.

Одежда московитов состоит из верхней — темно-зеленого, коричневого, фиолетового или красного сукна с разрезами по бокам и спереди, с нашитыми на них большими пуговицами, большими отворотами сзади, подобно старинным покроям Голландии. Под низ одевается шерстяная или шелковая одежда с высоким стоячим воротником. Узкие рукава в несколько локтей длины собираются в складки у запячья, чтобы освободить руку. При таком покрое удобно поварам подхватывать горячие горшки и сковороды, и рукава обычно неопрятны и грязны. Воры и бродяги кладут в концы рукавов камни или олово, чтобы неожиданно ударить кого-нибудь по голове».

Вот так и попадали молодые казаки в Москву, как в кружало...

А голландец в целом правду написал. Автор этих строк сам свидетель, как московские женщины, чтоб любовника в дом привести, жалуются в милицию, что муж их бьет. Приходят «менты» и мужа законного на ночь с собой в «обезьянник» забирают, а жена утром от своего заявления отказывается и мужа дома встречает, как ни в чем не бывало.

С 1667 по 1671 год творились в Войске Донском дела страшные, но предсказуемые.

Казачьи морские набеги на турецкие и татарские берега были для турок и татар явлением болезненным, но не смертельным. Море, по тем временам, не только караванная дорога, но и препятствие. Много по морю за раз войск перевезешь? Турки и татары польскому королю и русскому царю постоянно на

казаков жаловались. А король с царем и не подозревали, чем их реакция на эти жалобы может закончиться. Закончилось все печально.

Как только поляки по согласию с турками перекрыли запорожцам выход в море по Днепру, вся разрушительная, грабительская энергия этой вольницы устремилась внутрь страны. А в Польше и так разные несогласия и противоречия назревали. В итоге Речь Посполита стремительно скатилась на самый край пропасти и еле-еле отползла от этого края. Но подняться, по-прежнему стать самой сильной страной Восточной Европы поляки уже никогда не смогли.

Но поляки – народ самонадеянный, амбициозный, такие о последствиях обычно не думают. А москвиты были в то время народом молодым и причин многих событий просто не разглядели, хотя все и происходило на их глазах. Потом сами на те же грабли наступили.

Как только стали с турками и татарами мириться, выход в море мимо Азова перекрывать, сразу окрепшее, умножившееся да еще и голодающее от обилия приплылых сообщество нашло другую лазейку. И в другое море.

В Москве досмотрели, что вызревает нечто нехорошее, и 22 марта 1667 года отослали на Дон грамоту, что в городках Паншине и Качалине собираются казаки, человек с 2000, и хотят на Волгу идти воровать, а Войско пусть пошлет туда атамана, есаула и с ними казаков добрых, сколько пригоже, чтоб эти шайки «от всякого дурна и воровства... унять».

Но в Войске промедлили, а может, и испугались связываться с атаманом собравшихся искателей зипуна. Так началось движение Степана Разина, потрясшее всю Россию и покачнувшее Дон. К азовской эпопее оно прямого отношения не имеет, и мы о нем подробно писать не будем. А вот последствия его для Дона большое значение имели, и мы о них напишем.

Поход на Волгу и на Каспийское (Хвалынское) море затянулся на несколько лет, но поживились казаки и приставший к ним сброд, как никогда. Голландец Ян Стрейсс, видевший этих казаков в Астрахани, описывал их так: «... простые казаки были одеты, как короли, в шелк, бархат и другие одежды, затканые

золотом. Некоторые носили на шапках короны из жемчуга и драгоценных камней, и Стеньку нельзя было бы отличить от остальных, ежели бы он не выделялся по чести, которую ему оказывали, когда все во время беседы с ним становились на колени и склонялись головою до земли, называя его не иначе, как батенька или отец, и, конечно, он был отцом этих безбожных детей. Я его несколько раз видел в городе и на струге. Это был высокий и степенный мужчина, крепкого сложения, с высокомерным прямым лицом. Он держался скромно, с большой строгостью».

Вернувшись на Дон с добычей, Разин произвел там форменный переворот. Зачитали потом ему перед смертью: «А во 178 (1670) году ты ж. вор Стенька Разин, с товарищи, забыв страх божий, отступя от святыне соборные и апостольские церкви, будучи на Дону, и говорил про спасителя нашего Иисуса Христа всякие хульные слова и на Дону церковью божиих ставить и никакого пения петь не велел, и священников с Дону сбил, и велел венчаться около вербы. Да ты ж, вор, забыв великого государя милостивую пощаду, как тебе и товарищем твоим место смерти живот дан, и изменил ему, великому государю, и всему московскому государству, пошел на Волгу для своего воровства и старых донских казаков, самых добрых людей переграбил, и многих побил до смерти и в воду посажал, да и жильца Герасима Овдокимова, который послан был на Дон с его, великого государя, милостивою грамотою к атаману к Корнею Яковлеву и к казакам, убил же и в воду посадил, да и воеводу, который был на Дону, Ивана Хвостова бил и изувечил, и ограбил, и он от тех побой умер».

Атамана Корнилу Яковлева спасло то, что Степану Разину он доводился крестным отцом, а Дон от междоусобной резни уберется тем, что Разину здесь вскоре стало тесно, да и говорили с ним, не склоняя голов и не становясь на колени, и отправился он опять на Волгу. И на Дону сразу стало легче и чище, ибо с Разиным ушли все недавно приплытые, злые и голодные.

Разин со своими людьми и пристававшими к нему толпицами сырых и убогих захватил все нижнее течение Волги и поднялся до Симбирска (в будущем –

родины В.И. Ленина). Но под Симбирском Барятинский с Милославским его разбили, и он, раненый, бежал на Дон, в Кагальницкий городок.

Дон снова вздрогнул и на зиму примолк. Азовский ага открыто обвинял донскую верхушку в потворстве Степану Разину, говорил русскому посланнику Петру Быкову, бывшему в Азове с грамотой, что старшина Родион Осипов и атаман Корнила Яковлев «первые великому государю изменники, и его, вора, изменника Стеньку Разина, отпускали на воровство они. А как де его, вора, Великого государя ратные люди под Симбирском побили, и он де, видя свое бессилие, побежал на Дон, в Кагальник, и из Кагальника де в Черкасской к атаману к Корниле Яковлеву и, напився пьян, валялся в шубе соболье, а их де, Корнила и Родиона, в то время дарил, Корнилу дал шубу рысью, а Родиону котел серебряной, и они де, подчивав его, вора, отпустили из Черкасского в Кагальник на своей лошади; а если б де они государю были верные слуги, и они б его, вора, в то время у себя задержали и к великому государю о том писали, и его, вора, к Москве послали».

Ясно, что донская верхушка в смутное для Дона время служила «и нашим и вашим». Пока Разин в силе был, о Москве на Дону словно забывали. Ни единой весточки не слали. Будущий атаман и покоритель Азова Фрол Минаев открыто с Разиным на Волгу уходил. Другие поосмотрительнее были, а когда Разин с Дону ушел, и вовсе осмелели. Разин еще на Волге промышлял, а с Дона уже послали в Москву станицу, как ни в чем не бывало, жалования просить. Станицу эту повязали русские и отправили в Архангельск. Потом, когда Разин уже в Кагальницком городке скрывался, поехал в Москву сам Родион Осипович Калуженин «бить челом ему, великому государю, Донского Войска от всех старшин в винах своих, что Донского Войска многие люди пристали к воровству вора и изменника Стеньки Разина и многое кровопролитие учинили».

В Москве согласились, что «то все учинилось вашим нерадением, хотя вашей измены и не было в том деле...», обещали жалование слать по-прежнему, только Разина схватите и в Москву приплите, а прочим разбойникам учините указ «по войсковому праву».

Корнила Яковлев собрал отряд, осадил Разина в Кагальницком городке и захватил, после чего в Москву отвез. Там Разина 6 июня 1671 года казнили.

Царь смилостивился, прежнюю станицу из Архангельска вернул и пожаловал. А 24 августа того же года явились в Черкасск из Москвы Корнила Яковлев, Родион Осипов, а с ними стольник и полковник Григорий Касагов и дьяк Андрей Богданов. Привезли они царское жалование деньгами и хлебом. А Касагов объявил царскую волю, чтоб присягнули атаманы и казаки на верность службы.

Казаки уперлись: «Мы рады служить государю без крестного целования, и нам присягать не для чего». И упирались так четыре дня. Потом все же положили присягнуть, а кто не присягнет, того казнить, а имущество грабить.

Как уж их на это уговорили, и кто конкретно уговаривал, надо бы целое расследование проводить...

Совсем недавно голландец Ян Стрейс о них записал: «Донские казаки – те, которые живут на знаменитой реке Танаис, или Дон, и находятся под властью великого царя. Это скорее добровольное, чем вынужденное подчинение, отчего они пользуются особыми замечательными правами, живут по своим законам и находятся под управлением головы или начальника, которого сами выбирают. Они пользуются такой большой свободой, что когда к ним переходят холопы бояр или знатных людей, то владельцы не имеют на них дальнейших прав».

А сейчас что? «Главные статьи присяги, - писал В. Сухоруков, - заключались в том, чтобы старшинам и казакам все открывшиеся на Дону возмущения и тайные заговоры противу государя и отечества в то ж время укрощать, главных заговорщиков присылать в Москву, а их последователей по войсковому праву казнить смертию; естли же кто из них в нарепление этой присяги, изменяя государю и отечеству, начнет ссылаться с неприятелем своего отечества, или с поляками, немцами или татарами, с таковыми предателями, не щадя жизни своей, сражаться; самим к таковым злоумышленникам не приставать и даже не помышлять о том, с калмыками дальнейших сношений не иметь. Кроме увещеваний служить государю с казаками вместе; скопом и заговором ни на

кого не приходить, никого не грабить и не убивать и во всех делах ни на кого ложно не показывать. На здоровье государя и всей царской фамилии не посягать и, кроме его, великого государя царя и великого князя Алексея Михайловича, всея Руси самодержца, другого государя, польского, литовского, немецкого и из других земель царей и королей или принцев иноземных и российских на царство всероссийское не призывать и не желать; а ежели услышат или узнают на государя и всю его царскую фамилию скоп или заговор, или другой какой умысел, возникший у россиян или у иноземцев, и с такими злоумышленниками, не щадя жизни своей, биться».

Присягали на площади у соборной церкви в присутствии Касагова и Богданова. Всех присягнувших они переписали в книгу, присланную из Посольского приказа, «другая книга оставлена была ими в Войске для вписывания в оную имен тех казаков, кои впредь придут служить в Войско, и всем тем, кои родятся на Дону и достигнут совершенного возраста».

В ноябре Касагов и Богданов вернулись в Москву, привезли с собой крестоцеловальную книгу и обо всем подробно отчитались.

Что касается Азова и выходов в Азовское море, то в смутном 1670 году, когда Разин шел вверх по Волге, казаки, оставшиеся на Дону, на царский запрет наплевали и на 30 или 40 стругах в море все же вышли. Русский посланник в Крыму им написал, чтоб немедленно на Дон вернулись и мира между царем, ханом и султаном не нарушали. Казаки ответили: «В дела государей мы не вмешиваемся, но ищем, где бы получить более прибытку». И поплыли дальше.

Считается, что сообщество, которому становится тесно и трудно прокормиться на занимаемой территории, последовательно пробует три пути разрешения проблемы. Во-первых, оно пытается расширить контролируемый ареал; во-вторых, пытается регулировать численность населения; в-третьих, пытается провести технологическую революцию.

Сейчас перед нами явная попытка расширить ареал, взять под свой контроль не только Черное море, но и Каспийское. Близится время второго этапа, когда казаки вынуждены будут контролировать и ограничивать свою численность.

Лет через пятьдесят они согласятся выдавать бегущих на Дон. О попытках как-то по-другому наладить хозяйство пока и речи нет. Пройдет тридцать лет, но по-прежнему будут убивать тех, кто попытается пахать землю. А вот когда доживут до осознания, что землю донскую можно и нужно распахивать, опять прекратят выдачу с Дона беглых, но и в сообщество их не примут, заставят на себя работать. Но все это еще не скоро. Пока мы видим первый признак того, что казакам на Дону стало тесно. Много еще времени пройдет. А пока...

После поражения движения Разина некоторые обстоятельства благоприятственно для донцов изменились. Турки погромили поляков, и поляки просили русского царя о союзе, а донцов чтобы царь морем послал на турок и татар.

В апреле 1672 года русские послали в Константинополь дьяка Василия Даудова отговаривать турок от войны с поляками, а донцам отписали проводить Даудова в Азов и сразу же открыть военные действия против Азова и Крыма.

В первых числах июля казаки размирились с азовцами и выступили под каланчи. Теперь они не могли подступить к Азову одновременно Доном и степью, каланчи мешали, и бои за Азов надолго превратились в бои за каланчинские башни. На сей раз они осадили башню, стоящую на правом берегу Дона, и ее, как сказано в донесении, «сбили до подошвы». То есть, остался от башни один фундамент. Такое возможно лишь при одном условии – внутри башни сдетонировали боеприпасы.

Гарнизон второй башни хотел уже бежать, но начался сильный низовой ветер, вода в Дону поднялась и затопила местность вокруг. С одной стороны, вторая башня стала менее уязвима, но с другой стороны, она не могла контролировать всю местность, залитую водой, и казаки на стругах устремились мимо нее к Азову.

У Азова они разорили все окрестности, взяли в плен человек 400 одних только турок и среди них брата азовского паши, кроме того отогнали 9 стад разного скота.

Разорение азовских окрестностей было только цветочками. По открывшейся в море дороге донцы вывели 34 струга и здесь вознаградили себя за длительное «воздержание». Страшные погромы, обрушившиеся на побережье, зародили слух, что казаков на море 700 стругов. Турки отказывались записываться на флот, чтобы подать помощь Азову, а некоторые впредь запасались хлебом и другими припасами, чтоб отсиживаться от казаков в крепких местах.

И все же казачьи набеги и уговоры Даудова на турок и татар должного воздействия не оказали, они продолжали готовиться к походу на Польшу. Тогда зимой с 1672 на 1673 год Фрола Минаева вызвали в Москву, где обсуждался план более серьезного нападения на турецкие и крымские владения.

На следующий год думный дьяк Иван Большой-Хитрово и стольник Касагов выступили на Дон с ратными людьми, они имели с собой продовольствия на два года и достаточно всякого другого снаряжения. Царь приказал им захватить Каланчинские башни, построить на их месте новую русскую крепость и посадить в ней гарнизон. Силы для этой операции выделили немалые – три полка московских стрельцов (1650 человек), разных стрельцов, городских казаков, бобылей и крестьян из нижних российских городов (6338 человек) и полк рейтар (1000 человек). Выступило всего 8988 человек, на Дон явилось 13 июня 8108.

Сами донцы собрали к 12 июня 10000 казаков. Каждый городок оставил для своей обороны четвертую часть наличных казаков, а три четверти выслал к Черкасску.

Надеялись еще на приход калмыцкого войска, но калмыки запаздывали, а когда пришло их человек 500, то отказались дать аманатов.

Решились начинать и без калмыков.

5 августа российские войска в числе 4912 человек под командованием Хитрово и 5000 донцов под началом самого Корнилы Яковлева и знатнейших старшин Михаила Самарянина и Родиона Осипова (сына знаменитого Осипа Петрова) выступили к Каланчинским башням. Выступила, как видим, половина собравшегося войска. Остальные из излишней предусмотрительности остались

в своих лагерях: донцы – в Черкасске, русские – в укрепленном лагере, построенном Хитрово.

Турки к тому времени башни отстроили и укрепили, обнесли валом в 4 сажени высоты и 3 сажени ширины, а вокруг вала вырыли ров и пустили по нему воду.

И русские Каланчинские башни осадили по всем правилам: поставили в 300 саженьях редут, вблизи нарыли шанцы, поставили на них 22 пушки и три недели эти башни непрерывно обстреливали.

Турки из Азова один раз подходили на помощь, было их человек 1000, но русские и казаки их сразу обратно в Азов прогнали.

Хитрово орудийным огнем сбил с башен верхние и средние батареи по самый вал, а что дальше делать, не знал, навыка не имел, и отступил обратно к Черкасскому городку. Объяснял он свое отступление тем, что ядра у него кончились, а в башнях якобы гарнизон в 1000 янычар.

Казаки этому не противились и сами вперед не лезли. Они в это время раскопали засыпанный турками Казачий ерик и выслали по нему в море 11 стругов с Михаилом Самарянином. А Хитрово Михаилу Самарянину наказал на обратной дороге остановиться в устье Миуса, заложить там крепость и в той крепости зазимовать. Думал он, что казаки из этой крепости будут постоянно набегать на крымские берега и перехватывать караваны, идущие в Азов.

Отступив от Каланчинских башен, Хитрово и донские старшины отписали в Москву, что башни в десять раз крепче Азова, взять их никак нельзя, а зря людей и деньги тратить не стоит. Если и взять их, то крепость между ними и Азовом построить невозможно – место низкое, песчаное, постоянно водой заливается. А если великий государь хочет взять сам Азов, то пусть шлет 40 тысяч пехоты и 20 тысяч конницы, тогда можно попытаться. То есть, вы в Москве даете нам нереальные планы.

Явно не хотел Хитрово воевать, боялся, половину своего войска в тылу оставлял. И не напрасно. Объявился в это время на Донце некто Иван

Миусский, сподвижник Стеньки Разина, и начал воровать с размахом. А кроме того слух пустил, что находится при нем царевич Симеон Алексеевич, а у того царевича на плече особые царские знаки.

Хитрово в казачьи присяги на верность не верил и ждал, что вспыхнет на Дону, как только что при Стеньке. А куда ему тогда с войском деваться? Анабасис повторять?

Да и Самарянин ничего особо ценного на сей раз ни на море, ни на крымском побережье не нашел, а крепость поставил не в устье Миуса, а при впадении в Миус реки Неклиновки. Зачем он ее там поставил – Бог весть. Миус на десять верст от этой крепости несудоходен. Ни в море из нее выйти, ни туркам угрожать, а защищать трудно.

К зиме Хитрово немного успокоился – Миусский с самозванным царевичем ушел в Запорожье, стал там воду мутить.

Кое-как перезимовали, а весной случилось новое горе – наводнение. И московские люди в крепости около Черкасска два месяца жили на крепостных стенах да на крышах собственных жилищ. И так из русского лагеря за 1673 год убежало 1402 человека да 221 помер, и теперь бы убежали, но наводнение мешает...

В 1674 году царь направил на Дон новое лицо – князя Хованского, а с ним еще 3180 ратных людей. Хованскому строго-настрого наказали найти на устье Миуса место и ставить крепость.

Отправился Хованский в сентябре место выбирать. Казаки ему стали объяснять, что затея глупая, было б там место подходящее, они б сами там давно городок укрепленный поставили.

Пока Хованский устье Миуса осматривал, казаки успели на море смотаться и турецкий купеческий корабль захватили, а турки в отместку разбили их новое укрепление на Неклиновке.

Прибытие Хованского вызвало разные слухи, идет де с ним сорокатысячное войско. Турки сразу же отправили под Азов 33 судна с подкреплениями и стали Азов укреплять, а крымский хан направил под Азов

несколько своих улусов и с ними калгу Селемет-Гирея. И казаки до самой зимы с этими улусниками цапались.

И Хованский для крепости на Миусе место так и не нашел, о чем в Москву отписал.

Но в Москве уже иные идеи рассматривали. Родион Осипович Калуженин предложил поставить три крепости – две по устьям Казачьего ерика, а третью на Каланчинской протоке. Удерживая де Казачий ерик и устье Каланчи, можно в любое время в Азовское море выйти и Азов от всего мира отрезать.

Удерживать, правда, трудно эти крепости будет, но Калуженин и тут выход нашел – посадить в крепость на верхнем устье ерика 5000 человек, а в крепость на нижнем устье ерика 6000 человек, в крепость на самой Каланчинской протоке и того меньше понадобится. Чтоб сидели надежно, дать в год жалования по 10 рублей да хлеба по 6 четвертей. Если на Дону людей не хватит, разрешить всем русским вольным людям идти в эти крепости на службу, еще бы неплохо калмыков сюда вызвать, чтоб вокруг Азова кочевали и крымчаков трясли.

Московские люди сочли рассуждения Родиона Калуженина основательными, послали на Дон еще несколько полков с князем Кольцовым – Мосальским, а князю Хованскому приказали совместно с донскими атаманами и казаками начать указанные городки по Казачьему ерику строить.

И тут Войско уперлось. Ясно, что Калуженин, собака, выслуживается. Построят казаки городки по Казачьему ерику, а сядут в те городки царские ратные люди, и тогда захотят – выпустят казаков в море, а не захотят – не выпустят. Последнюю жилу перерезать хотят.

Сначала никак не хотели низовцы идти городки строить, пока с верховий Дона казаки не подошли, а одних низовцев де мало. Потом явились казаки, вызванные с верхнего Дона, с Хопра и с Медведицы. Собрал их всех Корнила Яковлев в Черкасске и стал волю царскую объявлять. Казаки ответили: «Мало нас. Ни строить, ни защищать новые крепости сил не хватит». И,

ругая Корнилу вполголоса нехорошими словами, разошлись. А некоторые и громко ругались.

Несколько раз он круг собирал, и несколько раз круг, ничего не решив, расходился. Наконец, потребовал Корнила решительного ответа: будем или не будем строить. Казаки так же, как и раньше, с руганью стали расходиться. Корнила сорвался, схватил у есаула насеку и об трех самых горластых эту насеку обломал. Перначом бить не стал, перначом убить можно.

Тут Корнилу, невзирая на преклонный возраст и седины, отлупили, как молоденького, вмиг с атаманства сместили и выбрали атаманом Михайлу Самарянина. Потом вспомнили: «Кто все эти пакости придумал? Давайте его убьем». Кинулись Калуженина убивать. Калуженин ножом отбилась и в доме у себя заперся. Оттуда его князь Хованский за крепким караулом к себе в стан, в Ратный городок отправил.

Через три дня привез его Хованский на круг и стал просить казаков, чтоб разрешили Калуженину по-прежнему в своем доме жить. Ладно, разрешили.

Самарянин уговорил, отправились место смотреть. В устьях Казачьего ерика, действительно, крепости поставить можно, а на Каланчинской протоке нельзя – место низкое. Тогда князь Хованский стал уговаривать построить хотя бы две крепости. Не хотят казаки. Ладно, стал уговаривать князь, мы сами построим, а вы в них сидеть будете и жалование получать по 10 рублей в год. Казаки ответили: «хотя бы нам жалование было и по 100 рублей, а мы в городках сидеть не хотим; рады мы за великого государя и так помереть, без городков; в те городки надо людей 13000, а нас всего тут тысячи три».

Донес Хованский обо всем царю, и 23 сентября послал царь на Дон грамоту, что лишит он казаков жалования, если вместе с русскими войсками городки по Казачьему ерику строить не пойдут, и под страхом смертной казни запретит торговцам на Дон провиант возить. Казаки все это выслушали и остались при своем мнении. Так ничего и не начали строить.

Чтоб как-то сгладить свою вину, решили выйти в море Казачьим ериком. Двинулись всем войском, и князь Хованский с ними пошел. Но на левом

берегу Каланчинской протоки уже ждали их турецкие батареи и выйти в море протокой не дали. Князь Хованский напротив свои батареи выставил и через Каланчинскую протоку по туркам пять дней стрелял. Много азовских людей побили и двух в плен взяли. Пленные показали, что на море напротив Азова стоят турецкие каторги, и казаки решили в море не выходить, а возвратиться обратно в Черкасск.

До конца года под Азовом лишь пошаливали – то турецких рыбаков, вышедших в Дон, перебьют, то скот из-под Азова в Черкасск угонят.

Вот так они и городки не построили и на турок и татар поиска на море не чинили. Но не решился все же царь их карать. Не время, и сил московских на Дону маловато. А тут стало известно, что Фрол Минаев, ходивший с тремя сотнями отборных ребят вместе с запорожцами на Перекоп, отличился. Царь за это ухватился и донцов простил, прислал грамоту: надо бы вас карать, что городки по Миусу и по Казачьему ерику не построили, но есть за вами деяния ваши за Перекопом, вы там 37 сел пожгли и трех султанов разбили, и мурзу Батыршу Мансурова в плен взяли, за эту вашу службу я вас прощаю.

В ноябре отправились в Москву Корнила Яковлев с ближними людьми извиняться и жалование просить, а в Москве как раз тишайший царь Алексей Михайлович помер.

Новый царь, Федор Алексеевич, повелел всех подряд казаков к присяге на верность службы привести, и Корнила со всеми своими приближенными сразу в Москве присягнули.

На Дон послали стольника Семена Колтовского, который с князем Хованским сначала в Черкасске заставил всех казаков присягнуть, а потом со стрелецким головою и выборными казаками стал все городки объезжать и казаков к присяге приводить. За зиму все это дело обделали. Казаки не сопротивлялись, крест целовали и в крестоцеловальные книги записывались.

Царь им сразу жалование выслал: деньгами 4500 рублей, хлеба 6 тысяч четвертей, 400 половинок сукон, 400 ведер вина, а пороху и свинцу – сколько и прежде.

В 1676 году каких-то особых приключений не было, лишь верховцы на Волге озоровали, да князя Хованского с Дона отозвали. Хованский ушел, но оставил с несколькими полками стольника Ивана Вольнского.

А в 1677 году, весной, турецкий султан пошел войной на русского царя, так как его царское величество покорил и взял под свое покровительство гетмана Дорошенко, которого турки считали своим подданным.

Но донцы султана упредили, в том же 1677-м, еще до Светлого Христова Воскресения, ходил под Темрюк морем Родион Калуженин и с ним 700 казаков, посад темрюцкий взяли и жителей человек 150 взяли же, но жители под Темрюком защищались крепко, Калуженин погиб в двухдневном бою, и с ним погиб есаул Федор Мурзин и казаков человек 20.

Две недели спустя все Войско во главе с атаманом Михаилом Самарянином и стольником Вольнским выходило под Азов. Вольнского оставили около Каланчинских башен, а донцы были у самых азовских ворот и взяли 7 человек татар, азовских жителей, затем, судя по отписке в Москву, «возвратились на Дон в целости». Но, согласно дневнику Патрика Гордона, 24 июня русские получили известие о стычке, происшедшей между турками, которые были в Азове, и донскими казаками. Казаки сначала одержали верх и захватили много добычи и пленных, но после были разбиты, как писал Гордон, «на одной невыгодной для них позиции и потеряли 40 лучших солдат с атаманом».

В 1678 году царь затребовал с Дона войско на Украину, воевать с турками и татарами. Донцы отправили 1000 пеших под начальством Конона Кириллова и 1000 конных, которых повели сам атаман Михаил Самаренин и войсковой старшина Фрол Минаев.

В 1679 году снова затребовали донцов (желательно конных) на Украину. Сам Корнила Яковлев собрал 3000 и хотел выступить, но на Петровку явились из-под Азова к Черкасску ногайцы, черкесы и азовцы во главе с самим азовским папой. Папа и 13 мурз затаились у устья Аксая у верхнего перевоза, а двух мурз, Урака и Давлета, с 1000 всадников послали к казакам

на остров. Видимо, думали, что казачье войско уже из Черкаска выступило. Но ошиблись. Донцы их на остров запустили, Урака мурзу и татар человек сто убили, а Девлета мурзу Асланбекова сына живым взяли и еще татар человек 16 вместе с ним.

Татары поняли, что ошиблись, постояли еще полдня на Аксае и ушли под Азов. Под Азовом еще с неделю они совещались и отправились на украинные русские города, на Чугуев и на Печенег. И донцы туда же направились, где 11 августа соединились с князем Каспулатом Муцаловичем Черкасским и дальше государеву службу служили.

В конце 1679 года с турками и татарами открылись переговоры о мире, и вскоре мир был заключен.

Казаки по обычаю помирились с азовцами, но мира настоящего не было. Азовцы будто переродились или с донцами местами поменялись. Не зря все чаще и чаще стали донцы среди азовских жителей своих изменников ловить. С укреплением царской власти на Дону, как видим, появились несогласные, которые в Азов уходили. Собирались они в шайки с ногайцами, черкесами и коренными азовцами и ходили в набеги под Тор, под Изюм, под другие русские города.

Донские старшины к азовскому бею – с претензиями. Когда пленных разменивали, вы у казаков без обмена 36 татар отобрали, а самих казаков переранили и ружья у них отобрали, «а которые де казаки ходят на звериный промысел, и тех де казаков грабят и, наругаясь, бороды и усы острыгают». Но главное, когда во время мира азовцы, черкесы и татары ходят на русские города, сам бей их провожает и артиллерией подкрепляет.

Комендант Сеин бей казакам нагло ответил, что султан и царь мир действительно заключили, но азовцы на русские города и впредь ходить будут, ибо кроме этого им кормиться нечем.

Казаки сказали, что они в таком случае будут всем Войском тех азовцев бить.

Бей ответил: бейте, а если они вас побьют, то мне не жалуйтесь.

Казаки сказали: ваши у нас на размене татар отобрали, заплати за них.

Сеин бей ответил: я за тех татар сейчас платить не буду, заплачу после, как время будет; а если не заплачу, то вы новых татар поймайте, где вам попадутся; а я потому еще выкуп платить не буду и разменивать их не буду, что вы нам дрова и уголь не продаете.

Войско между собой на то решило татарам ни явно, ни тайно дрова и уголь не продавать и не возить.

На круге казаки требовали идти на Азов и с азовцами разобраться, насилу Фрол Минаев уговорил их не нарушать мира, а написать царю и ждать царского повеления.

В 1682 году объявлено было о вступлении на престол нового царя, Петра Алексеевича. Случилось это 27 апреля, в четверг. Сразу же послали стольников и стряпчих и дворян московских и жильцов в разные города и земли народ «ко кресту приводить». И на Дон послали, а кого – не сказано. Да на четвертый день, как сказано в «Книге записной царя великого князя Петра Алексеевича», «были у великого государя у руки донские казаки в передней».

И не думали и не гадали донские казаки, что им новое царствование несет, больше по привычке на Азов оглядывались.

И в 1682 и в 1683 годах, уже при новых государях, выходили азовцы вкупе с татарами и черкесами в степь и русские украинные города разоряли, а иногда и на казачьи городки набегали.

Как писал В. Сухоруков, «по заключении мира 1680 года между Россиею, Турциею и Крымом до 1685 года казаки принуждены были сносить все обиды азовцев и крымцев; в течение этого времени слышны были одни только жалобы их, и российский двор для сохранения мира строго запрещал казакам мстить за свои обиды».

Оно и понятно, турки влезли в Европу, до Вены доходили, и московские люди здраво рассудили, что не стоит османов отвлекать, пусть с цезарцами и поляками дерутся до изнеможения.

Долго еще донцы мучились без привычного «зипуна». На Волгу порывались выйти пограбить, с калмыками взаимные набеги устраивали, с запорожцами собирались к польскому королю на службу с турками и татарами воевать. По последнему случаю в 1684 году по всему Войску бумаги устрашающие рассылали, смертной казнью грозили, ибо желающих уйти с Дона к королю нашлось очень много. Заплатался Дон, и Войско, чтоб отвлечь бесчисленных желающих уйти на службу к полякам, разорвало перемирие с азовцами. Благо повод нашелся – в 1684 году вышли азовский разбойники на Донец, разорили два казачьих городка, Каменский и Луганский, и купеческие суда разграбили, что в Черкасск плыли.

В мае 1685 года 1000 донцов с атаманом Киреем Матвеевым перетапчили струги через засыпанный камнями Казачий ерик и вышли морем под Азов. Здесь они разграбили два турецких судна «с харчем и с товары», устроили перестрелку с азовцами, которые прискакали на морской берег при этом известии, и направились морем на Темрюк. Под Темрюком добыли они не много, предупрежденные жители разбежались, и казаки напрасно гнались за ними пешими верст 10, пока те не укрылись в горах. Захваченную добычу – 200 лошадей и быков – тут же поели на обратной дороге. Когда возвращались по Казачьему ерику, встретил их по традиции азовский папа со всеми азовскими жителями и устроил стрельбу из ружей и пупек, но казаки, потеряв одного кормщика, благополучно перетапчили струги через засыпанное место и явились в конце июня в Черкасск.

В 1685 году, в июле, снова приехали с Запорожья гонцы с письмом, просили хотя бы охотников к польскому королю на службу послать, а также калмыков и желающих татар через донские земли пропустить. Донские правители ответили, что весна и лето прошли, и идти к королю поздно, а кроме того «о прежнем походе великих государей был на нас гнев и ныне мы того ж опасны». Но обещали вновь на море выйти и отвлечь турок, чем помочь запорожцам и королю. Действительно «за неделю до Семена дни» вновь повел атаман Фома Голодный на море 1500 казаков, но турки их

дальше Казачьего ерика не пустили. В бою потеряли казаки 50 человек, а азовцы 150, но все равно казаки прорваться в море не смогли и назад вернулись. Зато полторы сотни донцов ходили степью под Перекоп и 700 лошадей отогнали.

Из Москвы полетела на Дон грамота, что вам бы, донцам, всего этого «не токмо чинить, но и мыслить о том не годилось, потому что у нас, великих государей, с турецким салтаном и с крымским ханом учинен мир».

Фрол Минаев грамоту эту на круге читал, а потом толмача Посольского приказа Ивана Никитина, что грамоту привез, увел к себе в дом обедать, а на обеде говорил, «что он со слезами донских казаков унимал, чтоб перемирья с турецким салтаном и с крымским ханом не разрушали; только де они его не послушали, потому что много голыдьбы и наброду, и присланное к ним жалование многим не достается, и для того унять их невозможно».

А в 1686 году русские получили от поляков город Киев и сами размирились с турецким султаном. 29 июля пришла на Дон новая грамота – нападать на султанские и ханские земли.

Сразу же снарядили донцы 800 молодцов с атаманом Фомою Голодным в море, и тот Фома, «сколько бог помочи подал, под Темрюком села и деревни разорил, и разогнал, и побил». На обратном пути азовцы этих казаков встретили и назад не пропустили, и пришлось Фоме Голодному возвращаться через Миус и там струги с частью казаков оставить.

Пока Голодный разорял окрестности Темрюка, Фрол Минаев с остальным войском выступил под Лютик. Но к Лютику из-за обмеления Мертвого Донца пушки подвезти не смогли. Случались и там стычки, и даже одного знатного агу взяли в плен, некоего Резепа.

Турки забеспокоились. Азовский гарнизон в то время слабоват был – 1500 янычар. С осени и на всю зиму послал в Азов хан своих татар тысяч 12, и татары те вокруг Азова зимовали, ждали русского нападения.

В 1687 году русские выступили всеми силами. Начался знаменитый Крымский поход Василий Голицына.

Голицын затребовал к себе в войско с Дона 500 человек конных, а остальные донцы должны были, как обычно, в море идти. Фрол Минаев с конными казаками и с калмыцким вспомогательным отрядом в апреле выступил на соединение с главными силами и еще во время пути на овечьих водах сильную партию татар разбил и половину на месте положил.

Поход Василия Голицына не удался. В мае выступили объединенными силами, в июле дошли до урочища Большой Луг. Дальше дороги не было из-за бескормицы, так как татары степь подожгли. По жаре все в копоты повернули назад...

Пока Фрол Минаев геройствовал под знаменами Василия Голицына, 800 отборных донцов с атаманом Петром Калмыком и есаулом Василием Кутейниковым в очередной раз погромили окрестности Темрюка. На обратной дороге азовцы, как обычно, устроили им на Казачьем ерике засаду, и, когда казаки по одному переволакивали свои суда по сухому месту, ночью напали. В ночном бою казаки бросили 40 стругов с добычей и потеряли 400 своих товарищей. Жаловались потом казаки, что азовцы «ночным временем ударили на них все конною и судовою, и пешие, и обошли кругом, и дрались с ними во всю ночь, и мочи наших с ними не стало супротив такой великой силы, многих наших побили и живых побрали, и наругательство великое чинили, и суды отбили, сорок судов больших, а которые были суды наперед, перетасили, и те за великим боем от них отошли, а иных от судов отбили; пришли наги и босы, а иные приходили разбиты, ранены и топереве страждут, а достальных побрали живьем, терпят неволю».

Атаман Петр Калмык, израненный, попал в плен, и его в Азове казнили.

Вернувшиеся уцелевшие, потерявшие добычу, голодные и израненные, горели жаждой мщения и ждали, когда вернется из похода атаман Фрол Минаев. В августе Фрол вернулся, с ним пришли боевые старшины Иван Семенов и Кирей Матвеев и рассказали, что и большой поход на Крым тоже закончился неудачно.

Решили казаки всеми силами идти под Азов. Союзные калмыки быстро

отозвались. Но тут в предместье Черкаска, где обитали свои войсковые татары, случился пожар, который из-за августовской жары и сильных ветров стал для города роковым. Пороховой погреб взорвался, все, что было в городе строено из дерева, обратилось в пепел.

Поход на Азов не удался, поскольку выступившие 2000 конных дрались с оглядкой на родимое пепелище, а азовцы об их приходе узнали заранее от перебежчика Ивашки Мурзенки и были готовы. Осенью донцы отправили гонцов в Москву просить жалование и пушек, так как у старых лафеты сгорели, а многие пушки в огне вообще поплавились.

Два года отстраивали Черкасск, и в это время Азовцев сильно не задирали.

В 1689 году Василий Голицын снова засобирався на Крым. Ратным людям московским объявили о новом походе еще в сентябре 1688 года. Фрол Минаев с донской конницей вызывался к первым числам марта в новую крепость Богородицкую на речке Самаре. В Черкасск же направили из Москвы подьячего Часовникова, чтоб наблюдал, как донцы в море пойдут, а заодно калмыков склонял быстрее в поход выступать.

Чтобы до летней жары успеть к Перекопу, русские начали поход в феврале. Однако теперь помешали снега и великая стужа. К Перекопу Голицын подошел к середине мая. Но донцы в том походе участия не приняли.

К несчастью в ту весну разлив Дона оказался настолько велик, что в Черкасске снесло многие построенные на скорую руку дома и сами городские стены. Казаки втащили пушки на крыши уцелевших домов и так пережидали половодье. Фрола Минаева Войско при таком разорении в поход не отпустило.

Чуть позже, когда Дон более или менее вошел в берега, отправили казаки 1000 своих ребят с атаманом Зотом Камышниковым на 45 стругах в море. Флотилия пошла было правым берегом к Перекопу, но, достигнув Тонких Вод, верстах в 20 от Перекопа, казаки узнали, что русские уже повернули назад, ибо пресной воды на Перекопе оказалось всего три колодца. Не теряя

времени, Камышников свернул на Темрюк и разграбил окрестности этого многострадального города.

В августе ободренные удачей казаки еще раз выходили в Азовское море, теперь уже с Тимофеем Долговым. Разорили они устье Кубани и перехватили два корабля, везших из Азова в Константинополь отслуживших янычар. Из 150 янычар казаки убили 70, остальных взяли в плен.

Новый мир русских с турками и татарами перекрыл казакам дорогу в море за зипунами. С азовцами казаки в декабре 1689 года заключили мир. Несколько лет они развлекались тем, что дрались с усилившимися калмыками, формальными союзниками Москвы. Но Москва этих драк не запрещала, ибо калмыки при случае набегали на русские окраинные земли и воровали людей.

Хитрые азовцы на казаков не нападали, но на украинные русские городки набеги продолжали. В 1690-м тысячу пленных из-под Тора угнали. Правда, сам азовский бей получил тяжелую рану в руку, и ту руку ему в Азове потом отрезали.

Азовский бей после этого не успокоился и стал готовиться к походу на Черкасск. Всю зиму шли тайные сношения Азовцев с русскими раскольниками, ногойцами, черкесами и калмыками.

Донцы о том проводали, на калмыков в Москву пожаловались, а с азовцами мир разорвали и в 1691 году дважды в море выходили.

В 1692 году последовали два новых морских похода, в первый раз на 76 стругах, во второй – на 15. Азовцы в отместку подговорили калмыков и в октябре того же года угнали казачий табун в 200 лошадей.

Эта удача подстегнула их на новый набег. Но второй раз не получилось. Собралось их 500 человек с известным наездником Кубек-агой, и отхватили они донской табун на речке Василев. Табун большой – полторы тысячи голов.

Фрол Минаев поднял по тревоге тысячу казаков, часть отрядил к Аксаю, на переправах засечь, а с остальными кинулся преследовать. На переправе

похитителей накрыли и три дня гоняли и ловили по окрестным болотам. Табун свой отбили и чужих лошадей под седлами взяли 300 голов. Азовцев взяли живых 60 человек, а Кубек-ага с перебитой рукой еле в Азов ушел.

После такого разгрома азовцы весь 1693 год сидели смирно. Зато в 1694-м они доходили до Тамбовского уезда и захватили 8 хоперских казаков, насили хоперцы своих отбили.

Донцы же в этот год выходили в 60 стругах в море. Но окрестности Темрюка были давно разграблены, и казаки без добычи вернулись. Азовцы их в устье Дона встретили на 30 кораблях, посадили на те корабли весь азовский гарнизон. Казаки решились на прорыв и даже один турецкий корабль отбили, но, потеряв убитыми человек 20, отошли и укрылись в устье Миуса. Отсюда, затопив суда, они степью вернулись в Черкасск. Азовцы за каждым их шагом следили, суда со дна Миуса подняли и пожгли.

В тот же год донцы еще раз вышли в море на 17 стругах и вместе с запорожцами разбили и выжгли Чонгарский городок.

Глава . Первый Азовский поход Петра 1.

После неудачных Крымских походов Россия воевать не хотела, но Римский император настаивал, склонял молодого царя Петра к союзу против турок и татар. Но до 1694 года Петр действовал с оглядкой на мать родную, женщину властную, отвечал уклончиво. Однако в 1694 году царица Наталья Кирилловна померла, и юный государь почувствовал себя свободнее.

Сподвижники молодого царя спланировали кампанию профессионально. Решили выйти в устье Днепра и устье Дона, закрепиться там и взять тем самым Крым в клещи. А поскольку татары и турки уже «привыкли», что русские ходят на Крым одной и той же дорогой, решили молодой царь и русские военачальники направить все старое войско хоженной дорогой в низовья Днепра, а с лучшими отборными силами внезапно нагрянуть под Азов.

20 января 1695 года по старому обычаю с постельного крыльца объявлено было стольникам стряпчим, дворянам московским и иным воинским людям, чтоб они со своими дружинами собирались к Белгороду и Севску к боярину Борису Петровичу Шерметеву для промысла над крымским ханом.

Предстояло им выступать на Днепр, где в самом низу на Днепровском лимане стоял древний Очаков, а выше его знаменитый визирь Кёпрели соорудил целую систему укреплений. На днепровском острове Таган выше Ингульца поставил он замок того же названия (назывался он еще «Соколиный замок»). По обеим сторонам замка, на правом и на левом берегу Днепра, построили турки крепкие паланки – Казикермен и Арслан-Ордек. С паланок в замок перебросили толстые железные цепи и перекрыли реку. А подступы к этому барьеру через Днепр прикрывали паланки Шагин-керман, Нустрет-керман, Мубарет-керман и Шах-керман.

И как только появилась первая трава, годная для подножного корма, поднялись собранные московские ратные люди старого устройства, тысяч 120, объединились с верными малороссийскими казаками, и пошла эта Белгородская армия всей своей машиной вниз по Днепру. Всё по плану, всё, как договаривались, как турки и татары ожидали.

Войска нового устройства, полки Преображенский, Семеновский, Бутырский и Лефортов, московские стрельцы, городовые солдаты, люди комнатные и царедворцы, все лучшие силы в 31 тысячу человек собирались выступать под Азов.

Войска эти разделили на три дивизии и поручили трем генералам – Автамону Михайловичу Головину, Францу Яковлевичу Лефорту и Петру Ивановичу Гордону. Единого главнокомандующего не было, в случае чего генералы собирали консилиум, но решения их исполнялись лишь после утверждения «бомбардира Преображенского полка Петра Алексеева».

6 февраля на Пущечном дворе спланировали поход на Азов. Дивизиям Головина и Лефорта с осадною артиллерией и военным снаряжением предстояло идти на судах Москвою-рекою, Окою и Волгою до Царицына, а

оттуда пешком до городка Паншина на Дону. Городок Паншин назначался так же главной базой снабжения армии. От Паншина указанные две дивизии опять должны были сесть на суда и выдвигаться Доном к Азову. Дивизия Гордона назначалась в авангард. Ей предстояло собраться в Воронеже, спуститься Доном к Черкасскому городку, соединиться с донскими казаками и обложить со всех сторон Азов, чтоб до прихода главной армии турки городу никакой помощи оказать не могли. 11 февраля в Преображенском был объявлен поход.

Для заготовки продовольствия выделили подрядчикам 33 тысячи рублей, и подрядчики, гости московские Воронин, Горезин и Ушаков, должны были к маю завести в Паншин хлеб, а кроме хлеба 15 тысяч ведер сбитню, 45 тысяч ведер уксусу, 45 тысяч ведер вина, 20 тысяч осетров соленых, 10 тысяч пудов ветчины, 2 тысячи пудов ветчинного сала, 2 с половиной тысячи пудов коровьего масла, 10 тысяч щук и судаков, 10 тысяч лещей, 8 тысяч пудов соли. Чтобы все это хранить, послали донцам грамоту строить ледники и льдом набивать.

Пока реки не вскрылись, царь отправился в Переславль-Залесский выбирать орудия в походную артиллерию, пересчитал и отобрал пушки и ядра и 19-го февраля возвратился в Москву.

Меж тем генерал Гордон, которому в дивизию выделили тамбовские полки, предложил начальнику Разряда боярину Стрешневу не дожидаться вскрытия рек, а собраться авангарду в Тамбове, идти пешим порядком на Хопер, далее левым берегом Хопра до впадения оного в Дон и правым берегом Дона до Черкасска. Прикидывал Гордон, что можно этот путь, от Тамбова до Черкасска, проделать недели за три.

Стрешнев с Гордоном согласился и царю обо всем доложил. Царь мысль Гордона одобрил и 21 февраля приказал ему собирать дивизию в Тамбове, а оттуда, предупредив донских казаков, со всей скоростью и в большой тайне идти под Азов.

Известно, что русские бояре тайны хранить не умеют. Еще зимой

проведали что-то крымцы и азовцы, и февраля в последних числах послали азовские жители от себя Крымскою и Нагайскою стороною Дона разъезды свои под русские украинные города, к Мояцкому и к Цареву Борисову, и в иные места. И к донским низовым городкам для подлинной ведомости их разъезды выходили, пытались языков взять. Сам азовский бей и "янычанский ага" большими силами, до 3 тысяч конников, азовских жителей и турецких служилых людей, подходили в марте к Черкасску и 9 языков взяли. Фрол Минаев с пятью сотнями казаков их отогнал, но азовцы, уходя, в бою казаков человек 50 переранили, а одного до смерти убили.

И казаки, отбившись под Черкасском, в первых числах марта послали надежных калмыков и своих ребят вослед за азовцами «на шляхи их», чтоб дальнейшие намерения азовские узнать и по возможности над ними, азовцами, поиск учинить.

А еще из Азова послали к калмыкам, к Аюкаю тайше, подарки, панцири и ружья, и вспоможения просили.

Но донским казакам ведомо о том учинилось подлинно от выходцев из Азова, которые сказывали все, что азовцы удумали.

Ситуация разъяснилась в конце марта. 16 марта 1695 г. на Дон пошла царская грамота: "Указали мы, великие государи, служить на Дону Московского выборного полку генералу нашему Петру Ивановичу Гордону и полковником и начальным людям, и с салдацкими и с стрелецкие полки; и сбираться ему с теми полки в тот воинский поход в Танбове и иттить из Танбова на Хопер, а с Хопра на Дон в Черкасской; а в том воинском промыслу с ним, генералом, быть и промысл над неприятели чинить тебе, войсковому атаману Фролу Минаеву, и всему Войску Донскому, а сей бы наш указ был у вас тайно и, кроме тебя и старшин, кому належить, иным был неведом, и порадеть бы вам, атаманам и казакам, о том и как возможно крепость в Войске учинить, чтоб о приходе наших ратных людей на Дон неприятели в Азове прежде времени не уведали".

Да, зачесались на Дону многие дальновидные старшины и некоторые лихие

ребята. И помощь против Азова, и царь вроде молоденький и, по достоверным слухам, дураковатый (все в кораблики играется и с потешными в шутку на сабли дерется). Но русское войско в 30 тысяч на Дону...

Как писал впоследствии Е.П.Савельев, "казаки встретили русские войска с недоумением и тревогой... подчинение московскому военному начальнику, да еще иностранцу, вызвало среди них брожение".

Русские же шли на Дон уверенно и приготовлений требовали основательных: "На реке Хопре предписано было Войску Донскому заготовить тысячу подвод для подъема артиллерии и воинских припасов. Войску же Донскому предписано было, чтобы казаки в то время, когда начальствующий теми войсками генерал Гордон будет приближаться к казачьим городкам, немедленно выходили к нему все, оставляя в городках нужное число казаков для защиты от внезапных неприятельских набегов".

По укоренившейся привычке стали донцы отписываться и русских, словно невзначай, пугать. Вы требуете, чтоб в Азове раньше времени о вашем приходе не уведали?.. И написали донцы 29 марта, что в Азове про приближение русских давно знают, с азовской стороны постоянные набег, да и калмыцкий тайша Аюка изменил... А так все в порядке – мы для продовольствия русских войск ледники строим и льдом набиваем. Вот в Пятиизбянской большой осыпной ледник построен...

Ломали потом историки головы, почему секретность соблюсти не удалось. Поверили, что азовского бея предупредил о готовящемся нападении калмыцкий тайша Аюка. Вот только как он сам узнал об этих военных приготовлениях? Может, от Астраханцев, ибо 2300 яицких и астраханских казаков и 400 калмыков определялись в русское войско Азов воевать, или, если этих 400 калмыков указано было выделить ему самому, прямиком из московской разрядки.

Не похоже все это на осторожного Аюку. Предупредить азовцев, а потом на них, изготовившихся, своих калмыков посылать?.. И по времени не совпадает. Вряд ли он узнал о предстоящем русском походе раньше донцов,

а азовцы встревожились и к нему послов посылали еще в феврале, возможно, еще до военного совета, который царь Петр держал на Пупечном дворе. Получается, что не Аюка азовцев предупредил, а азовцы Аюку...

В апреле войска Гордона в Тамбове были готовы к походу. Они состояли из выборного Бутырского полка, которым командовал сам Гордон, из 4-х полков тамбовских солдат: Томаса Юнгера, Олимпия Юренева, Якова Бана, Якова Гордона (сына генерала), и из 7 полков московских стрельцов: Сергеева, Жукова, Кровкова, Кобыльского, Обухова, Капустина и Козлова. У Гордона в полку насчитывалось 894 солдата, в остальных солдатских полках – 3879, стрельцов московских собралось 4620, всего 9393 человека.

При дивизии в качестве штаба (или надзирателей) числились 16 стольников, 1 стряпчий, 2 дьяка и 12 подьячих.

Из Москвы и Брянска подошла артиллерия – 10 мортир для полупудовых гранат, 12 дробовиков и 31 фальконет. Запасов к ним – 6000 пудов пороху, 4600 ядер и 4000 гранат. Чтоб везти пушки, снаряжение и прочие тяжести понадобилось 4000 подвод.

1 апреля Гордон получил из Москвы грамотку держать поход в секрете, а атамана донских казаков предупредить, чтоб не пропустил бы никаких вестей из Москвы в Азов.

Да и сами московские правители приняли донские вести к сведению и в отдельной грамоте от 6 апреля донцам прописали:

"Марта в 29 день писали к нам, великом государем, вы, атаманы и казаки, с станичным своим атаманом с Григорием Белицким с товарищи, что по нашему указу и по грамотам ледники вы строить зачали и льдом накладете, а Пяти-избянскою станицею ледник указной осыпной построен и льдом наложен будет. Да нам же известно, вы пишете про явную измену Аюкая тайши и его улусных людей и астораханских юртовых татар, что они про нынешнее наше воинское намерение, будучи в Азове, ведомость учинили, и по тем их вестем о всем ныне в Азове ведомо. И февраля в последних числах послали азовские жители от себя Крымскою и Нагайскою стороною под

наши украинные города, к Мояцкому и к Цареву Борису, и в иные места, и к вам и к понизовым городам для подлинной ведомости подъезды свои; а к Аюкаю послали с подарки, с пансырми и с ружьем. А ведомо вам о том учинилось подлинно от выходцев из Азова, которые сказывают, что они, азовцы, у того Аюкая просят себе вспоможения и чаят, что он хочет к ним послать едисанских татар. И вы, сведав про те их неприятельские походы, марта в первых числах послали от себя за йими, азовцами, калмыков и казаков на шляхи их, чтоб их от такого намерения отвратить и как бы над ними поиск учинить...». Вот так перечислили казакам все их писанные речи, чтоб потом не отпирались. И время указали – февраль, когда, может, самим москвитам ничего известно не было. Закончили же соответственно: «И мы за то жалуем вас, атаманов и казаков и все Войско Донское, милостиво похваляем. И вы б и впредь нам (...) служили и над неприятели, бусурманы, азовцами и над иными их татарскими юртами, где доведется, воинские промыслы чинили по прежнему своему войсковому обычаю и, о поведении их, неприятелском, проведывая, писали в верх по Дону, к генералу нашему к Петру Ивановичу Гордону и во всем остерегательство ему чинили, со всяким радением и прилежанием; а он, генерал, с ратными людьми идет к вам в войско, в Черкасской". Получите и встречайте...

Действительно, 7 апреля Гордон из Тамбова выступил, но шел не три недели, а больше двух месяцев.

Раздражение и враждебность казаков, видимо, бросалась в глаза. В "Истории Петра Великого" А.Г. Брикнера, профессора Дерптского университета, сказано: «Гордон, находившийся в авангарде, должен был употреблять большие усилия для того, чтобы принудить казацкого атамана Фрола Минаева к энергическим действиям. Из бесед Гордона с ним видно, что и в настоящем случае казацкий элемент оказался ненадежным, шатким, своевольным, склонным к измене».

Но атаманы донские стали умны и осторожны, напропалую не лезли. Да и Гордон умел себя с ними вести. Судя по дневникам Гордона, ему довелось

обучаться в Коллегии иезуитов, а затем воевать против турок и татар, начиная с 1664 года, вместе с запорожскими и верными России украинскими казаками, и донские казаки в этих походах участвовали. Сам атаман Фрол Минаев под командованием Гордона в 1678 году с донцами Чигирин оборонял.

25 мая Гордон вышел к городку Усть-Хоперскому и 26-го переправился через Дон на судах, которые подошли из Воронежа с провиантом. Дальше он пошел степью, пересекая излучину Дона, и, согласно дневнику самого Гордона, 4 июня его передовая дивизия вышла к Донцу.

Отсюда Гордон сообщил Минаеву в Черкасск о своем подходе, просил указать переправу через Дон и сделать необходимые приготовления. К 8-му июня, отдохнув на берегу красивой реки, стрельцы построили мост через Донец. Строили долго, и Гордон записал в дневнике, что леность, безволие или неумелость стрельцов сильно тормозили работу.

9-го вечером дивизия была на правом берегу Донца, 10-го двинулась дальше со всеми воинскими предосторожностями, и в этот же день пришел ответ из Черкасска. Фрол Минаев предупреждал о большой трудности пути и прислал проводника.

11-го Гордон был у Дона возле Раздор, где уже поджидали барки с запасами. 13-го барки начали переправлять полки, а 14-го, около шести вечера, в лагерь Гордона на Сухом Донце приехали Войсковой атаман со старшиной. Казаки убеждали генерала не трогаться с места до сбора всего царского войска, но тот настаивал, что надо двигаться дальше, ссылаясь при этом на царский указ и потребовал, чтобы казаки присоединились к нему всей своей силой. Они изъявили готовность повиноваться указу государей, но на требование следовать вместе с Гордоном и подчиняться ему согласились неохотно.

"Я угощал их разных сортов напитками, - записал генерал в дневнике. - Они принесли мне в подарок овцу, несколько хлебов и сушеной осетрины. После дальнейших разговоров я обещал их посетить. Когда они таким

образом были отпущены, я взял с собой несколько полковников, стольников и караул и поехал к берегу реки, где была палатка атамана. Он приветствовал нас и, усадив на диваны и мягкие скамьи, угощал водкой, пивом и медом. После двухчасовой беседы я вернулся" *.

Утром 15 июня дивизия продолжала марш по левому, ногайскому берегу Дона вниз и 16 июня не без труда переправилась через Маныч. Тогда же, 16-го, Гордон получил письмо от Минаева с азовскими вестями. Минаев Гордона пугал: перед Азовом на якоре стоят многие суда, а турецкие транспорты подвезли в крепость большие резервы. На радостях из Азова салютовали залпом и еще сорока выстрелами крупных орудий — пороху, стало быть, у них в достатке. Под городом якобы "необъятное множество патров и палаток" и конница "всяких народов". Минаев, сообщив все это, советовал Гордону остановиться на реке Сужате, написать царям обо всем.

Гордон собрал консилиум полковников, подполковников и майоров со всей дивизии, прочитал им письмо и предложил высказаться.

«Господа военный совет» выразили опасения и нерешительность. Тогда генерал решительно приказал идти дальше к Азову, и военный совет беспрекословно согласился. Такой же ответ Гордон послал Минаеву.

21-го, уже за Манычем, атаман привез языка-грека, захваченного с шестью товарищами в Азовском море. Гордону пленный сказал: "Зовут его Федором Юрьевым, родом он из Крыма, из города Султан-Сарая, христианин, торгует мелким товаром. В начале января месяца был в Азове по торговым делам, тогда войска там состояло с 3000. В марте Муртаза-папа привел еще 1000 человек, половина - конница; пехота вошла в город, а конница осталась снаружи. Да через неделю пришли из Кафы четыре корабля, 500 пехотинцев на каждом. Да ждут еще из Константинополя 3 корабля и 10 фуркат с войском, снаряжением и провиантом. С самой весны азовцы укрепляют город - вычистили рвы, обложили стену дерном, поставили батареи. Главнокомандующий в Азове Муртаза-папа, вторым Мустафа-бей. Он, грек, возвращался в Крым на маленьком корабле, на котором всего шесть матросов

и две пушки. Они не сопротивлялись, и едва казаки атаковали их, - сдались".

Гордон отправил греков вверх по Дону, навстречу царю, а сам расположился лагерем близ Черкаска. Казаки оказались правы: фактор внезапности утерян, турки готовы к встрече. Выдвигаться к Азову с ограниченными силами без разведки, без предосторожностей неразумно. Оставалось ждать царского решения.

22 июня Гордон принимал у себя Донского атамана с товарищами, потчевал белым вином и конфетами - казаки пришли в веселое настроение и приглашали генерала в Черкасск. Он 23-го послал отдать визит своего сына Джеймса.

25-го Минаев известил Гордона, что присоединится к нему со всем Донским войском. Из Верхнего Курман-Яра в этот день доставили письмо от царя, сообщавшего, что спускается по Дону с великой поспешностью, днем и ночью, и подгонявшего Гордона сыскать удобное и безопасное место для войск, особенно - для многочисленной артиллерии.

"Min Her General.

Вчерашнего дня уведомеся мы о переправе вашей через Дон от казаков, из Черкасского на Голубые коньми, а з Голубых на Паншин водою едущих, где и, встретесе с нами, оное сказали, И того ради господин наш генерал приказал мне писать к вашей чесности, чтобы изволили, осмотра место, паче же пристань удобнейшую, где бы лутче и безопасней людем, паче же алгиллерии, которой о величестве сам ведаешь, для которого дела удобно есть, дабы оное описаф и с нарочетым человеком встречу нам прислать дабы через письмо, такожде и через слова посланного удобней в том деле выразумеф, поступать могли. А мы идем Доном с великим поспешением днем и ночью. Piter. Июня в 21 день".

Письмо, с пометой: "Отпущено с маеором Тимофеем Белевиным, проехав Верхней Курмарьяр".

26-го Гордон принял решение идти вперед. Перед возможными боями в

полках служились молебны, освящались знамена. Лагерь сняли, перешли ручей Батай. При впадении Койсуга в Дон, на Матишовой пристани, в 13 верстах от Азова, Гордон нашел удобное место для выгрузки артиллерии и всех припасов, которые ожидались с главным войском.

Здесь Гордон оставил несколько сотен стрельцов, а сам с дивизией двинулся вперед на курганы, возвышающиеся впереди за рекой Скопинкой. С самого высокого кургана, Скопиной кровли, открылся Азов.

Дивизия построилась в боевой порядок, и, предупреждая неприятеля о своем прибытии, бросая ему вызов, Гордон приказал трижды выстрелить из орудий. С азовских стен открылась ответная стрельба, и через несколько часов запылали все деревянные постройки вокруг крепости: неприятель уничтожал их для лучшей обороны...

Казаки последний марш уже шли хоть и не вместе с дивизией, но - в виду ее, параллельной дорогой. В лагере встали так, что дивизия была между ними и Азовом.

Гордон же, расположившись на курганах, начал спешно укреплять позицию, всех заставил работать.

Блокировать Азов силами одной своей дивизии он теперь не помышлял. Наоборот, укреплялся.

29 июня к Матишовой пристани причалили несколько мелких судов. В одном из них прибыл князь Яков Федорович Долгорукий, который известил Гордона, что Государь вскоре прибудет под азовские стены.

Дождался Тихий Дон, увидел русского царя, молодого, веселого, никогда здесь до этого цари не бывали.

Вскоре после того, как авангард Гордона выступил из Тамбова, двинулась из Москвы и главная армия – 20 тысяч с многочисленной артиллерией. 30 апреля рано утром войска собрались в Преображенском и пошли к Москvereке, где ждали их многочисленные суда. Шествие открывал генерал Головин, за ним выступал Преображенский полк в числе 1200 человек под начальством полковника фон Менгдена. Первой в полку шла бомбардирская

рота, вел ее сам царь, он же бомбардир Петр Алексеев. За преображенцами шли 6 стрелецких полков – Сухарева, Дементьева, Озерова, Головцына, Мокшеева и Батурина (всего 4785 человек), замыкал шествие дивизии Семеновский полк полковника Чамберса – 938 бойцов. Всего в дивизии набиралось 7000. Заметно, что молодой царь на немцев, на иноземцев, надеялся. В Преображенском полку из 42 офицеров – 30 немцев, заведомых русских – 2, остальные – поляки и православная шляхта.

Вторая дивизия – Франца Лефорта – была чуть ли не в два раза больше, состояла из 13000, и входили туда полк самого Лефорта и несколько полков солдатских и стрелецких.

Под одну лишь артиллерию потребовалось 40 стругов. Артиллерия состояла из 104 мортир и 44 пищалей голландских. Припасов за ними числилось – 14000 бомб, 91000 ядер, 1000 гранат и 16600 пудов пороху.

В полдень 30 апреля под колокольный звон и пушечную пальбу караван поплыл Москвой-рекой, покрыв ее собою на необозримом пространстве. При Коломне вышли в Оку, 6 мая миновали Переславль-Рязанский, 11-го – Муром, 16-го – Нижний Новгород. Погода стояла бурная и холодная. 28 мая в Москве снег падал. Небрежно построенные и оснащенные суда налетали на мели, и многие, особенно построенные московскими гостями, с трудом дотащились до Нижнего.

В Нижнем Новгороде стали перегружать артиллерию и припасы в более надежные суда нижегородской постройки и задержались на целую неделю.

От Нижнего Новгорода пошли Волгой. 24 мая миновали Казань, 26-го – Симбирск, 7 июня в 5 часов утра достигли Царицына. «День был тих, и ночь тако ж; и караван собрался», - отмечено в путевом журнале. Журнал этот мы часто будем привлекать, а потому укажем. Что вел его какой-то близкий к Петру человек, числившийся вместе с царем в бомбардирской роте Преображенского полка.

В Царицыне простояли три дня, перегружали припасы, чтоб идти сухим путем на Паншин. 11 июня выступили и 14-го прибрели к Паншину.

Солдаты и стрельцы, утомленные пятинедельной греблей, трое суток тащили на себе орудия, снаряды и тяжести, ибо обозных и артиллерийских лошадей в Царицыне собрать не догадались.

В сам Паншин не заходили, теплыми дождливыми днями стояли рядом в поле. Припасов в городке оказалось недостаточно, соли – ни фунта. Проклинали воров-подрядчиков, а делать нечего. Одно хорошо – судов подогнали из Воронежа достаточно, до 1000 штук. Пять дней собирались, пересчитывались, рассаживались по стругам.

«В 19 день. В 12 часу Доном пошли в путь, - монотонно фиксировал походный журнал, - и проехали городок Паншин, - стоит на острову на правой стороне; в 7 часу был дождь; во 2 часу ночи проехали городок Голубые, - стоит на нагорной стороне на берегу на ровном месте, огорожен тыном».

Неизвестно, любовался ли молодой царь окружающими красотами или подсчитывал городки разросшегося казачества, о котором ему уже донесли, как о своевольном и склонном к изменам. Мы же вслед за ним пройдем мимо этих традиционно считавшихся «низовыми» городков, посмотрим, сколько их – старых и новых, и в каждом своя история, схожая и отличимая от всего Войска, и своя жизнь...

«В 20 день. В 12 часу в полы проехали городок Пять-изб, огорожен тыном; стоит тот городок на берегу на ровном месте; в 10 часу проехали городок Верхний Чир, - стоит на правой стороне, на берегу, на ровном месте. День был тих; в ночи в 1 часу проехали городок Нижний Чир, так же стоит, как Верхний Чир.

В 21 день. В 6 часу проехали городок, прозванием Кобыльский, на правой стороне, - стоит на берегу на ровном месте; той ночи в 10 часу проехали городок Есаулов, стоит также, как стоят обще городки; во 2 часу, после полуночи, проехали городок Зимовейский.

В 22 день. В 9 часу проехали городок, прозванием Курман-Яр: стоит на берегу на ровном месте, на нагорной стороне, тыном огорожен, против его

речка Саксай прозванием, на левой стороне из Дону впала в степь...».

Отсюда, как мы помним, отправлено было письмо Гордону, написанное накануне, 21-го.

"...Во 2 часу после полдень проехали городок Нагай; в 8 часу после полдень проехали городок Нижний Курман-Яр, стоят на берегу на ровном месте. Той ночи проехали городок Нагавкин, стоит на берегу на ровном месте; городок Филиппов, стоит на левой стороне; на утренней заре проехали городок Терновий.

В 23 день. Проехали в 8 часу городок Цымла, да речку Цымлу, впала в Дон с правой стороны; в 3 часу после полдень проехали городок прозванием Кумсак, огорожен плетнем и плетеные башенки; в 5 часу проехали городок Кампай, стоит на острове; городок Романовский, стоит на берегу; в 8 часу проехали Каргалас; в 10 часу проехали городок Камышенки, стоят на ровных местах и на берегу; в 8 часу проехали городок Быстрец; в 9 часу проехали Нижний Каргалас на левой стороне, стоит на берегу на ровных местах, близь берегу.

В 24 день. В 7 часу проехали городок Михалев на левой стороне; в 10 часу проехали городок Нижний Михалев, огорожен дразгом; в 1 часу после полдень проехали городок Троишин Вал, обведен землею, на правой стороне стоит; в 7 часу после полдень проехали городок Кагальник, стоит на острове на ровном месте, огорожен тыном на левой стороне; против его с правой стороны впала речка в Дон, прозвание Кагальник; в 8 часу проехали городок Ведерники, стоит на правой стороне на острове; той ночи проехали городок Бабей, стоит на острове на левой стороне, да городок Золотой, стоит на острове ж, на левой стороне, да городок Кочетов. День и ночь тихи.

В 25 день. В 3 часу дни проехали городок Семи-Корокоры, стоит на левой стороне; в 12 часу проехали городок Раздоры, на правой стороне; в 3 часу проехали городок Мелехов, не доехав реки, прозвание Аксай, впала в Дон; в 7 часу вполы проехали городок Берсенева, стоит на берегу на ровном месте; в 8 часу проехали городок Багаев, на правой стороне, стоит на берегу; в 1 часу

после полуночи проехали городок Бечегай; в 5 часу проехали к Черкасскому городу и стали на якоре, неподалеку от него, и караван весь собрался. Город Черкасский стоит на берегу, на правой стороне реки Дону, обрублен дубовым срубом и сделаны три раската, и те стороны плетнем».

Три дня караван стоял под Черкасском, отдыхая, собирая сведения, готовясь к боям.

«В 26 день. Стояли у города Черкаского, весь караван. Ночевали. День и ночь были тихи, - кратко повествует походный журнал.-

В 27 день. Стояли у города весь караван и ночевали. День и ночь были тихи.

В 28 день. Стояли у города весь караван. В 9 часу с полдень якорь вынули и пошли в путь. Ночь была зело темная, иплыли наперед господин генерал Лефорт и за ним господа полковники его регимента, притом бомбардиры и некоторая легкая казна и оптека; потом господин генерал Автомон Михайлович и по нем регимента его несколько солдатских полков и стрелецких; по нем господин генерал ... с тягостию превеликие казны.

В 29 день. В 11 часу проехали рекой Койсогой, коя впала в Дон в леву сторону, а Дон остался вправо; во 2 часу после полдень пристали к берегу к правой стороне, близь Озоева верст с восемь пристанище, где перешавливался генерал Петр Иванович Гордон, в том месте и ночевало все войско наших господ генералов Франца Яковлевича и Автомона Михайловича и полковники их".

Путь водой закончили в день царских именин. Гордон прислал к имениннику-царю своего зятя, приглашая Его Величество на обед в виду Азова, но царь распорядился высадкой войск и выгрузкой артиллерии и обещал быть к ужину.

"После того, как его величество поужинал, - записывает Гордон в дневнике, - был военный совет, и на нем решено было, что я с моими войсками на следующий день пойду дальше, что донской атаман пошлет отряд на разведку, что я осведомлю его величество об известиях, которые

будут получены, и тогда двинусь (...) Утром я ждал известий, которые должны мне были принести казаки. Они явились около 7 часов и рассказали, что они выслали один отряд, открывший неприятельские форпосты, и форпосты, после выстрелов в них, отступили".

30 июня на обеде у Лефорта Гордон спросил, как стать войскам, и царь развернул план окрестностей Азова, где было указано место каждой дивизии: Головину на правом фланге, Лефорту на левом, Гордону в центре.

1 июля дивизия Гордона, усиленная двумя полками из дивизии Головина, Головцына и Батурина, и всеми донскими казаками (7 тысяч), выдвинулась из временного лагеря на Койсуге - к Азову. По дороге встретили их изначально скрытые холмами 10 тысяч турок и татар с несколькими орудиями. Как только русские показались, ударили вражеские пушки, а татары стремительно бросились, как сказано у Н.Устрялова, «на нашу конницу; она не устояла; но пехота отразила нападение».

Иной «нашей конницы», кроме казаков, в то время в армии не было...

И предстает перед нами следующая картина: держатся казаки в сторонке, от татарского налета отскакивают. Приглядываются... Вроде и не хозяева на своей земле...

Русские, которые после потешных боев впервые на настоящую войну попали, тоже подрастерялись: «летевшие ядра так испугали людей комнатных и даже полковников, что они просили своего генерала укрепиться шанцами».

Гордон, прошедший за сорок лет службы не одну войну и служивший не в одной армии, двинул дивизию вперед, через два часа сбил неприятеля, перешел два старинные вала, возведенные в открытом поле недалеко от Азова – следы старых осад – и прямо под стенами города раскинул свой лагерь.

Петр сообщил в Москву, что Гордон стал меньше ста саженой от крепостной стены. Казаков Гордон расположил на своем правом фланге - выше крепости, на берегу, "дабы охранять местность, необходимую для

снабжения (...) отряда водой".

Турки, потерявшие в бою человек 300 мстительно палили с стен, «ядра их перелетали через лагерь, и в нем нашлось не мало людей малодушных, в бегстве искавших спасения». Но Гордон, ободря храбрых, удержался, пока не подошли две остальные дивизии.

С этими двумя дивизиями дело затянулось. Своего транспорта у них не было, телегами запаса изначальное один Гордон. Пришлось 3 июля телеги обратно от Азова к Матишовой пристани посылать. Только они тронулись, в степи появились татары. Дал им Гордон в прикрытие два стрелецких полка, и так под защитой полков Головцына и Батурина потащился обоз к Койсугу, «непрестанно тревожимый татарами, которые крепко провожали его, с жестокими напусками, от Азова до пристани».

Гордон же, не теряя времени повел апроши, поставил раскаты и для защиты их возвел три редута.

5 июля остальные дивизии, «сопровождаемые татарами», подошли к Азову и заняли назначенные им места: Головин стал на правом фланге, здесь же расположилась главная квартира, Лефорт – на левом. 7000 донских казаков отошли и стали на берегу Дона выше крепости, между ней и Каланчинскими башнями. Вскоре к армии подошли дополнительно 2000 башкирцев, 2300 яицких и астраханских казаков и 400 калмыков.

Царь сразу же отправился в траншеи и сам стрелял по Азову из трех мортир бомбами. Делал он такие вещи обычно с удовольствием, а цесарский военный представитель при русской армии Плейер называл русскую артиллерию «великолепной». И сейчас, когда царь стрельнул бомбами, «они полетели хорошо, но упали в близком расстоянии, хотя орудия наведены были под углом 45 градусов».

Следующие три дня кипели земляные работы, войска рыли апроши, приближаясь к азовским стенам.

В походном журнале сказано, что 6 июля «генерал Лефорт бил из пушек по городу», 7 июля «ничего не было» и 8 июля «ничего не было ж». Только 9

июля «была на генерала Лефорта вылазка из города Азова», а 10-го снова «ничего не было».

Устрялов же сообщает, что 8 и 9 июля открылась по городу пальба из орудий. Самый сильный огонь был в центре, где поставили две главные батареи – в 8 мортир и в 16 больших пушек. С первой сам царь две недели метал бомбы в Азов и устроил там с первого же дня пожар. Вторая батарея сбила большую караульную башню и 9 июля заставила умолкнуть турецкие пушки на противостоящем бастионе.

Но турки еще 6 июля подвезли морем подкрепления на 20 галерах, тушили пожары, исправляли повреждения, стреляли в ответ и ходили на вылазки.

Скоро выяснилось, что сухим путем от Койсути много не навозишь, да и татары постоянно подстерегают. Прямому же подвозу по Дону препятствовали две башни с пушками и гарнизонами в трех верстах выше Азова. Между ними через реку была протянута цепь, заграждавшая судовой ход.

В походном журнале коротко сказано: «В 11 день. Был окрик». Видимо, какая-то тревога. Ясно, что писал человек «маленький», к высшему начальству не входящий. И ясно это потому, что по Н. Устрялову, 11 и 13 июля военный совет решал, как быть с каланчами. На второй консилие приговорили: взять нынче же ночью. Царь вызвал охотников из донских казаков, обещая добровольцам по 10 рублей каждому. Вызвались двести человек. В подкрепление их назначили солдатский полк Александра Шарфа.

За час до рассвета 14-го казаки подобрались к ближней, на левой стороне Дона башне. Взорванная под железными воротами петарда действия не произвела. Тогда казаки ломами расковыряли бойницу и через нее ворвались внутрь. Гарнизон состоял из трех десятков турок; они с час отстреливались, отбивались камнями, наконец, положили оружие. Сдались 15 человек, 4 подобрали убитыми, немногие бросились в Дон и потонули (видимо, сверху их расстреляли), спасся бегством лишь один. Трофеи состояли из 15 пушек и нескольких бочонков пороху. Сами казаки потеряли 10 человек убитыми.

«Доблестное дело казаков произвело в армии радость неописанную; во всех полках служили благодарственный молебен с пушечною пальбою».

Но, как пишет Н. Устрялов, «в минуты всеобщего веселия Царь был огорчен неожиданною изменою, которая имела пагубные следствия». В тот же день 14 июля, после полудня, в Азов сбежал некий голландец Яков Янсен (А.С. Пушкин писал, что он бежал, «ночью заколотя пушки»). Петр принял его на русскую службу в Архангельске, перекрестил в православие, приблизил к себе; «проводил с ним дни и ночи, не скрывая от него своих намерений». Гордон в своем дневнике называл его «немецким моряком», Голиков – выписанным инженером, который управлял артиллерией, а Феофан Прокопович – капитаном Преображенского полка. Теперь он поделился с азовцами всем, что знал, а знал он много. В частности, он указал слабейшее место русской позиции – незаконченные траншеи между лагерями Гордона и Лефорта, не прикрытые редутами.

На проверку турки послали одного из охреян, казака из аграханских старообрядцев. Гордон в своем дневнике окрестил их так: «Охреяне, которые не только схизматики греческой церкви, но дезертиры и мятежники». Коношным полем он подкрался к стыку позиций Гордона и Лефорта, где были еще неготовые траншеи. На оклик часового отозвался, что - казак, и, высмотрев, сколько было надо, вернулся в крепость.

В знойный полдень русские, намолившись и настрелявшись, легли по обычаю спать. Этому обычаю они «не изменяли ни дома, ни в стане военном». В это время турки на них и напали.

Часть стрельцов так и не успела проснуться, а часть бросилась спасаться к 16-пушечной батарее. Здесь со своим полком стоял сын старого Гордона Яков, который трижды отбил турецкие наскоки, но был всеми оставлен, изранен и едва избежал плена.

Старший Гордон с отрядом солдат бросился на помощь, остановил бегущих стрельцов и отогнал турок до крепостного рва. Некоторые солдаты даже в ров спрыгнули. Но тут к туркам вышло подкрепление, сам папа его

вывел, и янычары, внезапно обернувшись, яростно набросились на преследователей. Русские толпой побежали обратно, за траншеи и даже за редут.

Гордон рассказывает в своем дневнике, что "стрельцы и солдаты рассеялись по полю в паническом страхе, какого я в жизнь свою не видывал. Тщетны были все мои увещания; я не отходил от редута, чтобы привлечь войско; но напрасно. Турки между тем были все ближе и ближе, и едва не захватили меня в плен, от которого я спасся помощью сына и одного рядового". Редут оставили туркам. В траншеях Гордон смог остановить солдат, но не мог уговорить их, и даже полковников, отбить редут и вернуть потерянные орудия. Гордон даже кричал, что "храбрые казаки заняли город с речной стороны", но это не действовало, пока не подоспели потешные полки.

С потешными Гордон атаковал турок в редуте и через три часа боя прогнал их в крепость.

Турки увезли с собой 7 полевых орудий и успели загвоздить все осадные, перепортив им еще и лафеты.

В этом бою русские потеряли убитыми 1 полковника, 2 капитанов, 4 поручиков, 5 прапорщиков и до 400 солдат и стрельцов; ранеными 3 полковников, 1 подполковника, 20 офицеров и до 600 рядовых. Турки, по мнению Гордона, потеряли от 500 до 600 убитыми. Царь был очень недоволен стрелецкими полковниками «и объявил им строгий выговор».

Брикнер указывает: «В происходящих затем стычках с неприятелем турки всегда оказывались сильнее и опытнее».

В походном журнале этот день отмечен коротко: «В 14 день. Каланчу приступом взяли; полковник Александр Шарф был. В тот же день была вылазка на генерала Гордона с полдень».

Что интересно, сам Гордон в своих дневниках описывал случай сорокалетней давности, как под Ригой 2 октября 1656 года осажденные шведы «около полудня, когда русские после обеда обычно ложатся спать», напали на русский лагерь и отбили 18 знамен, которые вывесили у себя на крепостных

стенах «с великой гордостью». Теперь нечто похожее сотворили турки. Видимо, русская привычка к послеобеденному сну была необорима.

«Войско пришло в уныние, - пишет Н. Устрялов. – Казаки новой доблестью не замедлили ободрить его: из орудий, найденных в занятой ими каланче, они открыли такой жестокий огонь по другой крепости на противоположном берегу, что начальствовавший в ней ага, видя разрушение стен и опасаясь приступа, покинул ее ночью и ушел со всем гарнизоном, оставив русским 21 пушку».

В официальной сводке, опубликованной впоследствии в «Вивлиофике», сказано, что «в ночи был бой пушечный и огненных ядер метание».

Сам Петр в одном письме приводит детали: «... И посылали на другую каланчу говорить, чтобы они сдались, но они в том отказали. Однако же во вчерашнюю ночь оную покинули, и мною, что покинули ее того ради, что уже некоторая часть ее разбита была из наших пушек и бомб бросанных; для которого взятая зело великая радость была здесь, и благодаря Бога, стреляли во всех полках; и теперь зело свободны стали, и разъезд со всякими живностями в обозы наши, и будары с запасами воинскими съестными с реки Койсы сюды пришли, которые преж сего в обоз зело с великою провожены были трудностию от Татар сухим путем. И слава Богу, по взятии оных, яко врата к Азову счастья отворились».

Действительно, теперь грузы могли идти прямо с Воронежа - под азовскую стену в районе казачьего лагеря. И в походном журнале отмечено: «В 17 день. Из Койсы будары все под Каланчи пришли».

А.С. Пушкин, влюбленный в деяния Петра Великого, написал, что 1-ю каланчу взяли новые солдаты, «вступив в воду по плечи», а 2-ю каланчу, где был 6-тысячный гарнизон отборного войска, турки сами бросили и оставили русским 21 пушку. Об участии казаков в боях за эти башни поэт в своей истории Петра Первого вообще не упоминает. Как 6 тысяч отборного войска могли уместиться в каланче, - загадка. Но Александр Сергеевич в армии не служил...

18 июля, согласно журналу, «был бой с конницею».

Тогда же, 18 июля, состоялся военный совет, на котором Гордон предложил: а) продвинуть левый фланг (позиции Лефорта) до самой реки, чтоб пресечь татарам, разгуливающим в степи и нападающим на транспорты, сообщение с Азовом; б) построить на высоком правом берегу Дона напротив Азова шанец, откуда стали бы видны улицы и дома города (стреляй тогда на выбор); в) укрепить каланчи. Совет одобрил лишь второе предложение, а два остальных отложил «на потом». Раздосадованный Гордон записал в дневнике: «Все идет так беспорядочно и небрежно, как будто мы не делаем ничего серьезного».

Тем не менее с 18 числа стали наводить мост через Дон, а 19-го, согласно журналу, «только подъезжала орда под Каланчи к нашим переправам»

Ближний стольник Яков Федорович Долгорукий в ночь на 21 июля переправился с двумя солдатскими полками на Каланчинский остров и там в садах стал окапываться. Татары и турки пытались помешать, тоже стали переправляться, но Гордон с тысячею солдат вышел к месту их переправы. Навел панику и тем поддержал Долгорукого.

За три дня русские закончили наплавной мост через Дон и оборудовали на Каланчинском острове земляное укрепление, где засели 400 солдат и 200 казаков.

24 июля «была вылазка небольшая на генерала Лефорта». 25-го «конница орда побежали для табуну нашего лошадей, и наши, не допустив их, побили жестоко. В 10 часу дни была вылазка на генерала Гордона жестокая». В «Древней Российской Вивлиофике» расшифровывается последняя стычка. 4000 татар налетели на русский лагерь, но были отбиты. Тогда они свернули к пристани, где стояли будары с хлебом, и заодно хотели отогнать русские табуны, которые паслись там на заливных лугах. Но русские не дремали «и, захватя их у каланчей в заливе, многих побили, и взятки взяты 3 человека». У русских же был взят сержант Типенинов с товарищем.

26 июля «ничего не было».

Глава . Неудача.

К концу июля апроши Гордона были подведены на расстояние 30 сажен от крепостного вала. Головин соорудил редут на 20 сажен от крепостного рва. Рассказывая о земляных работах, Устрялов отмечает, что "донские казаки, рывшиеся по-своему на речной стороне, также подошли близко". Лишь Лефорт запаздывал.

27 июля, согласно Н. Устрялову, началась бомбардировка Азова. Петр писал в Москву брату Иоанну, что Азов «в крепком облежании», раскаты и башни, где были пушки, сбиты, в каменном городе «как от пушек разбито, так и от бомб все выжжено, и жильцов никого нет: все вышли в вал, который против наших обозов, но и тут они не без бедства».

В походном журнале же записано: «В 27 день. Ничего не было».

28-го, в десять утра, двое верховых казаков остановились перед азовскими воротами и стали махать шапками. Вышли двое турок, казаки передали им письмо - русское командование предлагало Муртазе-паше сдаться на выгодных условиях. Турки сказали, что на перевод письма и подготовку ответа нужно часа три. На этот срок и заключили перемирие. Но папа ответил кратко, что будет сражаться до последнего человека.

Русские все же записали, что у «азовцев идет между собой прях великая, половина хочет сесть насмерть в городе, а другая хочет идти вон».

29 июля «по утру рано съезжалася конница наша с татарами и был бой».

30 июля «на заре был дождь небольшой в день по утру»

"Все были в нетерпении и сильно желали, чтобы этому делу был положен конец, - записывал Гордон 30 июля. - Многие только и говорили, что о штурме, хотя и не представляли себе, что для этого нужно. На этом настаивали и те, которые живейшим образом желали вернуться. Было поэтому решено вызвать охотников с тем, чтобы они сами выбрали себе офицеров, и выдать охотникам по 10 рублей человеку, а офицерам - особое

вознаграждение. Когда солдаты, казаки и стрельцы были о том извещены, то очень охотно записалось 2500 казаков, и они объявили, что, если будет позволено, то запишется еще более. Но солдаты и стрельцы шли менее охотно. Так как было велено записать от каждого корпуса по 1500 человек, то это число скоро было заполнено".

В.С. Сидоров отметил одну особенность: «Устрялов это место в дневнике Гордона переводит с акцентом на главную роль донцов. Не просто в дело, но "на подкрепление им (казакам. - В.С.) назначено отрядить по 1500 человек от каждой дивизии". Вероятно, на историка влияло то обстоятельство, что царь для своего наблюдательного пункта выбрал именно казачий лагерь».

31 июля турки в 5 пополудни устроили вылазку против позиций Гордона, но «небольшую».

Заканчивался июль месяц, и в походном журнале, словно опомнившись и наверстывая упущенное, записали: «Июля, как пришли под Азов, по 31 число по вся дни и ночи были пожары великие».

1 августа «был окрик на генерала Лефорта, и то небольшой».

2 августа «Ничего не было».

На самом деле 2 августа был военный совет и решался вопрос о точном времени штурма.

Гордон не верил в успех приступа, когда в стене не сделан еще пролом, и не приготовлены штурмовые лестницы, и даже апропи не подведены вплотную. Он говорил, что надо провести вокруг крепости свой ров, где можно будет укрыться в случае неудачи штурма. Мнение его отвергли. Штурм был назначен на раннее утро 5 августа, на воскресенье.

Перед штурмом по городу били из всех орудий. 4 августа «был пожар великий в городе. Перекинулся к нам переметчик гречанин».

«Гречанин» рассказал, что турецкого гарнизона с начала осады было 6000, но сейчас треть его переранена и перебита, припасов и снарядов недостаток, но папа решил не сдаваться и готовит контрмины против русских подкопов.

Вечером водили грека по траншеям, и он места турецких контрмин

показал.

Гордон, узнав все это, просил повременить со штурмом, но царь и слышать об этом не хотел.

Штурмующих разделили на три колонны. Первая из полков Бутырского и Тамбовского должна была захватить угловой бастион, лежащий напротив позиций Гордона; вторая колонна из охотников дивизии Головина должна была штурмовать укрепления, примыкавшие к реке; третьей колонне, состоявшей из казаков, предстояло подойти к Азову на судах и ворваться в нижнюю часть города со стороны реки. Стрельцов же просто хотели вывести в траншеи, чтоб они составили вторую линию и резерв. «Ночью Государь отправился в казацкий табор разделять труды и опасности с мужественными донцами».

Гордон сказал охотникам речь, чтоб вели себя, как прилично воинам, но в успех штурма он не верил. Офицеры неопытны, одни самонадеянны, другие уже заметно унылы, и на штурм собрались без лестниц и фашинов.

На рассвете ударили зорю, и войска пошли на штурм...

Впрочем, кто пошел, а кто и нет.

Стрельцы занимать траншеи не торопились. Оно и понятно – царь уехал к донцам, гонять и бить некому. Зато те, что служили у Лефортова, припомнили потом своему генералу, что «чин их московских стрельцов подвел он, Францко, под стену безвременно, и ставя в самых нужных в крови местах, побито их множество».

Бутырский и Тамбовский полки «подступили к угловому бастиону и бодро пошли на приступ без лестниц». А вторая колонна, вместо того, чтоб свернуть вправо и выйти к прибрежным укреплениям, свернула влево и сзади из садов наблюдала, как дерется первая колонна.

Бутырцы и тамбовцы влезли на вал, но бастиона взять не смогли. Однако на валу уперлись и пока стояли крепко. Турки стянули на них силы со всех сторон. Гордон увидел, что пора командовать отбой, но без приказанья царя сделать это не решался.

А царь наблюдал за донцами. Они посадили 400 человек на 20 лодок, подплыли Доном к городу, высадились «и с обычным мужеством бросились на береговые укрепления; но встретили столь же мужественный отпор, как и первая колонна; после бесполезных усилий ворваться в город, они возвратились на суда и отчалили».

У Гордона в это время на валу осталась треть колонны, остальные погибли или оттаскивали раненых, и Гордон решил дать отбой. Колонна Головина ему так и не помогла, а на Лефорта как раз татары налетели. В походном журнале сказано: «Поутру рано был приступ великий к городу и бой был, и опять отступили, и на генерала Лефорта на обоз приступала конница».

Русские потеряли до 1500 человек, турки, как сообщили позже двое пленных, не более 200 убитых.

Собранный на другой день военный совет постановил продолжать осаду и подвести под крепость мины с трех сторон, от каждой дивизии. Работы возобновились.

Ободренные русскими неудачами татары решились на нападение, но казаки встретили их по обычаю. Отмечено в журнале 8 августа: «Поутру рано конница татары прибежали на обоз генерала Автомона Михайловича (Головина), и был бой с нашею конницею, и прогнали их далеко в степь наши, и после ничего не было».

И погода дала себя знать, напомнила – скоро осень, надо на что-то решаться. Тогда же, 8 августа, «той же ночи была великая погода, ветер норд-вест и молния».

До 12 числа ничего особого не случилось, а "в 12 день, - методично протоколирует журнал. - В ночи взяли казаки в полон на Койсе реке Турченина и Татарина; в полдень в 9 и в 10 часех были три окрика большие и четвертый поменши со стрельбою: наше войско на турков из шанцев наших к турецкому рву».

13 августа отмечен пожар в городе Азове, а 14-го вылазка на генерала Лефорта. В тот же день, 14-го, Гордон, недовольный тем, как ведутся

подкопы и другие земляные работы, советовал царю начать укреплять отбитые каланчи, чтоб удержать их за собой в случае отступления от Азова.

Царь пока не слушал. 15 августа пытались вновь договориться с турками, «и они о той сговорки ответу не дали и стреляли в наших, и в ту ночь был дождь и ветер. И была вылазка в ночи на генерала Лефорта».

17-го царь, наконец, услышал предложения Гордона и отправился к каланчам размечать, где кому работать, где возвести башни.

На следующий день турки сделали вылазку на позиции Гордона и Лефорта. Тут русские потеряли двух иностранцев-наемников, «двух отличных фейерверкеров Доминика Росси и Робертсона, малодушно покинутых стрельцами и изрубленных неприятелем в траншеях».

Зато 19 августа пришли известия от Шереметева и гетмана Мазепы, что они на Днепре турецкие крепости Кизикермен и Таган приступом взяли, а Орслан-Ордек и Шагин-Кермен турки сами оставили. К Кизикермену якобы подошли 24 июля, а 30 июля уже взяли и забрали в городе воеводу и 8 «агий». Узнав об этом, царь устроил «благодарственное молебствие и веселое пиршество с пушечною пальбою». Каждый тост к удивлению и тревоге турок сопровождался залпом из всех орудий, как в лагерях, так и в траншеях.

Отпраздновав, стали осаждать Азов дальше.

20 августа журнал отметил: «Ничего не было, только в ночи был окрик, и татары прибегали к нашим городкам и по ним наши стреляли; и зачали у каланчей городок делать земляной».

Царь Петр торопился, требовал подкопы быстрее рыть. Но тут с 21-го числа дожди стали выпадать, траншеи вырытые заливать. А 23-го турки открыли минную галерею, начатую Лефортом, ее уничтожили и рабочих перебили. Лефорт, не отчаиваясь, повел новую, левее.

26-го «приходили турки на вал, и была вылазка на генерала Автомона Михайловича (Головина), и татары конница была у нашего обозу». 27-го

августа снова была турецкая вылазка против Лефорта, а 29-го турки обнаружили и разрушили новую минную галерею, которую вели инженеры дивизии Лефорта. Отчаявшиеся стрельцы позже приписали все злой воле своего дивизионного командира: «Его же умышлением делан подкоп под их шанцы, и тем же подкопом он их же побил человек с 300 и больше».

У Гордона и Головина работы велись вроде бы удачнее. Встревоженные турки подталкивали татар, чтоб они отвлекали русских набегами.

В сентябре чаще и чаще стали налетать степняки, но и донцы не поддавались, службу служили, языков ловили. "В 1 день. Привели языков казаки из-под Лютина пять человек. Во 2 день. Поймали казаки двух человек за Доном конницей (...) В 5 день. Поймали казаки под Лютиным городком 8 человек и привели в обоз». Зато «в 6 день. Приезжали татары к обозам и был бой с конницею, также и под городками зажгли камыши, которые стоят по ерику».

А 8 сентября в журнале указано: «Был бой великий с конницею под каланчами у нижних городков».

Подробности этого «великого боя» найдем в дневнике Гордона. Турецко-татарская конница завязала перестрелку с русской в лугах у каланчей. В подкрепление послали тысячу казаков, и сам Гордон отправился туда же с пехотой, чтобы неприятель не причинил урона стоявшим у каланчей судам. Казаки отогнали азовцев раз и два; Гордон заметил, что донцы - навеселе, и велел не отъезжать далеко в поле. Но казаки не вытерпели, погнались за азовцами. Те оттянули их подальше от Каланчевских пушек - и вдруг резко повернули на казаков. Увлечшиеся да еще хмельные донцы запоздали не отскочили вовремя. Азовцы загнали их в болото, где расстреливали и полонили, пока не подоспел Гордон. Потеряли казаки до 100 убитыми и до 30 пленными.

Второй раз мы встречаем упоминание о пьяных казаках в бою. В первый раз мы решили, что турки во время Азовского осадного сидения приняли измотанных трехдневным боем казаков за пьяных. А что теперь? Похоже, что

донцам, никогда не служившим в регулярном войске так долго, просто надоело воевать. Было бы за что...

Турки это подметили. 9 сентября «была вылазка жестокая на генерала Головина». 10 сентября «приезжала ж конница татары, и был бой и окрик жестокий. Той ночи был дождь».

И вот 12 сентября: "Был дождь. Той ночи была вылазка на казаков жестокая". Впервые турки напали на вылазке на казаков... Из дневника Гордона многое становится ясно. Казаки довели свои апроши до крепостного рва и начали засыпать его. Работали под защитой колесных щитов, «гуляй-города», подвигаясь с ними вперед. Азовцы глубокой ночью забросали казачьи апроши ручными бомбами и камнями, разбили и сожгли "всякими зажигательными снарядами" щиты. Когда турки отступили, возвратившиеся казаки не досчитались 20 убитых и 50 раненых и пленных. Азовцы также унесли доски, которыми были перекрыты казачьи ложементы.

И 14 сентября: «в той ночи была вылазка на казаков жестокая до свету».

А 15-го днем Гордон, дошедший апрошами до рва («его солдаты били турок камнями») и заложивший минную галерею, вынужден был ее взорвать, так как встретил турецкую контрмину. Взрывом он больше повредил собственные работы, но впечатление осталось сильное. «Встревоженные турки толпами сбегались смотреть на разрушительное действие взрыва». В журнале, не вдаваясь в подробности, решили, что это турки под нас подкапывались: «Турки под наш вал подвели подкоп и взорвали наш вал, тако ж их валу повредило много ж; и был дождь в той ночи».

В дивизии Головина тоже вели подкоп. Молодой и неопытный инженер Адам Вейде решил, что подкопался под самую стену, и, опасаясь, что турки его опередят и подведут контрмину, приказал устроить в подкопе камеру и зарядить ее 83 пудами пороха.

Русские ожидали, что от взрыва стена рухнет, и 16 сентября подвели в траншеи войска, чтоб занять пролом.

Мину подожгли. Турки все поняли и убежали с бльверка и вала за внутренние укрепления. Мина взорвалась. Но оказалось, что заложена она не под стеной, а под валом. Бревна, доски и камни взлетели и обрушились на русские траншеи, где 30 человек убили до смерти и около сотни изувечили. Погибли два полковника и один подполковник. Крепостная стена осталась невредимой. Осыпалась лишь часть вала.

Неудача, как записал Гордон, «сильно огорчила Государя и произвела неописуемый ужас в войске, потерявшем после того всякую доверенность к иностранцам». В журнале читаем: «Взорвало наш подкоп, подведен был под турецкий вал; и после был окрик великий и стрельба с обеих сторон. День был тих, а в ночи был дождь».

С этого времени дожди пошли часто, 18-го – дождь с градом. Все траншеи заполнились водой.

В журнале все это время – дожди и мешающие татары: «В 19 день. Ничего не было. Той ночи был дождь... В 20 день. С полдень был дождь, и ту ночь был мороз... В 21 день. День был красный и был бой перед вечером: конница наша с татары, у нижних городков, стоящих у каланчей... В 22 день. Татары конница приезжали к нашему обозу поутру рано; в вечеру татары ж прибегали к нижним же городкам и был бой жестокий. День был тихий. В ночи в вечеру турки стали наш вал портить и была стрельба от нас. Той ночи был дождь...».

23 сентября Гордон, противясь штурму, все же доложил царю, что два подкопа с его стороны готовы и мины заложены.

Второй генеральный штурм, назначенный на 25 сентября, стали планировать с двух сторон – в пролом, который образуется от взрыва мины, и с речной стороны. Отсюда должны были подплыть на лодках с высокими бортами преображенцы и семеновцы.

Гордон обращал внимание военного совета, что через реку трудно успеть вовремя, и действия двух колонн после взрыва мин будут одновременными. Он указывал на укрепленность прибрежной части Азова, значительность здесь

турецких сил «из опасения казаков». И, наконец, в случае неудачи отступать по мелководью и садиться в суда с высокими бортами будет трудно. «Возражения Гордона оставлены без внимания; ему отвечали темными надеждами; план атаки не изменен и штурм назначен 25 сентября в среду, в день св. Сергия, покровителя Придонских стран». Более того, Лефорт и Головин «даже дали понять Гордону, что его сомнения и опасения вызваны как будто нежеланием взять крепость».

Конечно же, когда на войне все решается консилиумом, порядка не будет. Лучше один плохой командующий, чем одновременно несколько хороших. Понятно, что царь сам хотел всем руководить, но трезво оценивал свою молодость и неопытность, потому и прикрылся тремя советниками, которые формально ему не подчинялись (как генералы не подчиняются бомбардирам). Из советников Гордон был опытнее, но царь больше доверял Лефорту, который одинаково легко соглашался быть и генералом, и адмиралом и т.д. и т.п.

Нападение планировали начать в два часа пополудни. После трех сигнальных пушечных выстрелов люди, стоявшие близ подкопов, должны были отступить, потом через четверть часа подожгут мины – 95 пудов пороха каждая, - и тогда войскам Гордона наступать в пролом, а Лефорту отвлекать турок, напав на ближайший к его лагерю бастион.

Задачей дивизии Головина значилось «поддерживать казаков, стоявших у реки на оконечности правого фланга». То есть, здесь ударную силу составляли казаки.

Преображенцы и семеновцы должны ударить через Дон. Сам царь наблюдал за их действиями оттуда, с правого берега Дона, с Каланчинского острова.

Участвовала в штурме 25 сентября только тысяча казаков. Остальные были оставлены для охраны солдатских и стрелецких лагерей, ввиду вероятности нападения татар, о чем предупредили перебежчики. Устрялов это считает ошибкой. "В лагерях осталось довольно войск для их защиты; между

тем храбрые донцы, наиболее опасные неприятелю своею неукротимой отвагой, не приняли участия в штурме, за исключением 1000 человек, не самых лучших, выбранных для приступа по жребию".

В 3 пополудни, удостоверившись, что все готово, Гордон дал сигнал...

Мина взорвалась. Взлетевшие на воздух камни рухнули, как и прежде, на русские апроши и задавили полковника Бана, несколько офицеров и много солдат, человек 100 получили ранения. Однако часть стены и фас бастиона оказались проломленными, и в этот пролом шириною в 20 сажен устремились русские войска. Пройдя пролом, они уперлись в неодолимый палисадник...

Преображенский и Семеновский полки с тысячею донских казаков под командованием П.М. Апраксина, перебравшись через Дон, ворвались в город с северной стороны. Царь с противоположного высокого берега видел каждый их шаг. Бой меж разрушенными азовскими домами проходил у него на глазах.

Совершенно не получился приступ у Лефорта: мина была взорвана неумело, стену не проломила, и Лефорт изменил направление удара – повел своих солдат и стрельцов вслед за Гордоном и тоже поднял на валу свое знамя, в пролом, однако, не совался. Стрельцы, упорные в своей ненависти, и здесь за Лефортом записали: «его же умыслом на приступе под Азовом посулено по 10 рублей рядовому, а кто послужит, тому повышение чести: и на том приступе, с которою сторону они были, побито премножество лучших».

Не замечая у русских единодушия, турки контратаковали. 400 храбрейших янычар, предводимые знатным агою в красной одежде, через полтора часа от начала штурма выбили русских из пролома. Удержаться удалось лишь на внешней части вала, да и оттуда турки вскоре скинули их в ров.

Узнав, что потешные и казаки ворвались в город, Гордон повторно повел войска на приступ, но дальше вала они не прошли. Снова отбой из-за невозможности держаться на валу, и – приказ царя возобновить приступ, чтоб отвлечь турок от потешных полков и казаков, погибающих меж азовских

развалин.

Во время третьего приступа войска Гордона дошли до половины вала и снова были опрокинуты в ров...

Потешные и казаки тоже не удержались в городе и, в конце концов, выбрались оттуда, с трудом достигли судов и отчалили.

Вечером войска, выходившие на штурм, возвратились в лагерь. Потери от усталости никто не считал.

Трофеи ограничились одним турецким знаменем или значком, отбитым на бойнице, и одной железной пушкой, взятой на валу четырьмя стрельцами. На другой день они притащили ее Гордону и получили по 5 рублей.

Между тем, холодало, надвигалась зима. "В 25 день, - читаем о штурме в журнале. - Был приступ другой к городу Азову и был бой жестокий, только отступили наши. День был северной; в ночи мороз. В 26 день. Ничего не было; день был холоден, и ночь також. В 27 день. Ничего не было. День и ночь были с дождем. В 28 день. День был с солнцем холоден".

Отчаявшись взять Азов, Петр хотел взять хотя бы Лютик и послал инженера Рюля осмотреть ее и местность вокруг. Рюль донес, что потребуется время и новые жертвы...

27 сентября после продолжительного совещания решено от Азова отступить, но в каланчах, укрепленных и названных Ново-Сергиевским городом, оставить трехтысячный отряд – по тысяче из каждой дивизии – и воеводу из стольников.

Не все сразу делается. Журнал отметил: "В 29 день. Генералы наши велели пушки вывозить; из шанцев своих отступать от города стали; також и в обозех стали выбираться на пристань. День и ночь были холодны и с дождем".

Осаду предполагалось полностью снять до Покрова пресвятыя Богородицы - 1 октября. Но обозы выводили к пристани и грузили 4 дня – 29 и 30 сентября и 1, 2 октября.

На Покров утром поднялась буря, ветер дул с моря, Дон выступил из

берегов. Фуры двигались в воде до осей, порох подмокал, люди тонули.

2 октября в 8 вечера последние войска покинули лагерь и уходили в непроницаемом мраке. Арьергардом командовал Гордон, «ему стоило большого труда держать войско в порядке по строптивости и непослушанию Низовых полков. Татары напали на отставший полк Сверта и разбили его совершенно, взяв в плен самого полковника с несколькими знаменами. Арьергард едва не расстроился: многие в ужасе кинулись к лодкам. Пользуясь смятением, татары густыми толпами бросились на Бутырский полк, соблюдавший порядок; Гордон подпустил их на ружейный выстрел и залпом из всех орудий отбил у них охоту к отважным нападениям».

3 октября грузились в суда дивизии Головина и Лефорта. «Пошел караван суденной рекою Доном от Каланчей к Черкасскому. Той ночи все ехали».

5 числа караван достиг Черкасска и стоял там до 10 числа включительно. Гордон со своей дивизией и казаками прибыл туда же и тогда же. За речкой Скопинкой татары его больше не преследовали.

«В 11 день. Выбиралось наше войско в обоз, намерения в путь свой. День был красный.

В 12 день. Пошли господа генералы обозами в путь свой и перед вечером перешли речку и отошли не далеко; в степи ночевали. И был снег и ночь холодна была», - монотонно повествует журнал, как уходила с Дона в Россию потерпевшая поражение русская армия. Гордон в своем дневнике упоминает в этот день о выюге.

«В 13 день. Шли наши господа генералы путем своим; в день был снег небольшой и ночевали в степи.

В 14 день. Перед вечером перешли речку Оксай и перейдя ночевали в степи...».

Стрельцы из дивизии Лефорта обвиняли потом своего командира, что он вывел их из Черкасска позже всех, именно 14-го: «а из Черкасского 14 числа пошел степью, чтоб их и до конца всех погубить, и идучи, ели мертвечину, и премножество их пропало».

Дальше журнал откроем:

«В 15 день. Шли путем. День был тихий, а в ночи был мороз; ночевали в степи.

В 16 день. Маленькую перешли переправку. День был тих, а в ночи мороз. Ночевали в степи.

В 17 день. Перешли две переправы. День был с дождем с небольшим и ночь також. Ночевали в степи.

В 18 день. Был великий снег и стояли на пути, для той погоды, часа с три, и опять пошли в путь свой, и перед вечером перешли переправу и ночевали в степи. В ночи был небольшой дождь.

В 19 день. Перешли переправу; перед вечером перешли другую переправу через реку, прозвание ей Кудрюк, степная, и ночевали в степи.

В 20 день. Перешли две переправы небольшие, не дошед речки, прозвание ей Проток, и ночевали в степи.

В 21 день. Поутру рано перешли речку Проток, в полдни пришли к Северскому Донцу и стали переправливаться на другую сторону мостами и бударами. День был красный.

В 22 день. Також перебирались через Донец. День был красный. И сождався всего войска.

В 23 день. Поутру рано от Донца пошли в путь свой; в вечеру перешли чрез переправу, прозвание Луской, да перешли речку Минякину переправою. День был красный, а ночь с небольшим ветром.

В 24 день. Перешли речку переправою, прозванием Доркул, да ручеек, и ночевали в степи. День был красный и ночь тихая.

В 25 день. Перешли переправу. День был красный и ночь тихая, и ночевали в степи.

В 26 день. Перешли переправу малинкую и ночевали в степи и прошли речку Авсух в той же день.

В 27 день. Шли горелою землею до 4 часа ночи и ночевали у переправы.

В 28 день. Через выпеписанную переправу перешли и в ночи пришли часу

в 3 к реке Айдару и ночевали.

В 29 день. Поутру рано через реку Айдар перешли мостом, и еще перешли речку, прозвание Сраная Казинка. День был с погодой и ночь також".

Здесь, на рубеже Земли войска Донского, журнал заканчивается. Известно, что царь шел с армией степью с Черкаска до первого русского города Валуек. Оттуда 1 ноября он отправился вперед, несколько дней провел в Туле на железных заводах, дождался армию и 22 ноября торжественно вступил в Москву. «Пред царским сингклитом вели турченина, руки назад; у руки по цепи большой; вели два человека»...

Цесарский агент при русской армии Плейер задержался из-за болезни в Черкасске и поехал по следам армии месяц спустя. Потом он отчитался перед Императором: "По дороге я видел, какие большие потери понесла армия во время своего марша, хотя и не будучи преследуема никаким неприятелем; нельзя было без слез видеть, как по всей степи на протяжении 800 верст лежали трупы людей и лошадей, наполовину объеденные волками". Все деревни по пути армии оказались переполненными больными, заражавшими местных жителей своими недугами; смертность была ужасная.

Силен же был удар и страшно потрясение, если армия уходила, не преследуемая, и не подбирала отсталых, не хоронила мертвецов...

Глава . 2-й Азовский поход Петра 1.

Да, насмотрелись донские казаки, налюбовались... А кое-кто и рад был: турки обескровлены, еле отсиделись; русские обожглись, еле ноги унесли, теперь нескоро сунутся. Ново-Сергиевский городок смущал и трехтысячный гарнизон в нем. Но ждали, что и это само собой как-нибудь рассосется.

Как бы не так! Еще 27 октября, когда шли выжженной степью, «горелую землею», написал Петр польскому королю и римскому императору, что будущей весною пошлет на Крым и на Азов войска многочисленнее прежних. Польского короля он в письме склонял к решительным действиям,

а у римского императора просил искусных инженеров и минеров.

Свои московские немцы – Тиммерман, Вейде, Брюс – в России живут давно, от прогресса отстали, надо новых из самой Европы.

После торжественного вступления в Москву, 27 ноября, в праздник Знамения Пресвятой Богородицы, на Постельном крыльце дьяк Артемий Возницын прочитал воинским русским людям указ: собираться на царскую службу, запасы готовить и лошадей кормить. Охочие люди, вольные и крепостные, повалили в Преображенское записываться в солдаты и в стрельцы. «Охотников нашлось не мало, особенно в господских дворнях, наполненных сотнями холопей праздных и голодных», - пишет Н. Устрялов.

Гетману на Украину полетело приказание к маю выслать под Азов 15 000 запорожского войска. Шереметев в Белгородском разряде получил повеление отправить в Валуйки 7 полков в числе 10000 под начальством генерала Ригемана и готовиться в поход на Дон.

Сразу же стали формировать сухопутную армию, в которую назначили следующие войска:

а) ратные люди московского чина конного строя, стольники, стряпчие, дворяне и жильцы – 3816 человек под началом стольника князя П.Г. Львова (делились на 37 конных рот и отдельно команда есаулов, обозных, дозорщиков и др. в 316 человек);

б) 30 полков солдатских – 38800 человек;

в) 13 полков стрелецких – 9597 стрельцов;

г) 6 полков малороссийских – 15000 казаков наказного гетмана, Черниговского полковника Якова Лизогуба;

д) войска Донского пепих и конных – 5000 казаков войскового атамана Флора Минаева;

е) калмыков – 3000;

ж) низовых конных стрельцов и яицких казаков – 500.

Из солдатских и стрелецких полков должно было сформировать три дивизии – Гордона (14117 человек), Головина (13738 человек) и Ригемана

(10299 человек). Отдельный отряд из 3-х солдатских полков численностью в 4000 назывался пехим полком адмирала Лефорта.

Сборным местом назначили Валуйки и Тамбов, где войскам надлежало собраться к 20 марта, чтоб не позже 1 мая 1696 года быть у Черкаска.

14 декабря Петр собрал Гордона, Лефорта и Головина, и они стали выбирать единого главнокомандующего. Ясно, что если так выбирают, то возьмут кого-нибудь со стороны, чтоб никому из присутствующих обидно не было. Выбрали престарелого князя Михаила Алегуковича Черкасского, «почтенного заслугами и характером», который проявил верность ветви Нарышкиных еще при владычестве Софьи. Но князь Черкасский болел и от такой чести вскоре отказался. Тогда 9 января генералиссимусом Петр наименовал боярина Алексея Семеновича Шеина, правнука доблестного защитника Смоленска. И правильно, по заслугам. Во время Крымских походов Шеин вторым в войске после Василия Голицына был, Новгородским разрядом командовал.

Новым, чего не предвидел никто, было решение Петра строить в Воронеже флот. 30 ноября в письме к Двинскому воеводе Апраксину сообщал он: «По возвращении от невзятия Азова, с консилии господ генералов указано мне к будущей весне делать галеи».

Настоящие морские фрегаты и линейные корабли к весне построить было просто невозможно. Строить решили гребной флот – галеасы, галеры, каторги и брандеры.

По обеим сторонам реки Воронежа росли дубовые, липовые, буковые, сосновые леса. Здесь всегда строили плоскодонные струги для перевозки Доном жалования Войску Донскому, для отправки посольств. Бывало, что по 20 тысяч наряжали людей из окрестных городов на строительство стругов, и строили они зимою в лесах караваны по 500 и более судов, а весной на станках с колесами подвозили и спускали их на воду.

На реке Воронеже, в 15 верстах от впадения ее в Дон, повелел царь основать верфь. Стольник Григорий Титов должен был с людьми к февралю

распилить 7000 деревьев на брусья, бруски, пластины и доски по данным ему чертежам, собрать у местных жителей смолу и конопать, выписать с железных заводов скобы, крючья и гвозди и все это сложить под Воронежем на Луговой стороне к приезду царя. Из Архангелска выписаны были свои и иноземные мастера кораблестроения. А в качестве образца отправили в Воронеж из Москвы заказанную в Голландии и оттуда доставленную галеру.

Планировал царь построить 300 таких галер, чтоб размещались в них 120-170 человек солдат, и 1300 стругов для размещения артиллерии, запасов и генералов с их свитами. Заранее стал готовиться уже озвученный морской regiment в 28 рот в числе 4000 человек. Направляли туда из Преображенского и Семеновского полков и из вновь набранных солдат.

В начале 1696 года Петр уехал в Москву, где 29 января скончался брат и соправитель его Иоанн. Похоронив брата, 23 февраля выехал он в Воронеж, там уже собрались 26 тысяч работных людей, и немедленно включился вместе с ними в работу.

На Дону не ждали в ближайшее время никаких особых событий.

Крупнокалиберная артиллерия, боеприпасы, всяческое снаряжение русской армии зимовали в Черкасске, в специально построенных Гордоном амбарах. Многие, помня, как уходила русская армия, втихомолку уже считали это имущество своим.

С уходом армии казаки вернулись в обычную колею. А колея эта – наскучившее и неизбежное противостояние с Азовом.

В конце декабря в Черкасске узнали, что Муртаза-паша намеривается вернуть каланчи, и на 1 января 1696 года крупная партия казаков, конных и пеших, силою 2000, подтянулась к Ново-Сергиевскому городку. После военного совета с воеводою Ржевским казаки "по своей казачьей обыкности пристойные места залегли", то есть остались снаружи, скрытно, и выслали к городу 50 всадников «для языков». Казачья разведка была встречена выстрелами и вылазкой. Казаки быстро отступили в сторону каланчей и стали ждать. Как и ожидалось, появились азовцы и напали на городок. 7

человек из гарнизона они переранили и хотели увести в плен, но казаки ударили по ним из засады, «в полон тех ратных людей взять не дали, и гнали за теми неприятели от Сергиева до самого Азова и взяли из них знатного азовского татарина». Знатность его проявлялась в том, что он до этого 14 человек переранил и 7 стрельцов в плен взял.

Пленного отправили в Москву, и в Москве «по допросным того взятого татарина речам явилось, что от Хана Крымского пришла в Азов подлинная ведомость: отпущен де в Азов из Крыму Шабан-Гирей салтан, а с ним 900 емаков, пеших людей; а в Тамани, и в Керчи и в иных ближних городах Муртоза паша с братьями с пехотою яныченскою в готовности, и ждут их азовцы к себе вскоре; а будет та пехота с Шабан-Гиреем салтаном и с Муртозою с казною и со всякими хлебными запасы на 5000 арбах, да на тех же арбах прислано будет 20 мозжеров (мортир), а с теми мозжеры 50 человек мастеров, да с нагайскою ордою и с черкасы и со всею конницею большим собранием будет другой салтан - Каплан-Гирей; а приказал де хан, чтоб тем их поганским войскам итти мимо Азова и приступать к Сергиеву и мозжерами город зажечь; а из Царягорода от салтана прислано будет со льдом вместе войско для строения Азова и к тому строению в Азов прислано мастеров 10 человек». То есть, турки и татары собирали силы, чтобы вернуть себе каланчи и отстроить Азов после недавней осады.

Казаки трезво рассчитали, что взятие турками каланчей закончится их походом на Черкасский городок, чтобы, пользуясь случаем, решить заодно и казачий вопрос. Поэтому они решили удерживать неприятеля на дальних подступах «и послали в Сергиев ратным людям на помочь 400 человек казаков и велели им стоять и оборону против неприятельских людей чинить, не пядя голов своих». А заодно усилили караулы в самом Черкасском городке и «для того поставили ... у пушечной и у пороховой казны на сторожу 200 человек казаков».

Приход азовцев под Новосергиевский был воспринят Москвой как разведка боем. И на Дон немедленно послали самые подробные инструкции: «И вы

б (...) новопостроенный город Сергиев и Каланчи от неприятелского навождения берегли со всяким усердным радением и до взятия и ни до кокого разорения не допустили. И послать бы вам от себя из войска в тот город и в каланчи в помощь того города, к прежним ратным людям в прибавку казаков добрых, сколько человек пристойно, без всякого мотчания, чтобы тех казаков в осаду и на отпор неприятелем было довольно, и чинить отпор с великим радением, обще с ратными людьми, которые в Сергиеве и на каланчах оставлены, и были б те казаки в том городе и на каланчах до приходу ратных московских и городовых полков не отлучно, и о приходе неприятельских людей проводывать всячески с великим радением, и с Сергиевским воеводою о бережении того города и каланчей чинить бы вам пересылки безпрестанные и от неприятелей опасные, а буде учинится к тому городу и к каланчам приход многих неприятельских людей и учнут под тем городом и каланчами стоять и приступать, и вам бы (...) всем войском к тому городу и к каланчам итти и от неприятелей тот город и каланчи (...) оборонить (...) и показать в том службу и радение свое и до разорения, конечно, не допустить, чтобы тем неприятеля приступу и по-радованья, а впредь будущему нашему воинскому промыслу помешки не учинить, а будет от неприятелей, сохрани Боже, Сергееву городу и Каланчам учинится взять или иное какое разрушенье; и то все причтено будет в ваше нерадение; и писали б вы от себя с Дону в верхние городки к атаманом и казаком с на-рочными гонцы наскоро, чтобы они из верхних городков шли к вам в Черкаской на помощь тотчас, безо всякого мотчания и чинили б над неприятели воинские промыслы и осторожность всякую с вами обще, заодно, да и в Черкаском напей, великого государя, казны со всякою осторожностию беречь же; а служба ваша и радение у нас (...) в забвении не будет, в том бы вам на нашу (...) милость быть надежным».

Но приступ турецкий на каланчи и на Ново-Сергиевский городок так и не состоялся. Или не сложилось что-то у турок, или пленный татарин врал, запугивал, чтоб русские и казаки сами зимой врасплох на Азов не напали. А

скорее всего увидели турки, что гарнизон силен да еще и подкреплён казаками, и городка им с налету не взять. А вести осаду по всем правилам зимой на азовском берегу по морозу при мокром морском ветре – желающих мало.

Весна в 1696 году оказалась капризной. До половины марта шли проливные дожди, и реки повыходили из берегов. Потом ударили морозы. Реки снова замерзли, и от лютой стужи работы остановили на целых пять дней. В конце марта опять потеплело, и лед сошел. Опять взялись за работу, но 7 апреля снежная буря с морозом так обожгла, что четыре дня не то что не работали, из землянок и то не вылезали.

При всех трудностях и перепадах стихии царь за месяц флотилию в основном соорудил. С первых чисел апреля стали спускать галеры на воду. 2 апреля с церемонией спустили три первых – «Принципиум», «Святой Марк» и «Святой Матвей».

Происходило это в присутствии многочисленных войск, явившихся в Воронеж в конце марта. 23 числа подошел Гордон со своим выборным Бутырским полком и четырьмя стрелецкими. 31 марта явились с конными и пешими полками сам генералиссимус Шеин и генерал Автамон Головин, с ними же Преображенский и Семеновский полки.

16 апреля объявился приболевший в дороге адмирал Лефорт. 17-го сошла со стапелей его адмиральская галера, где они с царем и «птенцами гнезда Петрова» завеселились.

Струги и будары числом свыше тысячи стояли готовыми еще раньше, с 1 апреля на них стали грузить казну орудия и припасы.

Иностранные инженеры из Вены и Кенигсберга запаздывали, выступать решили без них.

21 апреля сел на положенную ему галеру генералиссимус Шеин, поднял свой флаг, устроил по сему случаю пир и на следующий день отдал приказ идти рекой Доном на Азов.

Первым 23 апреля отчалил Гордон, погрузивший на 1 галеру и 111 стругов

свой выборный бутырский полк и 4 стрелецких полка – всего 3500 человек. Остальная часть его дивизии – более 10 тысяч – пошла сухим путем, знакомой дорогой из Тамбова.

25-го отплыл с преображенцами и семеновцами Головин, а за ним 26-го Шеин со своим штабом и запасами. Большая часть дивизии Головина, как и дивизия Гордона, пошла по суше. Так же пешком отправилась к Черкасску из Валук дивизия Ригемана.

3 мая собрался в путь и «морской караван». Первыми двинулся авангард из 8 галер во главе с капитаном галеры «Принципиум» Петром Алексеевым. И далее, с 4-го по 24 мая, с небольшими промежутками выходили в Дон и шли по течению отряды галер, каторг и брандеров.

Поход для каждого из звеньев продолжался в среднем около трех недель.

Всего в армии, направленной под Азов числилось, по данным В. Сухорукова, 64735 человек, а первый историк деяний Петра Голиков считал, что войско было меньше тысяч на десять – 54144 человека.

Низовые казачьи городки, начиная с Паншина, царь уже видел во время прошлогоднего плаванья, поэтому мы проследим его путь только сверху до Паншина. И источник возьмем тот же, "Юрнал в путном шествии", за 1696 год.

Итак, 3 мая галеры "Принципиум", "Святой Марк", "Святой Матфей" и прочие большие и мелкие суда "от города Воронежа ... пошли в путь свой при доброй погоде; плыли парусом и греблей. Перед вечером прошли село Шилово, - стоит на нагорной стороне; в ночи часу в 3 дня погоды стали на якоре и стояли всю ночь; а в ночи был ветер велик».

И так привычно-монотонно описывает журнал путь гребного «морского каравана» по землям пограничного Воронежского воеводства. Впрочем, воронежские земли проскочили быстро, за два с половиной дня.

5 мая, миновав деревянный 12-башенный пограничный город «Крутояк», «в вечеру прошли речку Сосну (считалась она границей Земли войска Донского. – А.В.), - впала в Дон с правой стороны, монастырь Дивногорский, -

стоит на правой стороне; во 2 часу ночи прошли монастырь Шатрицкий, - стоит на горе, на правой стороне; перед светом прошли речку Игорец, - впадала в Дон с левой стороны. День был красный и ночь с небольшим ветром. Шли парусом и греблею.

В 6 день. Прошли речку Колыбелку, - впадала в Дон с правой стороны, да речку Марак, - впадала в Дон с правой стороны, да речку Метюк, - впадала в Дон с левой стороны. День был теплый. В ночи проехали речку Осеред, и ночь была теплая. Шли парусом и греблею.

В 7 день. В полдни прошли речку Калитву, - впадала в Дон с правой стороны; в 3 ч. ночи прошли речку Мамон, - впадала в Дон с левой стороны; перед светом проехали речку Толычьеву, - впадала в Дон с левой стороны, да речку Богучар, - с правой стороны впадала в Дон. День был красный с погодой, и был дождь и гром; а ночь была тихая; во дни и в вечеру шли парусом и греблею».

Велика земля Войска Донского... Еще ночь и целых двое суток шыл караван меж пустынных берегов, не встречая жилья человеческого. Далеко донцы забрались, далеко оторвались. Но вот показались первые «верхние» городки...

«В 8 день. В 5 часу прошли монастырь Донецкий, - стоит на берегу на правой стороне; после полдень прошли городок Донецкий, - стоит на левой стороне на берегу, да речку Донец, - ниже городка впадала в Дон с левой стороны; да проехали речку Казанку, - впадала в Дон с левой стороны; перед вечером проехали городок Писковацкой, - стоит на правой стороне; против его речка Писковатка, - впадала в Дон с левой стороны; во 2 часу ночи проехали городок Мигулин, стоит на левой стороне. День был красный и в тот день был гром; а ночь была тихая, и шли парусом, також и греблей.

В 9 день. В 1 часу прошли городок Решетов, - стоит на левой стороне; в 3 часу прошли городок Вешки, - стоит на левой стороне; в полдни прошли речку Елан; после полдень в 3 часу прошли Хоперское устье, - впадала в Дон с левой стороны; в 4 часу проехали городок Хопер, - стоит на правой стороне; в 7 часу прошли Медведицкий монастырь, стоит на правой стороне; в 8 часу в исходе прошли речку Медведицу, - впадала в Дон с левой стороны, да городок

Медведица ж, - стоит на левой стороне. День был красный; шли парусом и греблей.

В 10 день. Во 2 часу прошли город Клепкой, - стоит на правой стороне; в 6 часу прошли городок Перекопский, стоит на левой стороне, городок Кременные, - стоит на левой стороне; в 3 часу после полдень проехали городок Новогригорьевский, погорел, жилище на правой стороне; перед вечером прошли Старый Григорьевский городок, - стоит на правой стороне. День был красный и ночь с небольшим ветром. В " " часу ночи (проспал, наверное, точного времени не заметил. – А.В.) прошли городок Сиротин, - стоит на правой стороне; в полночь прошли городок Иловла, выше его речка Иловла ж, впадала в Дон с левой стороны, а городок стоит на левой стороне; перед светом прошли городок Качалин, - стоит на левой стороне, на одном острове с Паншиным. Шли парусом и греблей по половине.

В 11 день. В 3 часу дни пришли к городу Паншину и стали на якорь..."

Вот так. А дальше начинались уже перечисленные в журнале «низовые» городки.

Царь добирался Доном до Черкаска 12 дней, он обогнал суда Шеина, оставил далеко позади себя выступившего 4 мая Лефорта, и чуть не догнал Гордона, который пристал к берегу у Черкаска 14 мая.

В журнале читаем: «В 15 день... С полдень во 2 часу прехали к городу Черкасскому 4 голерами и стали на якоре один по одному и была стрельба пушечная с голер, из города Черкасакого, и из мелкого ружья и ночевали».

В Черкасске ждали Петра части дивизии Гордона и дивизия Ригемана. Гордон ответно салатовал царю из пушек, которые оставлял на зиму в Черкасске. Главные силы армии с артиллерией и снарядами оставались далеко позади. Поджидая войска, царь не терял время и стал распоряжаться погрузкой в струги для отправки к каланчам орудий, припасов и снарядов, остававшихся зимой в Черкасске и донцами сохраненными.

Журнал об этом ничего не пишет, «журналист» погодой любитесь:

В 16 день. Был день красный и ночь была тихая.

В 17 день. По утру день был мрачный; с обеда день был красный, и в ночи також; только перед светом был великий гром и молния и дождь».

Вот в эту предгрозовую ночь на 18 мая явился в Черкасск походный атаман Леонтий Поздеев с вестями: за три дня перед тем, после прибытия Гордона, но перед прибытием царя, донской атаман Флор Минаев послал его, войскового старшину Леонтия Поздеева, с 250 донцами «для промыслу над неприятельским флотом». С таким числом воинов, конечно же, много не «промыслишь», ясно, что это была разведка.

Двое суток донцы стояли на взморье, а на третьи увидели два турецкие корабля, направлявшиеся к Азову, и напали на них...

Историки расходятся в том, чем окончилась эта схватка. В. Сухоруков утверждает, что, "презрев видимое превосходство сил неприятеля, храбрый Паздеев стремительно атаковал их и, несмотря на сильную пушечную стрельбу и отчаянную оборону турок, казаки, производя непрерывный ружейный огонь, пристали к кораблям, мгновенно прорубили бока оных при самой поверхности воды и со всеми людьми и грузом их затопили, не потеряв из своих ни одного человека".

Но А.Ригельман в "Истории о донских казаках" пишет об этих несчастных двух кораблях: "Козаки, подплывая к ним, окружали их на мелких судах, и как ручными гранатами, так и ружейного стрельбою, сильно утесняли; но как для высоты скоро на них взойти неможио, то намерены были они с низу от воды бока прорубать, чтоб в них войти. Сперва противились неприятели одною токмо пушечного стрельбою, но как козаки приступили уже к самым кораблям, то бросали они с верху камнями, а притом делали безпрестанно огонь из мелкого ружья. Козаки, видя, что им тех кораблей не взять, отступили с такою осторожностью назад, что с их стороны не больше четырех человек ранено было, из которых токмо один от ран умер".

Н. Устрялов, ссылаясь на известия из-под Азова от 2 июня в Древней Российской Вивлиофике, пишет, что казаки от кораблей отступили, «потеряв впрочем не более четырех человек, раненых при отступлении картечными

выстрелами; корабли же остались на море при устье Дона».

Царь, узнав, что два корабля стоят в устье Дона, загорелся их захватить. Судя по дневнику Гордона, 17-го, в десять вечера, царский денщик Александр Кикин явился к генералу с приказом быть утром у царя, в готовности срочно отплыть в Новосергиевскую. Далее по дневнику Гордона:

«18 мая был я рано утром у государя; советовались о походе на два Турецкие корабля, выгружавшие в устье Дона провиант. Решили: царю атаковать их 9 галерами и 1000 казаками, мне же занять остров, где вытекает река Каланча. Около 7 часов я отчалил; в 12 часов государь догнал меня, вошел в мой бот и около часу разговаривал со мною о дорогах, по которым войскам идти к Азову, и где стать им при осаде. В 3 часа я вышел на берег с немногими, и с высокого кургана осматривал окрестности Азова. Ветер был противный. В 10 часов ночи мы прошли Мертвый Донец».

Гордон вел с собой на стругах 4 полка. Царь выступил со своими 8 галерами и взял с собой турецкую полукавторгу, захваченную в августе 1695 года, поэтому Гордон говорит о 9 галерах. 1000 казаков плыли на 40 стругах.

И «журналист» наш, словно проснувшись, записал:

«В 18 день. День был мрачный и с солнечным сиянием и был дождик малинкой. В 5 часу дни якорь вынули, от города Черкасского рекою Доном пошел кораван 9 галер в путь свой под Азов; во 2 часу ночи пришли к Каланчам, и ночь была тихая».

Читаем дневник Гордона дальше:

«19 мая в 5 часов утра мы пришли к Каланчам или Новосергиевску. Нас приветствовали пушечными выстрелами. Взяв Бутырский полк и по 100 человек от каждого из других полков, я занял Каланчинский остров и укрепился там в старом форте; потом возвратился, встретил государя на реке, вместе отправились к форту и советовались с боярином Федором Алексеевичем и с Донским атаманом о намерении государя напасть на два корабля, стоявшие на рейде пред Азовом. Решено: государь со своими галерами, а атаман с казаками пойдут в атаку; я же для диверсии выступлю из

форта с 3 полками, чтобы, в случае, если Турки пойдут на помощь своим кораблям, угрозою нападения в тыл остановить их. Вечером казаки в 40 лодках (около 20 человек на каждой) поплыли вниз по реке. Государь следовал за ними в 9 галерах и с одним из моих полков».

Куда же направился царь на своих галерах? Открываем журнал:

«В 19 день. День был красный, и была стрельба по утру пущечная и из мелкого ружья с Каланчей, для приезде войск наших генерала Петра Ивановича Гордона. В отдачу денных часов от Каланчей якори свои выняв, и пошел кораван весь рекою Доном в путь свой на море. Того же часа пошли рекой Каланчинским и проехали реку Празной в правой стороне, и в 3 часу ночи вошли в реку в Котюрму правой стороной. За два часа до свету стали на якоре, для осмотра мели против ериков в левой стороне, прозвания Малыя Котюрмы».

В 8 верстах от впадения в море речка каланча разделяется на два рукава – саму Каланчу и на Кутерму. Этими протоками и хотел Петр выйти в море, обойдя стороной Азов, и напасть на те два корабля с тыла. Но место здесь мелкое, заносится песком, и большим посудинам пройти его можно лишь при «низовке», при западном ветре, нагоняющем воду в Дон и в гирла. А ветер в те дни был северный... В двух письмах Петр сетует на это. Виниусу он пишет: «Ветер был северный и всю воду в море сбил», князю Ромодановскому – «19 мая пришли на устье моря, и за мелиною на море галерам выгтить было не возможно».

Меж тем Гордон действовал, как и договаривались:

«20 мая. На рассвете я перевел чрез Дон два стрелецкие полка и, прошед до 600 шагов, построился в боевой порядок. Стоял около 5 часов. В это время несколько неприятельских всадников переплыли чрез реку и приблизились к нашему фронту, чтобы узнать намерения наши; после нескольких выстрелов они удалились. Пред вечером мы увидели свои галеры. Я осматривал оба наши форта в Новосергиевске. Государь прибыл в своем судне около полуночи».

А что же делала весь день царская флотилия? Читаем в журнале:

«В 20 день. Стояли на якоре весь кораван. С полдень якорь вынувши пошел кораван вверх по той Котюрме Дону; с полдень в 3 часу пришли на стрелку Каланчинскую и стояли на якоре с час, и якорь вынувши, пошел кораван весь вверх по Дону Каланчинскому; в 4 часу ночи стали на якорь весь караван, не доехав Старого Дону; в 7 часу ночи якори вынев, пошли путем к Каланчам. День был красный и ночь с погодой».

Флотилия не нашла среди мелей выхода в море и вернулась к каланчам. А «красный день и ночь с погодой», то есть, солнце и ветер, что бывает на Дону при восточных и северных ветрах, не обещали близкой «низовки» и подъема воды.

Об одном событии не упомянул журнал, но оно известно из писем царя. «Однакож увидав неприятельских судов, в мелких судах в море вышли», - отписал царь Виниусу.

Если посмотреть по карте, из устья Кутерьмы устье Дона у Азова не просматривается. А там, в устье Дона, заметили, видимо, несколько новых парусов. Петр пересел на казачий струг и на нем вышел в море. Картина там открылась презанятная: не два, а тринадцать больших турецких кораблей стояли в устье Дона. Они сопровождали огромный караван из ушколов (галер) и тунбасов (транспортных судов).

В. Сухоруков пишет, что царь пристал к некоему Канаярскому острову и с него увидел 9 больших турецких кораблей и несколько галер, сопровождавших караван. И царь якобы велел казачьим судам укрыться за этим островом.

Против 13 турецких кораблей (без учета галер) у Петра были 40 казачьих стругов и 1000 казаков (в последнем морском бою, как мы помним, 250 казаков атаковали 2 корабля). Царь отдал приказ возвращаться. Он оставил атамана с казаками в устье Каланчи наблюдать за турками, а сам повел свою флотилию обратно.

Как казаки из устья Кутерьмы перебрались в устье Каланчи, роли не играет.

Они могли с караваном дойти до Каланчинской стрелки и свернуть вниз по Каланче (не зря ж там караван час стоял на якоре), могли проплыгнуть из устья в устье вдоль морского побережья. Скорее всего – первое.

Откроем дневник Гордона:

«21 мая. Около 10 часов утра государь зашел ко мне и рассказал, что видел на море до 20 парусов галер и кораблей и большое число грузных лодок, и что, найдя нападение слишком отважным, велел галерам воротиться. Его величество был очень скучен или грустен. В полдень галеры воротились и заняли свои места.

В 3 часа пополудни государь пришел ко мне с радостным известием, что казаки накануне вечером напали на Турецкий флот, повредили и разогнали его, многих убили, взяли в плен 27 человек, со множеством добычи, как-то: 700 копий, 600 сабель, 400 Турецких ружей, 8.000 аршин сукна, большое количество одежды и провианта, риса, табаку, уксусу, также много пороху, бомб, гранат; из 18 их кораблей и галер сгорело три, из 24 грузных лодок десять, шесть с 50.000 червонцев пробрались в Азов, остальные ушли в открытое море. Пленные донесли, что утром высажено и отправлено в Азов 800 человек. Государь приказал одну часть моего отряда оставить в обоих фортах (то есть в Новосергиевске), а с другою частью, тремя полками, идти в след его величества.

Около 5 часов государь поплыл вниз по реке Каланче только в лодках своих; я выступил вечером с 3 полками при 8 полевых орудиях».

Вот такое радостное известие...

«В 21 день. В 4 часу дни приехал весь караван к Каланчам и стояли на якоре. День был красный. В тот же день была пущечная стрельба с голер и с Каланчей, для взятия на море Турков и Турецких судов; и ночь была теплая». Так умиротворенно закончил «журналист» описание этого дня.

А вот Гордон вряд ли любовался в эту ночь погодой и окрестностями:

«22 мая я плыл всю ночь; на рассвете достиг устья Каланчи; государь стоял с казаками у одного острова. Я бросил якорь с другой стороны и вышел на

остров; казаки делили там добычу. Около полудня государь отправился в Новосергиевск, приказав мне ждать дальнейших повелений. Пред вечером вода стала прибывать. Мы поднялись вверх по реке на высоту».

Из журнала же видим, что царская флотилия с утра отправилась без царя вверх по Дону, но затем вернулась к Каланчам, то есть к Новосергиевску.

«В 22 день. В 5 часу дни, якори вынувши, пошел кораван рекою Доном от Каланчей в путь свой и отошли от Каланчей, поворотились назад, по той же реке; в 3 часу после полдень пришли к Каланчам. День был красный с погодой, и ночь тако ж».

Что ж случилось на взморье? Как разгромили казаки турецкий караван с таким сильным прикрытием? Поскольку царь был здесь, докладывать о деле в Москву не требовалось, оттого и нету войсковой отписки с рассказом о событиях той ночи. А царь и Гордон видели лишь, как дуванилась добыча, слушали, что им расскажут и могли пощупать материальное подтверждение удачного налета. Что же «складывается» из всего вышеизложенного?

Вместо двух передовых кораблей, отбивших наскок атамана Поздеева, на взморье Петра (и казаков) ждали тринадцать кораблей и галер и много транспортных и десантных судов. Это, очевидно, собралась вся растянувшаяся под северным ветром турецкая эскадра. Из-за низкого уровня воды петровские галеры выйти в море не могли, а если б и вышли, соотношение сил по кораблям и галерам складывалось минимум 1:2 в пользу турок. Атаковать же мелкими судами среди бела дня царь не решился (и казаки, кстати, тоже днем нападать не решились). Царь с флотилией повернул обратно, казаки остались наблюдать.

Еще утром, когда русские выглядывали из устья Кутерьмы, с турецких кораблей свезли на берег 500-800 янычар в подкрепление азовскому гарнизону. Таким образом, караван остался без морской пехоты, и это сильно повлияло на исход дела. Вечером началась разгрузка. Турки перегрузили с кораблей на 13 тунбасов привезенные грузы (по 1 тунбасу с

каждого корабля) и под прикрытием 11 ушколов с янычарами отправили их к Азову. К тому времени как раз стемнело...

Дальнейшее известно из письма Петра Виниусу: «... и как неприятель поравнялись с Каланчинским устьем, и наши на них ударили, и помощью Божиею оные суда разбили, из которых 10 тунбасов взяли и из тех 9 сожгли; а корабли то видя, 11 ушли, а 2 – один утопили сами, а другой наши сожгли; а в Азов ушли ушколы с три и то без всякого запаса».

Влетев стремительной ночной атакой в строй тунбасов и ушколов и смешавшись с ними, 40 казачьих стругов лишили турецкие корабли возможности прицельно стрелять из пушек. Из 24 турецких посудин, застигнутых врасплох, 3 (видимо, головные ушколы, которые «не стали связываться») смогли проскользнуть к Азову. Остальные аккуратно брались донцами с двух бортов – 40 стругов на 21 турецкое судно. Впрочем, ушколы казаков не интересовали, и, как писал Петр в другом письме, «достальные ушли к кораблям».

Можно представить, как вспыхнули на морской глади и осветили ночь 9 транспортов, имущество на которых частично разграбили, частично просто испортили и запалили.

Турецкая эскадра, не имея возможности стрелять и опасаясь, что огонь перекинется на корабли (на загоревшихся тунбасах порох везли), начала поднимать паруса и спешно отходить в море.

Донцы достали все-таки один корабль и подожгли. Второй, отчаявшись увести, турки сами утопили...

«На тех тунбасах взято 300 бомбов великих, пудов по пяти, 500 копей, 5000 гранат, 86 бочек пороху, 26 человек языков, и иного всякого припасу, муки, пшена, уксусу ренского, бек-месу, масла деревянного, а больше сукон и рухляди мноое число, и все это к ним на жалование и на сидение прислано: все нашим в руки досталось», - писал Петр Виниусу.

Интересно, порох донцы сначала сгрузили, а потом тунбасы зажгли, или с горящих сгружали?..

Позже то ли тщательнее трофеи подсчитали, то ли победители, а за ними историки, от себя добавили, но В. Сухоруков указывает, что турки, кроме потонувших и сгоревших, потеряли убитыми 2000, а на отнятых судах найдено 50 000 червонных и сукно на 4000 человек, а еще якобы отбили 70 медных пушек...

А в «Древней Российской Вивлиофике» трофеи перечислены скромные, к тем, что в царском письме, можно добавить лишь несколько мортир и сукно на 3 тысячи человек, но создается впечатление, что достигают эти трофеи размеров фантастических: «такова та победа на врагов была велика и прибыльна, что казаки той прибыли в том походе не могли раздуванить, и по указу великого Государя отпущены были в Черкасской, и тое прибыль сукна и серебряные вещи и всякие припасы дуванили во многие дни, имеют себе из того великую утеху, такой удачи им давно не бывало». То есть, столько награбили, что несколько дней поделить не могли...

Это была давно ожидаемая Петром победа на море, но добыли ее донские казаки. 23 мая в черкасском Воскресенском соборе служили благодарственный молебен, а после того стреляли из пушек и ружей. Петр внешне был счастлив и щедр. «Воздав всевышнему благодарение за первую дарованную над врагами победу, признательный государь пожаловал все деньги, сукно и прочую мелкую добычу храбрым своим сподвижникам, а воинские снаряды и оружие повелел обратить в казну», - пишет Сухоруков.

Ох уж эти верноподданные! И Сухоруков – декабрист, а туда же.

Царь, как мы помним, прибыл к казакам практически через сутки после морского сражения. Гордон видел его среди казаков еще позже, на следующее утро, когда казаки дуван дуванили, добычу делили. Все взятое ими в море, на тунбасах и кораблях по обычаю считалось их законной войсковой добычей. И делили они ее, когда никакой опасности и близко не было. А царь их этой самой войсковой добычей и пожаловал. Понял, видно, что деньги и сукно уже не отобрать, а вот оружие трофейное в казну забрал. Благодетель...

Интересно, что думал он, присутствуя на острове при дележе добычи? Каковы показались ему эти лихие подданные?..

Обряд дележа добычи в Войске – главнейший. На нем все сообщество раскрывается. Читал, видимо, царь некогда Тацита (образование все же царское) и теперь воочию увидел людей, о которых Тацит говорил: «Они считают ленью и малодушием приобретать потом то, что можно добыть кровью». Правда, не о римлянах тогда шла речь...

Стояли огромным кругом воины в высоких шапках наподобие боярских, знамена выставили. Возможно, были то знамена жалованные, но одно, несомненно, развевалось на морском ветре свое, войсковое. И не со Спасом, не с образом Богородицы. Изображался на том знамени олень, пронзенный стрелой, и голову тот олень запрокинул не то от гордости, не то в последнем мучении.

Олень в Европе – символ благородства. На гербах встречается так же часто, как орел или лев. У славян древних олень у древа вообще жизнь как таковую означал. А здесь – олень, пронзенный деревом (древком). Что-то вроде сердца, пронзенного стрелой, но еще трагичнее. Было над чем царю задуматься...

Шеин со штабами с 19 мая объявился уже в Черкасске, где за отсутствием Фрола Минаева встречал его наказной атаман Илья Зерщиков, а Лефорт с основной частью галер подошел как раз 23-го.

Того же 23-го казаки и калмыки, предводимые походным атаманом Лукьяном Савиным, выступили, вслед за белгородскими полками генерала Рихмана и рязанскими из дивизии Головина, сухим путем под Азов. Шли осторожно, а потому – долго. Лишь 28 мая заняли позиции перед Азовом. Казаки встали на крайнем левом фланге впритык к Дону и к морю, но теперь – ниже крепости. Перекрыли путь, по которому в прошлом году держали связь с Азовом татары и который не мог перекрыть Лефорт. Было донцов 5120 человек. Справа был у них Рихман, занявший прошлогодний лагерь Лефорта. С Рихманом – 7 тысяч войска, испытанного в прошлом году на Днепре. Предпринятая турками вылазка была проведена с ожесточением, но

донцы неприятеля разбили и отогнали до самой крепости.

Лефорт и Шеин за это время торжественно прибыли в Новосергиевский городок (26 мая), а царь с 22 галерами отправился дальше по Каланче и Кутерьме, в темную безлунную ночь заночевал, став на якорь в двух верстах от устья, и 27 мая утром вышел в море с пушечной пальбой. Ночью разыгралась страшная буря. Галеры едва не перетопли, спасло, что прибивало их к берегу, да и мели кругом. Весь день 28 мая и в ночь на 29-е, как отмечено в журнале, «была погода великая», лишь 29-го буря стихла.

30 мая подошли еще 7 галер вице-адмирала Лима, и лишь 1 и 2 июня петровский флот двумя эшелонами вышел в море и блокировал Азов с запада.

Под прикрытием корабельной артиллерии Гордон 2 июня начал возводить форт на правом берегу Дона ниже Азова, а сам царь присматривал за постройкой такого же форта напротив, на левом берегу. Через десять дней обе «фортеции» были готовы, и выход из Азова к морю оказался под перекрестным огнем с обоих берегов.

В сводке, посланной в Москву 2 июня, говорилось: «Малый Гордон (сын «старого» - А.В.) сего числа пришел под Азов, гетманским надеемся вскоре быть, про калмыков ведомости нет».

7 июня все войско стояло под стенами Азова.

Глава . Взятие Азова.

Турки такой быстроты от русских не ожидали, за зиму лишь валы свои немного подправили, а то, что русские вокруг города нарыли, засыпать не успели. Гордон вообще свои старые траншеи занял.

Гарнизон азовский вряд ли был многочисленнее прежнего, хотели турки его пополнить и послали 4000 пехоты, но она подошла, когда русские уже взяли Азов в кольцо.

Зато татар за Кагальником больше стало. Разведали донцы, что еще в

марте из Крыма на Тамань переправился Нураддин-султан и соединился с местным владельцем Кубеком-агою.

На оконечности левого фланга, как мы помним, стали донцы, правее их генерал Рихман с полками Белгородского разряда. На правом фланге 2 июня расположились полки дивизии Гордона, приведенные его сыном Яковом из Тамбова – всего 14 тысяч. А между Рихманом и Гордоном 7 июня занял позиции Шеин с ратными людьми Московского чина и выборными полками генерала Головина – 15 тысяч пехоты и 10 тысяч конницы. В тот же день Шеин приказал днем и ночью вести шанцы, в шанцах делать раскаты, а на раскатах ставить артиллерию.

10 июня утром Нураддин-султан и Кафинский Муртаза папа с тысячью татар ударили на русский обоз, «и у московской конницы бой с ними был довольный, на неприятельских хребтах ехали верст с десять до самой речки Кагалины, рубили довольно, на силу нурадын и папа ушли». Гнался за Нураддином во главе московской конницы сам Шеин.

Петр писал Ф.Ю. Ромодановскому об этой истории с Нураддином: «наша конница такой ему отпор дала, что принужден был бегством спасение себе приобрести, и до Кагальника гнали со всеми татарами». На Кагальнике, на переправе, Нураддина могли бы и взять, но его воспитатель («дятко») отдал ханскому родственнику своего коня, «а сам, против гонителей его став и бився, в руки нашим за спасение его отдался, того для, дабы тем временем, как он бился и как его брали, он ушел». Но бежавший Нураддин от некоего Дигилея Калмыченка все же получил рану «меж крылец» (между лопаток).

При всей этой свалке и романтической истории татар погибло всего несколько, да 4 взято, среди них молочный брат Нураддина Бек-мурза Чурубаш (в «Вивлиофике» - Бек мурза Омелдеш, кормилицын сын), видимо, он и есть тот самый «дятко». Наших же ранено 8 человек.

Ранеными оказались 6 стольников и 1 стряпчий, и раны все больше стрелами в грудь, в нос и в ноги.

Зато языки поведали, что к татарам больших подкреплений они не ждут, а

вот по морю «будто будет паша с 50 судами».

Действительно, 14 июня в журнал записано: «День был красный. В тот же день на море появились турецкие суда; и ночь была тихая».

Выехав на берег, царь с гордоном и генералами стал считать появившиеся суда. Их оказалось 6 кораблей, 3 каторги, 14 фуриат и много мелких судов. Как показали позже пленные, на судах сидело готовое к десантированию войско в 4000 человек, а командовал флотом Турначи-паша Анатолийский.

Увидев 22 галеры, перекрывавшие донское устье, турки остановились. «И стоит вышепомянутый баша в виду от нашего каравана и смотрит, что над городом делается», - писал позже Петр в письме Ромодановскому.

К русским тоже подошло подкрепление. 11 июня к Черкасску явилось черкасское войско – малороссийские реестровые казаки.

Нураддин, мало что раненный, горел желанием отомстить и просил Турначи-пашу послать привезенный десант в Азов сухим путем. А татары помогли бы туркам прорваться в крепость.

Турначи-паша отказался. В изложении русских переводчиков звучало это так: «...Если де мне убавить людей, то де московский караван придет, караван мой разорит, и в ту пору что мне делать? Ты не поможешь».

Действительно, 22 галеры, выстроившиеся на взморье внешней линией блокады, являли собой внушительное зрелище. Вторую, внутреннюю линию, в самом устье составили казачьи суда. Через реку меж двумя фортами по турецкому примеру перекинули железную цепь. Наконец, подстраховались и при входе в Каланчинское гирло, где по обоим берегам возвели земляные форты и поставили в них солдат и стрельцов. Да на Каланчинский остров, в построенное в прошлом году там укрепление, отправили 4 солдатских полка – Юнгера, Шарфа, фон Дельдена и Левистона.

Царь дневал и ночевал на галерах, в осадный лагерь лишь приезжал по важным делам.

16 июня вечером во время его приезда начали бомбардировку города и с тех пор стреляли часто. В Азове все дома разрушили, и турки, как некогда

казаки, скрывались в землянках. Но о сдаче они не помышляли, часто делали вылазки и врывались в русские траншеи.

Нураддин тоже не давал житья. «Татары мало не по вся дни с нашими бьются», - писал Петр в Москву Ромодановскому.

17 июня галеры и казачьи струги «ездили на море к неприятелю; и был у них бой с конницею близ берегу в подъезде, и перед вечером приехали назад». Как видим, если татары флот достать не могли, то хотя бы по берегу его сопровождали.

18 июня позади Рихмана встали подошедшие от Черкаска 6 полков украинского казачества - Черниговский Лизогуба, Гадяцкий Бороховича, Лубенский Свечки, Прилуцкий Горленко и два "охотные", конный и пеший, Кожуховского и Вальковского. Командовал ими наказной гетман, черниговский полковник Яков Лизогуб. Всего пришло 10 тысяч пехоты и 6 тысяч конницы.

Русские обрадовались – надеялись, что теперь татарские набеги легко отбивать будут. Но татары, хотя и в небольших силах, 22 июня «подбегали» с другой стороны Дона, от Лютика. Но там обозов не было. Кроме Каланчинского острова с четырьмя полками – пустой берег.

Прикрывшись, таким образом, как надеялись, от татар и от турецкого флота, стали рассуждать, как же крепость брать. На штурмах уже дважды обожглись. Орудийный огонь сносил дома внутри города, но стены пока стояли целы. Подкопы вести и мины ставить – страшно, опять своих побьет...

Решили спросить солдат и стрельцов... Вот это демократия! Где уж там пресловутому «Приказу № 1»!..

Все войско «отозвалось, что надобно» насыпать вал выше турецкого, подвести его к валу неприятельскому, засыпать тем самым ров и, расстреляв турок из пушек сверху, сбить их с крепостных стен.

Правильно. Все новое это – хорошо забытое старое. Так более полувека назад турки Багдад брали, так они, как мы помним, пытались Азов брать. Так

Равноапостольный князь Владимир некогда Херсонес у греков отбирал...

«Неясная мысль войска», - как пишет об этом предложении Н. Устрялов, была в новинку не только ему, историку, который припомнил сразу же события X века и Владимира Красное Солнышко. До такого способа брать крепости не додумались ни русские воеводы, ни «поседевший в боях Гордон». Он, кстати, за эту мысль ухватился сразу и потом ее развил и усовершенствовал.

А откуда солдатам и стрельцам эта мысль пришла? Или справедливо бытующее доньше мнение, что у нас войска умнее командиров? Вряд ли. Были бы умнее, не спали бы после обеда без охраны.

Все проще – в армии были люди, которые знали, что именно так однажды уже брали Азов. По крайней мере, пытались взять... Это донские казаки, чьих предков, насыпая вал, пытались выбить из Азова турки в 1641 году. Они и предложили, обнаружив в данном случае с прошлой осадой 1641 года много ассоциаций. И армия большая под Азов подошла, и минную войну ведет неумело...

Вот их роль во взятии Азова в 1696 году. Показали, научили, как это делается. Возможно, себе на голову...

Командование согласилось, и в ночь на 23 июня первые 15 тысяч человек принялись насыпать вал. Следующим вечером вышли на земляные работы другие 15 тысяч. Идея насыпать вал стала настолько популярной, что стрельцы, служившие некогда под началом Лефорта, стали обвинять своего командира, будто еще при первой осаде «они, радея ему, великому государю и всему христианству, Азов говорили взять привалом, и то он оставил». Вот такое посягательство на приоритет, на авторские права...

Нураддин, встревоженный такой кипучей деятельностью, 24 июня с Кубеком-мурзой и Муртазой-пашой, с личными крымцами и ногайцами, напал на русский лагерь. «... жестокие от них напуски были силами, что никогда такова бою с татарами не бывало, и Божьим милосердием наши крепко и бодро стояли, многих от полков их татар побили и знатных мурз в

полон взяли 4 человека и знатных татар много». Татары, «быв яко волки, на утек пошли, а наши войски довольно их в след гнали».

Московские дворяне, решив, что история повторяется, помчались вслед, рассыпаясь по полю, потеряв строй и распаляясь преследованием. Татары их заманили и повернули навстречу. 9 стольников и иных комнатных людей легли на месте, столько же в плен попало, да более 20 русских витязей получили тяжелые ранения. В «Вивлиофике» перечислены 17 «от нашего полку добрых и удалых голов», что «от меча их падоша», среди них князь Ухтомский, Палицын, Кузьмин-Караваев, Лодыженский, Кохановский, Тихменев, Щербачев, Давыдов и другие родоначальники русских воинских славных родов. Без вести пропали трое: Лихарев, Хрущев и Воейков. Среди раненых князь Гагарин, тот же Тихменев, Ознобишин...

Татар гнали 10 верст и так оплошали...

Чтоб такие набеги пресечь, надо бы на их татарские и ногайские стойбища калмыцкую орду напустить. И Аюка тайша со своими людьми вроде бы уже под Азов выступил, готовый служить, но затерялся где-то бескрайней степи.

Зато 25-го июня прибыли под Азов из Бранденбурга, из прусской земли два инженера – Георг Эрнст Резе и Хольстман, да с ними четыре «огнестрельных художника»: Кобер, Гаке, Кизеветер и Шустер. Гордон обрадовался, стал им расписывать строящийся вал, что превысит он крепостные стены и будут в нем выходы для вылазок и раскаты для батарей, что с высоты этого вала можно будет через наружные укрепления стрелять по каменному замку.

Немцы помалкивали. В инженерном деле, как показалось, они ничего не смыслили, а может, постеснялись русским об их варварстве и допотопных приемах осады напоминать. Артиллеристы же оказались прекрасные, стреляли методично и точно. Относились к этому делу как к искусству.

После их стрельбы отмечено в журнале 27 июня: «В тот день в Азове был великий пожар».

Турки на море заволновались и попытались 28-го подойти ближе и пехоту на берег высадить. Петр в письме описал это так: «канун Петрова дня был от них подъезд в 24 судах, и как близко подъехали, и наши якоря вынимать стали, чтоб на них ударить, и они, то видя, тотчас парусы подняв, побежали». Как писал А.С. Пушкин, каймакан с флотом стал «праздным зрителем осады».

В день тезоименитства царя Шейн написал туркам послание и приказал, привязав к стреле, забросить его в крепость. Предлагал он сдать крепость с орудиями и снарядами, а гарнизону удалиться со всем имуществом, куда турки сами пожелают. Турки и отвечать не стали, лишь из пушек ударили со всей яростью. А вскоре Нураддин опять устроил «жестокое нападение» на русский лагерь.

Но здесь татары просчитались. 30 июня как раз подошли под Азов 500 саратовских и яицких казаков и прямо с дороги ввязались в свалки. 1 и 2 июля вспыхнули скоротечные конные бои, и тут у татар погиб храбрейший наездник Дулак-мурза. «Между прочими, - писал Ригельман, - убил яицкой козак из пищали знатнейшего и лучшего из мурз в самую голову и, сняв с него изрядной панцырь, оправной сандак и саблю, принес вместе с головою в лагерь».

3 июля вышли из степи, бежав от татар, три человека – солдат, стрелец и человек боярина Сонцева – и рассказали про татар, «как приехали они, проклятые, с бою, великими голоса кричали, и от того вошло стада их конские многие разбежались, для того премнога привезли побитых и раненых».

Приезжали потом от татар послы голову Дулак-мурзы выкупить, но русские, озлобленные татарскими налетами, отказали.

Всего крымцы и закубанцы нападали 6 раз. Их отгоняли за речку Кагальник. У русских в этих боях одних дворян погибло, получило ранения и пропало без вести 96 человек.

У татар и ногайцев после тех стычек сомнения появились. Кубек, местный

владелец, с калмыками из русского лагеря переговаривался, узнавал: чей будет Азов?

И из Азова два турка вышли. Рассказали они, что войск в городе осталось 2 тысячи, раненых человек сто, многие хотят сдать, «а все держит немчин да охреяны наши». Под «немчином», видимо, подразумевали пресловутого Янсена, которого даже Гордон называл «немецким моряком». Похоже, что турецкое командование на последней стадии осады опиралось на русских изменников, для которых сдача крепости означала выдачу и жестокую смерть.

Главная работа русских теперь сосредоточилась на устроении вала. Каждую ночь выходили по 15 тысяч человек и насыпали, а днем по июньской и июльской жаре отсыпались.

3 июля в письме к Ромодановскому Петр сообщал: «А о здешнем возвещаю, что вал ваят близко и 3 мина зачали. Приезжие бранденбурцы с нашими непрестанно труждаются в бросании бомбов».

Официальная сводка из армии, отправленная в Москву 4 июля, описывает бедствия турок: «И из земли и из норы никто из них не выходит на волю, сидят враги нужно. Слышим по ночам, как волки взывают, и слышно от них, что их малое число... А в городе раненые и больные многие лежат, и от гранатов горят, и от того в городе у них великий смрад, а в поле зело много травы зеленой, и цвет есть червонной». Последняя фраза так и просится, чтоб ее отправили в письме осажденному азовскому гарнизону...

Но трава вызывает тревогу у автора «сводки»: «По тому полно утаясь, что ползущие змеи под большою травой приползают мужики злодеи, собрався тайно стороною...».

«Мужиками злодеями» в русском лагере никогда не называли ни татар, ни турок. Видимо, против русских войск собрались здесь, под стенами Азова, не только «враги внешние», но и изменники, беглые раскольники, «ахрияне»...

Турки тоже сопротивлялись, как могли. 5 июля смертельно ранили

полковника Александра Левистона, прямо в рот ему пулей попали.

Меж тем насыпь становилась все выше, ров наполнялся грудами земли, русский вал неумолимо сближался с турецким. «И валы сообщили толь близко, - писал Петр в письме, - еже возможно было с неприятели, кроме оружия, едиными руками терзаться, уже и земля за их вал метанием сыпалась».

11 июля, когда насыпь достигла крепостного рва, и за ней на раскате готовились устанавливать 25 орудий для стрельбы прямо по каменному замку, прибыли под Азов цесарские минеры, инженеры и артиллеристы. Ехали они, не торопясь, и объяснили, что об осаде ничего не знали, а в союзной Вене о ней и вовсе ничего не известно, не ждали там, что царь Петр так быстро новую армию соберет и Азов осадит.

Австрийцы грандиозности работ дивились, но большой пользы от них не предвидели. Надеялись на подкопы, на минную войну, на правильное расположение батарей, на то, в чем были признанными мастерами.

Действительно, полковник Казимир де Граге, главный из австрийцев, пушки так расставил и направил, что сразу же разрушил палисады в угловом башенке, которые Гордон до этого безуспешно разбить пытался. Теперь же, после такой стрельбы, заняли русские на ночь оставленный турками угловой бастион.

И татары и турки сразу же ответили. Как сообщает журнал о событиях 13 июля, «день был красный, а в вечеру был туман. В тот день татары конница ударили на казачьи таборы, чтоб им проехать в Азов, и казаки, не допусая их до обоза, прогнали назад. И ночь была с туманом тихая»

Прорваться в город пытались не только татары. Флот турецкий тоже, пользуясь туманом, приближался к побережью, но все же не рискнули турки в бой ввязываться, отступили.

Австрийцы, опираясь на авторитет всей Европы, рекомендовали возобновить подкопы, но инженеры, судя по дневниковым записям Гордона от 14 июля, никак не могли договориться, как их устроить. Петр в письмах

от 15-го о подкопах ничего не пишет: «Здесь, слава Богу, все здорово, и валом во многих местах ров засыпали».

Сводка, посланная в Москву от 16 июля, говорит кратко, как в предчувствии: «Азов кругом валом обвален, и ров у них засыпан, в готовности 3 подкопа... Конница ж их яко псы лают и ездят около таборов наших...».

И тогда сказали свое веское слово казаки. «Неукротимое мужество казаков ускорило падение Азова, - пишет Устрялов. - Скучая продолжительною осадю, еще более тяжким трудом по возведении насыпи, и уже чувствуя недостаток в продовольствии, запорожцы условились с донцами ударить на Азов в надежде увлечь своим примером и прочие войска».

Царь все время на галерах проводит, главнокомандующий Шеин из шатра не вылезает, приказаний от него не дождешься, меж инженерами несогласие, чем новые подкопы кончатся – Бог весть. Вал насыпать заставляют наравне с московскими людьми, а казакам не хочется: «Нам потная работа не в обычай!». Меж тем попали донцы как бы в двойное подчинение. С одной стороны, служат царю, но без какого-либо формального договора. Их потери под Азовом потом, когда итоги подводить будут, даже не укажут, считать не станут. С другой стороны, договор меж двумя войсками – Донским и Запорожским - никто не отменял. А в малороссийском казачьем воинстве под Азовом запорожцев тьма, если не прошлых, так будущих. И больше малороссийских казаков, чем донцов, раза в три (впрочем, так всегда до этого было). И договорились за спиной Шеина два казачьих начальника, Лизогуб, «муж в добродетели и в военных трудах искусный», и Фрол Минаев, крепость самим взять. «Не могли де мы дождаться от шатра (место главнокомандующего – А.В.) указу, когда нам итти к приступу, а гуляем де с лишком две недели даром, и многие де из них голодом тают, истинно де многие милостыни просили, для того, не дождався указу, и пошли на приступ собою».

«Июля в 17 день во весь день было тихо, - читаем в «Древней Российской вивлиофике», - молчали все, ждали ежечасно подкопу и приступу, и за 2 часа донские казаки десять знамен с тысячу и пять сот человек взойшли на Азовский земляной вал, а турков, которые на валу стояли, отбив из мушкетов, тесня и в город гоня, и к ним же в помощь донских казаков не большое число с атаманом подошли, изжили турок в земляной вал и отбили у них с той стороны валовую стену, а отбив вал, подались было за ними в город шествовать; но видя, егда ни с которой стороны помощи нет, выдали одних, понудились казаки назад на турецкий вал, где взяли 6 пушек больших, прикованных на чепях и утвержденных сваями глубоко в землю, так едва возмogli воротами те пушки вытащить, сели казаки на валу обозом, и с час погодив, еще турки с великим напуском на них полезли, где казаков несколько, а многие поранены, не могли турки сбить с валу, сходили на вал свежие люди, и крепясь казаки, погнались за турками в земляной вал к каменному городу, где была не малая битва, стреляли уже турки по казакам из каменного города и с стен пушки ефимками и золотыми, а из фузей сечеными ефимками, которые казаки для запаски к шатру приносили, и о всем о том известно, истинная быль, темная ночь разорвала собою, сели казаки по прежнему на валу...».

Помощи им не оказали, потому что «они, казаки, пошли на вал своевольно без указа, не согласясь с московскими войски, а иные поговаривают, что в московском войске люди к приступу были не готовы». Если б остальные войска помогли, то Азов, возможно, в тот же день бы взяли приступом. Но ни солдаты, ни стрельцы из своего лагеря не выступили, и казаки откатились на вал, где и «утвердились в угловом бастионе».

Байер освещает эти события несколько по-иному, мол и Шеин все знал, и русские помогли: «Черкаской Гетман прислал между тем к боярину Алексею Семеновичу Шеину сказать, что он намерен идти на приступ и для того просит, чтоб боярин велел всему войску с трех сторон вдруг закричать, а он в то время поплет на вал донских казаков. Турки, услышав крик перед

большим лагерем, оборотились все к той стороне, опасаясь приступа, а против Гетмана оставили только обыкновенный караул. И так украинские казаки, взошед на вал с Гетманом своим Мазепой и с наказным Гетманом Яковом Лизогубовым, а донские казаки под командою Гетмана Фрола Миняева взяли два раската и 4 пушки. На оном раскате сели они, а другие выжгли».

Ну, хоть покричали русские войска, и на том спасибо.

Турки, как мы помним, опомнились и контратаковали. Как писал очевидец, «хотя турки их больше шти (шести – А.В.) часов непрестанною стрельбою и каменным метанием отбить хотели и трудились, однако ж крепко и неподвижно остоялись; последующие же ночи еще мужественнейше того 4 пушки у турок с башни они сволокли».

Это же у Гордона в дневнике описано следующим образом: «Черкасы завладели частью углового бастиона. После полудня они попытались выволочь три небольшие пушки, которые они привязали веревками; при этом возникла шумная стычка между ними и турками, так что мы принуждены были, чтобы воспрепятствовать туркам обрушиться на них со всею силою, сделать вид, как будто мы хотим предпринять штурм или общую вылазку... Ночью мы отрядили гренадеров поддержать черкас. Они вывезли три маленькие пушки из бастиона; лафеты их были сожжены турками. В то же время донские казаки увезли другую небольшую пушку с другой стороны вала».

Поскольку бой продолжался до ночи, в ходе его возобновилось ставшее традиционным насыпание вала. Вульф, переводчик Петра, записал: «против того ж наши московские ратные люди вал свой над неприятели выше неприятельского валу подняли и градную их оборону землею заваливать начали, а неприятели им, кроме каменного метания камнями, никакого вреда приключить не могли».

Таким образом, как видно из этих записок, казаки шесть часов отбивали турецкие контратаки и устояли.

Лаконичнее всех журнал это дело осветил: «В 17 день. День был красный.

В тот день взяли Турецкие бульварки и был бой; и ночь была тихая». И еще короче: «В 18 день. День был красный. Турки город Азов сдали».

В ночь на 18-е казаки с азовских стен послали на галеры к «многочестнейшему командору» есаула с известием, что они взяли азовскую валовую стену.

Царь похвалил их за храбрость и повелел готовиться к общему штурму.

18-го, в субботу, казаки рвались начать побыстрее. «Черкассы с утра порывались на турков к бою, видя их с валу в ямах сидящих и около белого города яко нетопыри парящих, но указ имели, дабы дождался. Со всеми войско начинать сего дня битвы».

Предвосхищая штурм, «на другой же день, а именно в 18 числе, учинили татары дважды порознь великий напуск с великою жестокостью в двух местах на обоз наш в намерении том, чтоб в город просечься, но от нашей пехоты, которая пред обозом в строю устроена была, так встречены, что, со уроном нескольких своих побитых и в полон взятых, уходить принуждены суть».

Турки татарскую атаку не поддержали и штурма тоже не стали ждать. Объясняли они потом, что устрасило их, как «черкасы зело нагло на вал к ним взопли, не боясь их многой стрельбы»

В полдень 18 июля, когда начался огонь с русских батарей по крепостному парапету, вышел из Азова, махая шапкой, «престарелый турка» Кегая-Мустафа Тарыбердеев. Был «турка» человек опытный и вышел не к казакам и не к Гордону, а к генералу Головину и передал письмо для боярина Шеина. Дескать получили мы от вас три недели назад письмо, но мы тому письму не верим, ибо на нем боярской печати нет. А коли будет такое же письмо с печатью, то мы Азов сдадим. А на словах «турка» добавил – «только выпустите нас с женами и детьми».

Шеин немедленно требуемое письмо написал и печать поставил, а казак Самарин оное письмо туркам в Азов отвез.

Через час явился к Шеину сам бей Гассан Арасланов, и они с Шеиным обо

всем договорились. Турки сдавали Азов с пушками и снарядами, а русские выпускали гарнизон с оружием, семействами и пожитками и брали обязательство перевезти на своих судах по Дону и морем до устья Кагальника. Турки освобождали всех русских пленных и невольников, а из перебежчиков выдавали тех, кто не принял басурманскую веру. Касалось это в первую очередь беглых раскольников. Русские затребовали выдать Якова Янсена. Гассан объяснил, что Янсен принял ислам и поступил в янычары. Тут Шеин уперся и грозил разорвать переговоры и штурмовать город. Турки, наконец, согласились и притащили связанного по рукам и ногам Янсена в русский лагерь. Голландец кричал: «Отсеките мне голову, а Москве не отдавайте». Его тут же заковали в кандалы. Вместе с Янсеном турки по требованию казаков, выдали «несколько охреян, главных заводчиков. Их отослали в Черкасск для всенародной казни за измену». Узнал их, «славных воров и заводчиков», сам Фрол Минаев.

На ночь Гассан остался в русском лагере в качестве заложника, так как других аманатов турки не дали. Рассказал он, что во всем виноват анатолийский папа Кангалой, которого еще в марте послали в азов с подкреплениями, а он «за своими роскошами к ним на помощь не поспешил и опоздал и их во всей осаде выдал».

И все равно ночью турки 20 человек пленников «нехристиански умучили, не хотя отпустить на волю, и умучив, засыпали живьем в землю». Потом русские, когда «драли с мертвых тусафаны», нашли 6 едва живых соотечественников, но они так и умерли.

19-го восемь русских полков выстроились в два ряда от азовских береговых ворот до Дона. Примерно 3000 турок, вооруженных с головы до ног, в беспорядке толпою прошли к берегу и погрузились на струги, часть из них, наоборот, стала уходить степью. Из Азова вышли Шабан-бей, Хасекиса Лан Ахмед ага (так, видимо, корреспондент «Вивлиофики» записал имя Гассана), «комнатной салтанский над салаками, начальник Асалаки, у Салтана самый ближний оберегательный полк», с ними Кипычи-папа, Самсонеи-папа,

Чаюш-паша («над дворянами голова») и кафинский Казы-эфенди.

Азовский бей Гассан Арасланов вручил ключи от города генералиссимусу боярину Алексею Семеновичу Шеину, передал 16 знамен с преклонением их под ноги боярского коня, и поблагодарил, поцеловав полу шеинского кафтана, за соблюдение условий капитуляции. Две русские галеры провожали турецкий караван до устья Кагальника.

В Азове вошедшие русские войска обнаружили 270 бочек пороха, 60 оставленных орудий полковых и стеноломных, 32 дробовых, 170 пицалей, 30 панцирей «да ядер несколько навалено в углу». Оставили турки 29 невольников и 20 пленных, взятых в этой войне.

Запорожцы сразу же стали грабить, благо в городе оставалось еще 5900 человек обывателей обоего пола, но ничего ценного найти не могли. Царь велел отдать им найденные запасы продовольствия. Кое-кто углядел в этом намек: вы с голодухи на штурм пошли, так нате ж, ешьте...

За эту кампанию потеряли: у Шеина в большом полку убитых 9, от ран умерли 10, в плен попали 8. Всего – 27.

В полках Гордона убито и от ран умерло 2 офицера, 45 солдат и 45 стрельцов, от болезней умерло 3 офицера, 106 солдат и 24 стрелец, ранения получили 4 офицера, 86 солдат, 135 стрельцов.

В полках Головина убито солдат 29, стрельцов 19; от ран умерло солдат 10, стрельцов 12; от болезней умерло солдат 82, стрельцов 22; ранено солдат 139, стрельцов 40; в плен попали 14 солдат и 1 стрелец.

В полках Рихмана убито и умерло 67, ранено 228.

Черкасс (малороссийские казаки) потеряли убитыми 192, ранеными 276, умершими 2, пленными 19.

Убитым и раненым донцам в русской армии счет не вели.

20 июля послал Шеин сухим путем и водою отряд российских войск с казаками и калмыками на крепость Лютик в устье Мертвого Донца. Но 21-го турки сдали Лютик без боя. Принимать городок отправились казаки.

У донцов, помнивших прежние неудачи, с этой крепостью были свои

счета. Гарнизон (115 человек) они оставили в живых, но "оборвали" - раздели, пустили в сермягах, с мешками для хлеба. Пропитания дали только-только, чтобы "степь перейти".

В Лютике нашли 31 оставленное оружие.

Не теряя времени, царь велел восстанавливать азовские укрепления и составить план новой крепости на старой основе, а сам отправился искать место для морского порта и нашел на Крымской стороне место Таган-Рог.

Салютуя на каждом шагу и истратив на праздники порошу, наверное, не меньше, чем во время осады, стали русские возвращаться. Первым 30 июля отправился вверх по Дону на Воронеж Преображенский полк. С ним вместе, только в другую сторону, выступили малороссийские реестровые. Петр в письме Виниусу сообщил: « А черкасы июля в 30 день пошли в дом свой, также и донские пошли многие». Общее выступление прочих войск было 16 августа.

В Азове оставили воеводу стольника князя Петра Григорьевича Львова и с ним 8300 человек пехоты: 6 полков солдатских: Алексея Бюста, Ивана фон Дельдина, Ефима Крейга, Вилима фон Дельдина, Ивана Трейдина и Ивана Мевса, и 4 полка стрельцов: Федора Колзакова, Ивана Чернова, Афанасия Чубарова и Тихона Гундертмарка.

30 сентября состоялось торжественное вступление в Москву победоносного российского воинства, достаточно описанное во многих толстых книгах.

20 октября в Москве решалось, как Азов заново заселить, и приговорили отправить туда 3000 семей из низовых городов на жительство, да конницы добавить в гарнизон, 400 человек с калмыками (число калмыков не указано). Потом, 4 ноября решили, что оставленный гарнизон для Азова велик, решили оставить всего 3000 стрельцов и городовых солдат.

Но мирная жизнь в Азове долго не налаживалась, война продолжалась, и 10 января 1697 года царская грамота предписывала донцам «и город Азов, также и новопостроенный город Сергиев, и Каланчи, и Лютин, и все свои

казачьи городки от неприятельского нахождения чтобы берегли со всяким усердным радением и до взятъя и ни до какого разорения не допустили и посылали бы вы от себя из Войска в те города и в Каланчи в помощь нашим ... ратным людям донских казаков по немалому числу и велели им чинить неприятелем отпор с великим радением, обще с ратными тех городов людьми, а буде учинится к тем городом и к Каланчам неприятельской приход во многолюдстве и учнут под теми городами и Каланчами брать и приступать, и вам бы, ... служа нам, ... всем Войском к тем городом и Каланчам итить и при помощи Божий их беречь, сколько вам Всемилосердый Господь Бог помощи подаст, а служба ваша и радение у нас, великого государя, забвенна не будет, в том бы вам на нашу, великого государя, милость быть надежным».

Вернувшись из похода, царь отдал приказ строить на Воронеже настоящий флот, а сам уехал в Европу с посольством. Для строительства флота порубили вокруг Воронежа все леса, и пошел песок сверху по-над Доном, засыпая «верхние» казачьи городки. От того ли он шел или по другой причине, но казаки с верхнего Дона и песок этот флоту и злой воле царя приписали.

Со взятием Азова русские стали у моря и навели страх на многие соседние народы. Некоторые признали новую русскую власть, а другие, кто с донцами часто папкой переводывался, наоборот, откочевали дальше за Кубань в опаску. И это неплохо – когда еще они из-за Кубани до русских украин доберутся...

Хитрейший калмык Аюка тайша, России неоднократно тайно изменявший и под Азов опоздавший, теперь торжественно каялся, принес Государю повинную и был помилован и пожалован – дозволил ему Петр Алексеевич кочевать по Хопру, Медведице и Манычу.

Турки же, скрипя зубами, в великой тайне собирали новое войско у Темрюка, готовились отбивать Азов обратно под султанскую руку.

В феврале 1697 года стеклись к Темрюку под зеленое знамя крымцы, ногайцы и горские народы. Выдвинулись они все к Тамани и ждали только

пока лед на Азовском море и на Дону вскрыется. По чистой воде должен был великий визирь со всем флотом подойти морем к Азову, а названные народы от Тамани хотели броском выйти на речки Койсуг и Мертвый Донец, выпле Азова, и на скорую руку на тех речках крепости поставить, чтоб Азов и Лютик от донских казаков отрезать и с двух сторон зажать.

В Керчи говорили турки и беглые азовцы, что или возьмут Азов или умрут под его стенами. Но один казак, бывший в Керчи в плену, все эти речи слышал и из Керчи с невероятным риском бежал, чтобы обо всем в Черкасске поведать.

Войско немедленно снарядило в Сергиевскую крепость и на Каланчи дополнительно триста казаков, а в Москву послали легкую станицу с тревожными вестями.

В Москве и впрямь встревожились и 9 апреля послали грамоту атаману Фролу Минаеву, чтоб возвращался он из Воронежа с зимовой станицей обратно в Черкасск и готовился турок отражать на суше и на море. И войско царь к Азову отправил во главе с боярином Шеиным – 77 тысяч.

Пока Шеин собирался, в мае турки на кораблях вошли в устье Дона и собирались высаживать десант прямо под азовские стены. Тут донцы на своих лодках из камыша на них кинулись (давно поджидали) и многие суда с «высадным войском» потопили, а остальные турецкие бригантины опять в море ушли.

Затем и Шеин явился. Донцы же ему рассказали о сражении и победе.

Шеин поначалу наивно полагал, что турки, обжегшись под Азовом, станут больше с австрийцами воевать, а он, Шеин, с русскими войсками будет «демонстрировать», на себя поганых отвлекать. Но в июле турки всем собранным у Темрюка войском явились прямо под Азов. Делать нечего, пришлось начинать сражение. Шеин дал туркам и всем их вассалам переправиться через речку Кагальник и под стенами Азова спиной к Дону и к крепости вступил с ними в бой. 11 часов две армии перемогали друг друга, но наши оказались крепче, и татары, составлявшие в неприятельском войске

большинство, побежали. Донские казаки и калмыки пустились следом и на берегах Кагальника устроили бегущим кровавую баню. Рубили их и топили и только из великой милости в плен брали.

Развивая успех, хотели донцы сразу на Темрюк идти. Но Шеин не пошел, дальше Азова ему якобы царь ходить не велел. В сентябре донцы морем сами под Темрюк сходили. Но турки были настороже, и вернулись казаки обратно без успеха. Это их нимало не смутило, и в ноябре, сложившись с калмыками, сбегали они на Кубань, где побили и пограбили ногайский улус Кубека мирзы, турецкого подданного. Отогнали 1200 лошадей, а улусников перебили без различия пола и возраста, взяли лишь 7 человек, что табун стерегли.

На следующий год, 1698-й, затребовали русские тысячу казаков на крымских татар – в армию князя Долгорукого. Там казаки по обычаю своему отличились, участвовали в великой битве под Перекопом, где были разбиты турецкий Сераскир Али-паша и крымский хан и где одними убитыми наклали якобы татар 40 тысяч. Но в документах и грамотах о сем славном деле говорится глухо.

А на Дону все эти годы до заключения мира случались лишь стычки да набеги, но ничего выдающегося, чтоб заставило подняться все Войско, не было. В октябре набегали казаки морем на новопостроенный турками Ачуев, но «не дошед», встретили и рассеяли неприятельские суда, взяли двух языков и своих нескольких человек из плена освободили.

В это время бежал из-за Кубани в Черкасск полезнейший человек Исуп-мирза, и казаки, взяв его проводником, дважды ходили в набег на Лабу на едисанских татар. В первый раз 500 коней угнали, а во второй – 600 и двух татар с собой увели. Партии казачьи были небольшие – 90 человек и 150.

Едисанские татары, ногайцы и беглые казаки-раскольники, числом человек 300, пошли в ответный набег. Прокрались степью, далеко обходя Черкасск и Раздоры, и меж Пятиизбянским городком и Царицыном перехватили 23 казаков и астраханских татар, которые везли на Дон для продажи персидские

товары.

Торговые люди товар побросали – жизнь дороже – и стали вскачь уходить на ближайший казачий городок. Хищники лишь троих догнали и, подобрав брошенный товар, решили возвращаться.

Местные казаки поднялись и преследовали татар несколько сотен верст до самой Кубани, где настигли, одного татарина убили и товару на 500 рублей отобрали.

В надежде получить от Москвы и от Войска новые милости сообщили они, что ватага сия татарско-раскольничья шла на городок Паншин пожечь русские корабли. Однако в Войске все правильно поняли и приказали атаманам и казакам верхних городков отражать татарские набеги на русские корабли бескорыстно, но под страхом смертной казни.

«С этого времени, - пишет историк, - набеги закубанских народов под казачьи городки сделались чаще и продолжались не только до заключенного 1700 года мира с турками, но даже и после одного; и хотя со стороны Войска Донского всегда платили им подобным же разорением их улусов, но татары нимало от этого не унимались».

Правильно, обжились казаки, жен детей завели, хозяйство постоянное. Чего ж их не грабить? Вот так постепенно стали меняться роли.

Стрелецкие полки из Азова отправили в Литву, но они взбунтовались и пошли на Москву. Думали, пока царь за границей, снова Софью на царство посадить. И многие донские казаки в том стрельцам сочувствовали. Когда узнали, что мятежных стрельцов под Москвой побили, говорили в Черкасске одному писцу, приехавшему из Воронежа: «Дай только нам сроку, перерубим мы и самих вас, как вы стрельцов перерубили. Если великий государь к заговению в Москве не будет, вестей никаких не будет, то нечего государя и ждать! А боярам мы не будем служить. И царством им не владеть, и атаман нас Фрол не одержит, и Москву нам очищать. Мы Азова не покинем; а как будет то время, что идти нам к Москве,... до Москвы города будем брать и городовых людей с собою брать, и воевод будем рубить или в

воду сажать». Чувствуется какая-то бессильная ярость...

В октябре 1698 года началась мирная конференция, и с турками заключили перемирие на два года. А в апреле 1699-го чрезвычайные посланники Украинцев и Чередеев отправились в Константинополь заключать мир. Везли они с собой деньги и меха и рыбий зуб – взятки давать для лучшего исполнения российских интересов. Ехали они с Воронежа водою до Азова. Подъехав к Черкасску, первыми из ружей салютовали. Далее – Азов. Таганрог, Керчь. До Керчи в составе царского флота провожал посланников донской атаман Фрол Минаев и с ним на 4 морских стругах 500 выборных казаков.

Переговоры начались в ноябре. Россия требовала оставить за нею все завоевания и обещала, если Азов будет в русском владении, «то своевольные люди обоих государств уймутся». Оговаривали и казачьи дела. «Если во время мира казаки пойдут войною на турецкие и крымские места, то вольно их поубивать, как злодеев; а когда из походу возвратятся, то по царскому указу учинена им будет смертная казнь; так же будет поступлено взаимно с турецкой и крымской стороны». А «дачу» - дань, которую до сих пор русские платили крымчакам, - великий государь «за многие их неправды» велел больше татарам не платить...

Торговались до июля 1700 года. Кое-что пришлось уступить. Но Азов и земли по Азовскому морю по Ногайской стороне на 10 часов езды остались за русскими.

«По заключении мира с турками казакам всего несноснее было видеть себя стесненными в отмщении неприятелям за их обиды. – продолжает историк, - ибо им не позволялось преследовать их до жилищ, а велено в подобных случаях приносить жалобу азовскому коменданту, который обязан был ходатайствовать о возвращении пограбленного у ачуевского паши; но казаки никогда не получали удовлетворения. Усилившиеся потом время от времени набеги татар на казачьи жилища были причиною дозволения казакам по просьбе их преследовать хищников до их улусов и отмщать за причиненные

ими обиды».

Читаешь, и волосы дыбом встают. Дожились... Были вольные из вольных, а теперь без русского позволения и отомстить не могут. Можно приходить их и грабить, а они на ответный набег у азовского коменданта позволения испрашивать будут, а тот во избежание международных осложнений – как Бог свят – запретит и пообещает к ачуевскому паше обратиться, письмо написать. И лишь в крайнем случае, как кость злым собакам, кинет разрешение: бегите, грызьтесь, а я с азовских стен посмотрю...

Да, Петр 1 – это вам, ребята, не азовские турки. С теми договориться можно было, перемирие заключить. И когда ж вы успели дойти до жизни такой, вольные донские казаки?..

А вдобавок ко всему табуном пошел на Дон из России всякий наброд. С новым царем в России «начиналась усиленная работа, усиленная служба; но многие не хотели усиленно работать и служить, и побег на Дон усиливаются», - писал С.М. Соловьев в своей «Истории России». Власти российские требовали вернуть беглецов в «первобытное состояние». Донцы по обычаю не выдавали. Раньше такой наброд сама жизнь просеивала. Слабые гибли или возвращались, сильнейшие оставались в сообществе. Каково теперь будет?.. «Государь, и такой государь, как Петр, разумеется, не мог равнодушно смотреть на подобные явления, и неудовольствия на великой реке увеличивались...».

Кончилась вольная жизнь, служба началась. Петра Первого влекло в большую политику. «Мы здесь в 18 день объявили мир с турками зело с презрядным фейерверком, в 19 день объявили войну против шведов», - писал он в письме Ф.М. Апраксину. «По заключении 3 июля 1700 года с Турциею 30-летнего мира, - хладнокровно заключает главу историк, - Россия приступила к Северному союзу, составившемуся против Швеции. С сего времени донские казаки постоянно участвовали во всех веденных войнах с соседними и отдаленными народами и сверх сего защищали свои жилища и охраняли южные пределы России от вторжения... (далее следует перечень,

тех, кто на оные бескрайние пределы напал»).